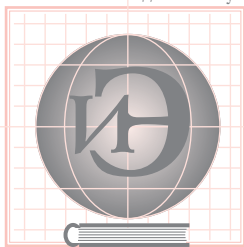

Российская академия наук

Институт экономики

New Economic Association Journal
Institute of Economics of the RAS
Moscow School of Economics Lomonosov Moscow State University
NSU Higher School of Economics

ECONOMIC SCIENCE:
FORGOTTEN AND REJECTED THEORIES

Proceedings
of the 1st October International
Scientific Conference on Theoretical Economics

3–5 October 2019

Edited by
B.S. Avtonomov and A.Ja. Rubinstein

Moscow
2019

Журнал Новой экономической ассоциации
Институт экономики РАН
Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова
НИУ «Высшая школа экономики»

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА: ЗАБЫТЫЕ И ОТВЕРГНУТЫЕ ТЕОРИИ

Сборник материалов
1-й Октябрьской международной научной
конференции по проблемам теоретической
экономики

3–5 октября 2019 г.

Под редакцией
В.С. Автономова и А.Я. Рубинштейна

Москва
2019

УДК 330.8
ББК 65.02
Э 40

Экономическая наука: забытые и отвергнутые теории: Сборник материалов 1-й Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики. 3–5 октября 2019 г. / Под ред. В.С. Автономова и А.Я. Рубинштейна. – М.: ИЭ РАН, 2019. – 292 с. (Препринт).

ISBN 978-5-9940-0652-8

Доклады этой конференции подтверждают, что в отличие от естественных наук, где обычно отвергаются теории, ложность которых доказана с помощью строгих экспериментов, объект экономической науки исследуется с помощью различных абстракций, ни одна из которых не может окончательно вытеснить остальные. В экономической науке, где строгих экспериментов не бывает, «отвергнутые» теории не суть «опровергнутые», и в разные исторические эпохи они могут сыграть свою роль. В настоящем сборнике представлены тезисы 36 докладов основной и 18 докладов дополнительной программы 1-й Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики, приуроченной к десятилетию Журнала Новой экономической ассоциации.

Ключевые слова: экономическая наука, забытые, отвергнутые теории, концепция, политическая экономия, институционализм, экономический национализм.

Классификация JEL: B1, B4.

Economic Science: Forgotten and Rejected Theories: Proceedings of the 1st October International Scientific Conference on Theoretical Economics: October 3–5, 2019 / Edited by V.S. Avtonomov and A.Ya. Rubinstein. – M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2019. – 292 p. (Preprint).

The reports of this conference confirm that, in contrast to the natural sciences, where theories are usually rejected, the falsity of which has been proved by rigorous experiments, the object of the economic science can be studied by using various abstractions, none of which can completely supplant the others. In economic science, where rigorous experiments do not exist, “rejected” theories do not mean “refuted”, and, in different historical eras, they can play their roles. This collection contains theses of 36 reports of the main and 18 reports of the supplementary program of the First October International Scientific Conference on Theoretical Economics, dedicated to the tenth anniversary of the Journal of the New Economic Association.

Keywords: economic science, forgotten, rejected theories, concept, political economy, institutionalism, economic nationalism.

JEL Classification: B1, B4.

ББК 65.02

© Журнал Новой экономической ассоциации, 2019

© Институт экономики РАН, 2019

© Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019

© НИУ «Высшая школа экономики», 2019

© В.С. Автономов, А.Я. Рубинштейн, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© В.Е. Валериус, дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	11
------------------	----

ЧАСТЬ I

Автономов В.С.

Кто, как и почему отвергает экономические теории.....	18
---	----

Ананьин О.И.

Экономическая наука: развилки и тупики развития.....	21
--	----

Арсланов В.В.

Дебаты о протекционизме, академическая конкуренция и институционализация британской экономической науки.....	25
--	----

Белянова Е. В., Макашева Н.А.

Конструктивистский проект «Эконометрика–1930»: реализация невозможного?	30
---	----

Болдырев О.Ю.

Возвращение к классическому «правовому институционализму» Дж. Коммонса как альтернатива неинституциональным «экономическому анализу права» и «конституционной экономике».....	33
---	----

Борох О.Н.

Юань Сяньнэн и поиск истоков китайской экономической мысли	37
--	----

Бураков Н.А.

Новая экономическая география: упущенные возможности	43
--	----

Галеев А. В., Мельник Д.В.

Ю. Жуковский: интерпретации теории Рикардо	47
--	----

Гловели Г.Д.	
Протоанализ национальной конкурентоспособности в «Политической арифметике» У. Петти.....	52
Гринберг Р.С.	
Возрождение идеи социальной рыночной экономики: устойчивый тренд или временный феномен?.....	56
Гущина Е.Э., Вымятина Ю.В.	
Осмысление трудов М.И. Туган-Барановского с позиции неортодоксальной экономической теории	67
Демьяненко А.Н., Минакир П.А.	
Теория экономического ландшафта А. Лёша: неожиданная реинкарнация в Стратегии пространственного развития РФ.....	73
Дмитриев А.А.	
Попытки «статистификации» экономической теории в России в начале XX в.....	79
Заостровцев А.П.	
Радикальная политическая экономия Ганса-Германа Хопше	85
Капанина М.А.	
У истоков эволюционной экономики: сравнение анализа эффекта масштаба и эволюции форм промышленности А. Корсаком и А. Маршаллом	90
Капелюшников Р.И.	
«Мрачная наука»: приключения концепта.....	95
Кирдина-Чэндлер С.Г.	
«Анархический коммунизм» П.А. Кропоткина и «теория государственной социалистической собственности» А.В. Венедиктова.....	98
Ковалёв А.В.	
Второе издание «Оснований...»: была ли трансформация взглядов Менгера?.....	104

Кошовец О.Б.	
Отвергая «субъективизм», забывая «объективность»: экономическая наука и стандарты научности	108
Миряков М.И.	
Реформирование пенсионных систем в конце XX – начале XXI в.: отвергнутые теории	111
Нуреев Р.М.	
Концепция азиатского способа производства: причины отторжения при социализме	114
Ореховский П.А.	
Экономический национализм и «коллективное бессознательное» экономической теории.....	120
Остапенко В.М.	
Естественная и нейтральная ставки процента в истории макроэкономики.....	125
Павленко Ю.Г.	
Институциональные основания государства в контексте наследия Т. Веблена, Дж. К. Гэлбрейта, Т. Х. Маршалла.....	131
Покидченко М.Г.	
Камерализм – забытая концепция или путь в будущее.....	135
Полтерович В.М.	
Петр Кропоткин, философия сотрудничества и цифровая революция	139
Расков Д.Е.	
Переводы Юсти: рецепция камерализма в России XVIII в.	145
Рубинштейн А.Я.	
Почему одни теории не получают признания, а другие имеют успех: «мериторный патернализм» Р. Масгрейва и «либертарианский патернализм» Р. Талера.....	151

Славинская О.А.	
Не отвергнутые, но почти забытые итальянцы.....	158
Фролов Д.П.	
Вспомнить все: возрождение забытых теорий транзакционных издержек	166
Худокормов А.Г.	
Теории полузабытые, но полезные сегодня.....	171
Шапиро Н.А.	
Российская классическая политэкономия в контексте нарративного исследования	178
Ядгаров Я.С.	
Забытая и отвергнутая концепция морально- нравственной политэкономии родоначальника экономического романтизма С. Сисмонди.....	183
Allisson Francois	
The Role of Nikolay Sieber in Early Russian Marxism.....	189
Camagnolo Gilles Jean-Pierre	
The Case of Carl Menger and his disciples in France: how hardly Austrian economics spread there.....	192
Ненов Неновски Николай	
Рассчитываться без денег: натуральные модели социального бухучета по О. Нейрату и А. Чаянову (Calculating Without Money: In Kind Accounting according to O. Neurath and A. Chayanov).....	197

ЧАСТЬ II

Архипова А.С.	
Формирование концепций мирового хозяйства в русской экономической мысли (конец XIX – начало XX в.).....	202
Бузгалин А.В.	
Закат неолиберализма: политэкономический ответ на вызовы XXI в.....	206

Вымятина Ю.В.	
Modelling inflation perceptions: applying Allais' method to Soviet hyperinflation of 1921–1924 and post-Soviet period of 1991–2017	212
Дементьев В.В.	
Власть как проблема экономической теории.....	217
Дубянский А.Н.	
Проявление идей камерализма в деятельности Е.Ф. Канкринна на посту министра финансов России.....	223
Елисеева И.И.	
А.А. Чупров: зарождение стохастической статистики.....	226
Киселев И.А., Покровский В.Н.	
Роль основных промышленных фондов по представлениям Джоан Робинсон	228
Малахова Т.С.	
Влияние теоретических концепций на развитие экономической интеграции: от принципов Г. Мюрдаля до современной практики.....	234
Мальцев А.А., Вялых М.А.	
Возвращение Гальтона? Или о влиянии «цифрового поворота» на экономическую историю.....	239
Меньшиков И.С., Меньшикова О.Р.	
Этические аспекты экономической эффективности: теория и эксперимент	242
Минакир П.А.	
Российская школа пространственной экономики: забытые или умалчиваемые концепции	246
Плущевская Ю.Л.	
Марксова теория воспроизводства общественного капитала как основа математических моделей экономического цикла.....	250

Расков Д.Е.	
Антонио Дженовези – основатель первой кафедры политической экономики?	256
Сморodinская Н.В., Катуков Д.Д.	
Эволюция теоретических представлений об эндогенных механизмах роста: от модели Ромера до теории сложных систем	262
Соловьева С.В.	
Исследования экономической оценки природных ресурсов Т.С. Хачатурова и природный капитал России.....	267
Стрекалова А.С.	
Эффект path dependence в истории теории мотивации: иерархия Маслоу vs пирамида Гобла.....	272
Тамбовцев В.Л.	
Обилие институционализмов: к расцвету или кризису?.....	277
Чаплыгина И.Г.	
Влияние философских и экономических воззрений К. Вольфа на развитие российской экономической мысли	283
Программа конференции	286

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отметим два обстоятельства, которые обусловили появление этого сборника. В 2019 г. исполнилось десять лет со дня выхода в свет Журнала Новой экономической ассоциации. Событие неординарное, потому что это первый юбилей молодого журнала, занявшего, по признанию многих экономистов, высокие позиции в мире отечественной науки. Не менее значимым стало решение редколлегии Журнала НЭА об организации ежегодной «Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики» (Москва, 3–5 октября 2019 г.) и проведении юбилейной конференции на тему «Экономические журналы в системе научного знания» (Москва, 7–8 октября 2019 г.).

По предложению редколлегии Журнала НЭА созданный Программный комитет, в который вошли представители ведущих академических институтов и университетов, принял решение посвятить первую Октябрьскую конференцию обсуждению такой необычной темы, как «Экономическая наука: забытые и отвергнутые теории». Следует подчеркнуть, что выбор этой проблематики оказался очень удачным и вызвал большой интерес исследователей многих научных центров в различных регионах России.

Несмотря на регулярные научные форумы – Апрельская конференция НИУ «Высшая школа экономики», Российский

экономический конгресс, организуемый Новой экономической ассоциацией, конференции МГУ имени Ломоносова, Финансового университета, «Леонтьевские чтения» Европейского университета и ряд других событий в мире науки – объявленная тематика 1-й Октябрьской конференции продемонстрировала определенный «голод» российских исследователей разных поколений и различных научных школ в отношении нематематизированных разделов теоретической экономики.

Притом что организаторы этой конференции планировали обсуждение 24-х докладов в течение двух дней, реальность вынудила радикально изменить все предварительные планы. К заявленному на сайте Журнала НЭА сроку завершения процесса принятия заявок на участие в конференции в «портфеле» Программного комитета находилось уже более 100 докладов по истории экономической мысли, философии и методологии экономической науки, так или иначе затрагивающих вопросы, сформулированные в названии 1-й Октябрьской конференции.

С учетом сложившейся ситуации редколлегия Журнала НЭА и Программный комитет конференции приняли решение, во-первых продлить работу конференции с 2 до 3 дней, увеличив одновременно и количество докладов основной программы до 36 выступлений, во-вторых, издать перед началом конференции Сборник материалов, куда могли быть дополнительно включены еще 18 докладов, которые также представляют научный интерес, но в силу временного лимита, не могут быть непосредственно заслушаны в рамках основной программы конференции. Организаторы конференции выразили надежду, что ряд ученых, чьи доклады не вошли в основную программу, примут участие в планируемых дискуссиях.

Эти решения потребовали большой работы по рецензированию представленных докладов. Дело осложнялось тем, что из 114 заявок нужно было отобрать 36 докладов в основную программу и 18 в дополнительную. Провести эту работу по выбору самых лучших из лучших было поручено боль-

шой группе рецензентов – членов программного комитета (В.С. Автономов, О.И. Ананьин, Д.А.Веселов, Г.Д. Гловели, Р.С. Гринберг, А.Л. Дмитриев, А.П. Заостровцев, Р.И. Капелюшников, А.М. Либман, А.А. Мальцев, Р.М. Нуреев, П.А. Ореховский, В.М. Полтерович, А.Я. Рубинштейн, Л.И. Якобсон).

Интерес к забытым и отвергнутым теориям в экономической науке объясним: в отличие от ситуации в естественных науках, где отвергаются теории, ложность которых доказана с помощью строгих экспериментов, экономисты живут в условиях, когда их объект можно исследовать с помощью различных абстракций, ни одна из которых не может окончательно вытеснить остальные. В экономической науке, где строгих экспериментов не бывает, «отвергнутые» теории не значит «опровергнутые».

В силу ряда причин (в докладах Автономова, Ананьина, Кошовец, Рубинштейна содержится попытка их анализа) некоторые теории ставят на полку, а затем иногда берут обратно и находят в них созвучие новым реалиям. Тема конференции была сформулирована достаточно широко, чтобы дать простор предложениям участников. В результате мы действительно получили очень разнообразные заявки, отражающие многочисленные аспекты темы. В этом предисловии мы не сможем охарактеризовать все представленные доклады, но можно выделить несколько наиболее популярных направлений.

Обращает на себя внимание, что много докладов было посвящено теме экономического национализма: обоснованию протекционистской политики, меркантилизму и камерализму (Ореховский, Арсланов, Покидченко, Гловели, Дубянский, Расков). Это легко понять: из двух канонов экономической мысли, выделяемых рядом авторов (Райнерт, Автономов), более конкретный канон, не пропускающий в анализе уровень нации и нацеленный на активную политику по развитию производительных сил, традиционно находился на периферии магистрального пути экономической науки, по сравнению с более абстрактным каноном, который в послед-

ние лет 80 вполне можно назвать отвергнутым, но вряд ли забытым. В некоторые периоды он выходит на первый план, особенно если речь идет не об академической науке, а о политике, ориентированной на определенным образом понятые национальные интересы. Последние годы ознаменовались в мире очередным возрождением экономического национализма — отсюда, видимо, и интерес к данной теме.

Близка к вышеупомянутой группа докладов, посвященных роли государства в экономике (Полтерович, Гринберг, Кирдина, Дементьев, Миряков, Павленко). Между политическим активизмом и либеральной политикой существует постоянная борьба в которой верх одерживает то одна, то другая сторона. Соответственно, идеи оппонентов пополняют ряды отвергнутых теорий, чтобы на следующей фазе движения маятника вернуться в центр внимания. Обращает на себя внимание, что два доклада (Полтеровича и Кирдиной-Чэндлер) посвящены анархизму и Кропоткину, причем с акцентом на этическую сторону его учения.

Вряд ли может удивить и то, что ряд участников (Аллиссон, Бузгалин, Нуреев, Плущевская) посвятили свои доклады марксистской экономической теории. Совсем недавно мы отмечали 200-летие Карла Маркса. Его наследие для мировой и особенно русской экономической мысли — предмет оживленных дискуссий, и если для одних участников экономическое учение Маркса по-прежнему всесильно и верно, то для других оно представляет собой наиболее яркий пример отвергнутого мировой экономической наукой теоретического направления. Думаем, не случайно и то, что второй теоретической традицией, удостоившейся внимания нескольких участников конференции (Кампаньоло, Заостровцев, Ковалёв), стала австрийская школа, накопившая длительный опыт развития основных идей усвоения и неприятия.

Богатый материал по нашей теме может дать история институционального направления в экономической науке (Фролов, Болдырев, Тамбовцев, Стрекалова, Капанина). Действительно, старый институционализм возник на почве

принципиального отрицания неоклассической теории, а новый стал своего рода «отрицанием отрицания» и вошел в мейнстрим экономической науки. Однако в последнее время мы все чаще встречаемся с призывами вспомнить основательно забытый подход старого институционализма и даже исторической школы (упоминаются обычно Коммонс и Шмоллер).

Использование экономистами статистики и математических способов обработки статистических данных, казалось бы, является столбовой дорогой развития экономической науки. Но и здесь мы встречаем принципиальные методологические дискуссии и отрицание предыдущих подходов (доклады Елисеевой, Неновски, Дмитриева, Беляновой, Макашевой). Деятельность Эконометрического общества и Комиссии Коулза (в том числе возражения Коопманса против «измерения без теории») могут служить важными примерами.

Среди отдельных отраслей экономической науки наиболее выраженную картину смены и отрицания теоретических парадигм, пожалуй, демонстрирует макроэкономическая теория, в которой заметнее всего роль внешних факторов развития, критика господствующих концепций под непосредственным влиянием общества (Смородинская, Катуков, Вымятина, Гущина и Вымятина, Остапенков). Но вот большой интерес к пространственной экономике (Минакир, Демьяненко и Минакир, Соловьева, Бураков) мы предсказать не могли.

Несколько докладов посвящены развитию национальной экономической мысли отдельных стран. Доклад Славинской ставит обоснованный вопрос о недооценке или, если хотите, незаслуженном забвении вклада итальянских экономистов по сравнению с англо- франко- и немецкоязычными. Совсем недавно на русском языке вышел учебник истории экономической мысли итальянского автора Алессандро Ронкалья, который позволяет отечественному читателю убедиться в этой исторической аберрации. В последнее время глобальный инте-

рес к Китаю охватил и историков экономической мысли (см. например, исследования Б. Шефольда и Ж. Кампаньоло). Но пока для подавляющего большинства историков китайская экономическая мысль – это *terra incognita*, и доклад Борох позволит хоть немного заглянуть за завесу нашего незнания.

Ну и, конечно, в центре внимания участников конференции ожидаемо оказалась история русской экономической мысли (Шапиро, Чаплыгина, Галеев и Мельник). Мы привыкли называть нашу науку «мрачной». Этот эпитет часто повторяют и оспаривают, но то, откуда он возник, достаточно прочно забыто. Доклад Капелюшникова раскрывает нам эту увлекательную историю.

В целом, доклады участников конференции, как нам кажется, подтверждают, что отвергнутые и забытые экономические теории могут неоднократно сыграть свою роль в разные исторические эпохи (наиболее ярко об этом – в докладе Худокормова).

Член-корреспондент РАН, профессор

В.С. Автономов

Заслуженный деятель науки РФ, профессор

А.Я. Рубинштейн

ЧАСТЬ I

В.С. Автономов

НИУ «Высшая школа экономики»

КТО, КАК И ПОЧЕМУ ОТВЕРГАЕТ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Сам по себе вопрос об отвергнутых теориях имеет в экономической науке, как и в других общественных дисциплинах, особо важное значение. В экономической науке не бывает заведомо правильных и неправильных теорий. Экономические теории, изучающие такой сложный объект, как поведение людей, упрощают его с помощью абстракций. Выбор абстракции и построенная на этой абстракции теория зависят от экономиста и не могут считаться истинными или ложными, а лишь адекватными или неадекватными поставленной задаче. Поэтому отвергнутые теории не выбрасываются в мусорную корзину, а, скорее, ставятся на полку, чтобы достать их, когда придется решать подходящую задачу. В связи с этим история экономической науки гораздо более важна, чем, например, история физики, в которой последующие теории либо опровергают предыдущие либо включают их в себя как частные случаи.

В дальнейшем, говоря об экономических теориях, мы будем иметь в виду не отдельные модели и теории, а более общие направления, подходы или исследовательские программы, существующие в экономической науке. Это позволит нам хоть немного сузить безбрежный объект нашего рассмотрения.

Кто решает судьбу экономических теорий в определенный период времени? В настоящее время этим занимается научное сообщество экономистов. У него есть такие инстру-

менты, как конференции, научные журналы (кстати, с различными рейтингами), авторитетные премии и т.д. Однако научное сообщество возникло только в конце XIX в. как важнейшее последствие маржиналистской революции, которая создала язык и метод исследования, применение которого (между прочим, в силу его абстрактности) оказалось универсальным. Правда экономисты расширяли применения маржиналистского/неоклассического инструментария постепенно, но национальные ассоциации экономистов, экономические факультеты и первые экономические журналы возникли в 1890-е гг. когда второму поколению маржиналистов удалось закрепить за своей теорией ведущие позиции.

С тех пор неоклассика составляет основу так называемого мейнстрима, т. е. ведущего течения, признаваемого таковым большинством экономистов (хотя и не консенсусом). Таким образом, то, что входит в мейнстрим, является принятым, а то, что не входит, — можно считать отвергнутым большинством экономистов. Здесь следует отметить, что состав мейнстрима не является постоянным: одни направления выходят из него (кейнсианство), другие входят (неоинституционализм, поведенческая экономика). Так что отторжение не является проклятием на всю жизнь. Достаточно надежным критерием входа в мейнстрим экономической теории являются Нобелевские премии, которые, за редчайшим исключением, отражают точку зрения научного сообщества. В отличие от Нобелевской премии, которую можно получить авансом, в надежде, что человек совершит, то, что обещает, премии по экономике часто присуждаются с опозданием на несколько десятилетий (Хайек, Коуз). Что же происходит с теориями, или, точнее, теоретическими направлениями, исследовательскими программами, не признанными частью мейнстрима? Они существуют в своей нише, не позволяющей их приверженцам служить в самых престижных университетах, получать Нобелевские премии, медали имени Дж.Б. Кларка и т.д. Но каждая такая ниша имеет свою ассоциацию, свои журналы и конференции, свой «гамбургский счет», а также может учредить свои премии.

В домаржиналистскую эпоху судьбу экономических теорий решала более широкая и менее однородная группа читателей и ценителей. Не случайно Блок назвал «век девятнадцатый, железный» веком «разбиванья лбов о стену экономических доктрин». «Лбы разбивала» обширная публика вроде «глубокого эконома» Евгения Онегина, читавшего Адама Смита и занимавшего последовательно антимаркантистские позиции, а также «иной дамы», читающей Сэя и Бентама. Именно к этой широкой просвещенной публике и были обращены «Богатство народов» Смита, «Трактат политической экономии» Сэя и «Национальная система политической экономии» Листа. Именно ей, по вполне понятным причинам, не пришлось по вкусу труды протомаржиналистов и первых экономистов-математиков Курно, Дюпюи, Тюнена и Госсена. Успех Рикардо, видимо, был вызван «рикардианским грехом» — политическими предложениями об отмене Хлебных законов, которые он пытался основать на весьма абстрактной для своего времени теории.

Как отвергаются экономические теории? С помощью двух принципиально различных способов: полемики (доходящей иногда до «споров о методах») и замалчивания, а точнее, не обращения внимания. Второй способ более болезненный для авторов (ср. судьбу Г. Госсена) и, может быть, более эффективный.

На вопрос «почему» в докладе будет осуществлена попытка дать наиболее подробный ответ. Причины будут объясняться идеологией, соображениями философской моды, устройством научного сообщества и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- Fourcade Marion.* (2009). *Economists and Societies*. Princeton: Princeton University Press.
- Perlman M., McCann Ch.* (2000). *The Pillars of Economic Understanding in 2 Vols.* US: University of Michigan Press.
- Pribram Karl.* (1983). *The History of Economic Reasoning*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

О.И. Ананьин

Институт экономики РАН,
НИУ «Высшая школа экономики»

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА: РАЗВИЛКИ И ТУПИКИ РАЗВИТИЯ

Чистота научного знания, демаркация науки и не-науки — вопрос, который занимал не только неопозитивистов и Поппера. Обеспечение строгости и достоверности знания — необходимое условие престижа науки и поддержания ее общественного статуса. Это условие обеспечивается принципами научности, которые формировались и культивировались самим научным сообществом.

Развитие философии науки в XX в. шло от попыток на основе опыта наиболее успешных наук более четко сформулировать эти принципы и более жестко утвердить их в научной практике (неопозитивизм) к осознанию историчности этих принципов, их привязки к господствующей в каждый период научной парадигме (Т. Кун). Соответственно, стало ясно, что научные революции, сопровождавшие наиболее радикальные прорывы в развитии научных знаний, нередко сопровождались пересмотром самих принципов и критериев научности.

Одним из следствий этого вывода было то, что принцип демаркации науки и не-науки оказался далеко не таким четким, как казалось прежде. Лишилась основания и уверенность в том, что в науке эффективно «работает» дарвиновский механизм естественного отбора (или «невидимой руки»), гарантируя господствующим теориям статус лучших, а отвергнутым или забытым — молву заслуживших свою судьбу.

Философия науки работала преимущественно на материалах естествознания — наук, имевших практически неизменные предметы и точные измерительные инструменты. Для наук, изучающих исторически изменчивые объекты, конфликтные отношения и действия, ориентированные на неопределенное будущее, переосмысление научных практик имело тем большее значение. Однако до недавнего времени попыток такого переосмысления применительно к экономической науке не наблюдалось. Соответственно, проблема забытых теорий, если и обсуждалась, то либо в контексте случайных переоткрытий (как в случае находки Джевонсом забытой книги Ричарда Кантильона), либо в порядке борьбы научных школ за легитимность.

Сегодня можно говорить о возникновении систематической оппозиции сложившимся стереотипам. Ее идейной основой служит интерпретация истории экономической мысли как дерева решений, предложенная известным макроэкономистом Акселем Лейонхуфвудом (*Leijonhufvud*, 1994, 2006). Разработку этой концепции и ее наполнение конкретным историко-научным материалом возглавил известный бельгийский историк экономической мысли и методолог Мишель Де Врой (*De Vroye and Pensieroso*, 2016; *Danthine and De Vroye*, 2017). Суть этого подхода Лейонхуфвуд пояснил метафорой дороги: если в прошлом на пути развития науки случались развилки, то «возможно и даже правдоподобно, что более подходящими для движения могли быть, порой, совсем не те дороги, которые в свое время выглядели наиболее перспективными. В таких случаях ретроспективное знание карты дорожной сети становится жизненно необходимым... Если настоящее беспроблемно, то прошлое не интересно. История мысли, представленная как прогресс, — это история, из которой полезное прошлое вымарано» (*Leijonhufvud*, 2006. Рр. 6, 7).

Коль скоро возникновение новых явлений, как правило, происходит в точках бифуркации, т. е. в условиях, когда возможны разные траектории последующего движения, то выбор

пути развития не является жестко детерминированным, и нередко определяется случайными факторами. Дальнейшее развитие, напротив, оказывается в той или иной степени связанным заданной траекторией (path dependent). Именно поэтому интерпретацию генезиса нового явления неправомерно ограничивать только тем кругом факторов и влияний, которые исторически и логически связаны с «победившей» траекторией развития. Следуя метафоре Лейонхуфвуда, Де Врой и его коллеги выделили три ключевые особенности в развитии современной экономической науки (*De Vroye and Pensieroso*, 2016).

Во-первых, оно осуществляется через бифуркации, или развилки, отражающие базовые методологические вызовы, с которыми сталкивались экономисты. Как они представляют себе общество (классовое или атомизированное), как строят свою рассуждения (вербально или математически), какими содержательными принципами руководствуются (равновесный или эволюционный подход) — эти и подобные им альтернативы предопределяют современную палитру экономико-теоретического знания.

Во-вторых — и это прямое следствие первой особенности — нарастает фрагментация экономического знания. Такая тенденция характерна и для экономической науки в целом, и для ее мейнстрима, распадающегося на все более дробные области со своими специализированными сообществами, журналами и «методологическими идиосинкразиями» (*ibid.* P. 6).

В-третьих, растет влияние сертификации различных форм научной деятельности — механизмов контроля их соответствия определенным стандартам. На это нацелены процедуры реферирования научных работ, подбора профессуры, рейтингования журналов, университетов, образовательных программ, отдельных ученых и т.п. Сертификационные механизмы удобны для текущего администрирования научной деятельности, но они неизбежно культивируют short-termism в управлении наукой, закрепляют сложившиеся структуры академического сообщества и даже могут способствовать соз-

данию своеобразных научных «пузырей» (Davis, 2017). В целом это усиливает инерционность в развитии научных знаний, ослабляет стимулы к поиску принципиально новых решений, формированию прорывных исследовательских программ.

В докладе предпринимается попытка критически рассмотреть данный подход и предложить возможные направления его развития. В частности, предполагается увязать фактор сертификации научной деятельности с более общим вопросом множественности и динамизма эпистемологических норм, по отношению к которым он выступает лишь как один из механизмов их закрепления.

ЛИТЕРАТУРА

- Danthine S. and M. De Vroey. (2017). The Integration of Search in Macroeconomics: Two Alternative Paths // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 39. No. 4. Pp. 523–548.
- Davis J.B. (2019). Specialization, Fragmentation, and Pluralism in Economics // *European Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 26. No. 2.
- De Vroey M. and L. Pensieroso. (2016). The Rise of a Mainstream in Economics. Université catholique de Louvain, IRES Discussion Papers; 2016-26. (Available at: sites.uclouvain.be/econ/DP/IRES/2016026.pdf).
- Leijonhufvud A. (1994). Hicks, Keynes, and Marshall // *The Legacy of Hicks*. Ed. by H. Hagemann and O.F. Hamouda. London: Routledge. Pp. 147–162.
- Leijonhufvud A. (2006). The Uses of the Past. Department of Economics, University of Trento, Italia. Discussion Paper. No. 3. (Available at: core.ac.uk/download/pdf/11829511.pdf).

В.В. Арсланов

Институт экономики РАН

ДЕБАТЫ О ПРОТЕКЦИОНИЗМЕ,
АКАДЕМИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ
И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ БРИТАНСКОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

К числу значительных направлений экономической мысли XIX в., оказавшихся в XX в. на обочине как англо-американской, так и советской, а также постсоветской экономической литературы, относится новая историческая школа. Одним из наиболее влиятельных ее представителей был немецкий экономист Густав Шмоллер. Задача доклада – рассказать о рецепции идей Шмоллера и в особенности его критики «либеральной ортодоксии» в Великобритании на рубеже XIX–XX вв. в контексте дискуссии о критериях научности и взаимосвязи теории и политической практики. Этот малоизученный сюжет из истории экономической науки актуален в двух аспектах. Во-первых, в свете споров о семантике понятия «объективность» в общественных науках и о совместимости «универсалистского» и «эмпирического» подходов в экономических исследованиях. Во-вторых, в связи со вновь ставшей в последние несколько лет политически значимой темой соотношения глобализации, свободы конкуренции и защиты национальных интересов, и, в частности, государственной поддержки промышленности в индустриально развитых странах. Данный пример позволяет в новом ракурсе рассмотреть проблему самоидентификации экономической

науки как самостоятельной дисциплины. Эта проблема периодически возникает в ситуациях конкуренции экономистов (как между собой, так и с представителями смежных дисциплин) за право научного арбитража при решении сложных социально-экономических вопросов.

Отправной точкой доклада служит дискуссия 1903 г. о введении таможенных тарифов, вызвавшая резонанс в британской прессе и зафиксировавшая раскол среди английских экономистов по ключевым вопросам экономической политики. В полемике приняли участие ведущие британские представители историко-эмпирического и неоклассического направлений экономической теории – У. Эшли и А. Маршалл, которые ранее дискутировали преимущественно на страницах научных журналов и в основном о методологических подходах, далеких от интереса широкой публики. Примечательно экспертное заключение Маршалла по вопросу протекционистских тарифов, составленное в 1903 г. по запросу канцлера казначейства Ч. Ритчи, в котором кембриджский экономист рекомендовал правительству воздержаться от протекционистских мер, подобных тем, которые ранее ввела Германия. В отличие от своего коллеги Дж. Чемберлена, в то время министра по делам колоний, Ритчи был убежденным сторонником свободной торговли и нуждался в научном обосновании своей политической позиции. Сопоставление экспертного заключения Маршалла с публикациями Эшли на ту же тему позволяет выявить различия в позициях двух ученых как в методологии, так и в оценке публичного авторитета экономиста и роли академических экономистов в принятии политических решений.

Как будет показано в докладе, эти расхождения коррелируются с дискуссией об учебном плане нового курса в Кембриджском университете и уходят корнями в полемику между «неоклассиками» (Маршалл и его сторонники) и «историками» (У. Каннингем и издатели оксфордского журнала «Economic Review», основанного в один год с инициированным Маршаллом органом Британской экономи-

ческой ассоциации «Economic Journal»). Каннингем, Эшли и оксфордские экономисты настаивали на необходимости учитывать исторические особенности хозяйственного развития отдельных стран и уделять более серьезное внимание этическим аспектам экономических проблем. В этой связи «историки» последовательно критиковали тезис о безусловном преимуществе либерализации экономики как недостаточно подкрепленный историческими фактами. Методологическая критика маршалловских постулатов экономической теории проявилась в разработке концепций интеграции истории, менеджмента и экономики, альтернативных составленному Маршаллом плану учебного курса по экономике. Одна из таких концепций была реализована Эшли в бирмингемской Школе коммерции, основанной при поддержке Дж. Чемберлена.

Таким образом, в докладе фокусируется внимание на разных сторонах дискуссии между неоклассической и историко-эмпирической «школами»: публично-политической, академической и собственно методологической, и демонстрируется, как политика и академическая конкуренция влияли на формирование современной экономической науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Ashley W.J. (1893). On the Study of Economic History // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 7. No. 2. Pp. 115–136.
- Ashley W.J. (1904). The Argument for Preference // Economic Journal. Vol. 14. No. 53. Pp. 1–10.
- Ashley W.J. (1907). The Present Position of Political Economy // The Economic Journal. Vol. 17. No. 68. Pp. 467–489.
- Ashley W.J. (1908). The Enlargement of Economics // Economic Journal. Vol. 18. No. 70. Pp. 181–204.
- Coats A.W. (1968). Political Economy and the Tariff Reform Campaign of 1903 // Journal of Law and Economics. Vol. 11. No. 1. Pp. 181–229.
- Cunningham W. (1887). Political Economy Treated as an Empirical Science: A Syllabus of Lectures. Cambridge: Macmillan and Bowes.
- Cunningham W. (1891). Nationalism and Cosmopolitanism in Economics // Journal of the Royal Statistical Society. Vol. 54. № 4. Pp. 644–662.

- Garnett J. (2017). Anglican Economic and Social Engagement. Oxford History of Anglicanism. Vol. 3 / Ed. R. Strong. Oxford: Oxford University Press. Pp. 456–478.
- Grimmer-Solem E., Romani R. (1999). In search of full empirical reality: historical political economy, 1870–1900 // The European Journal of the History of Economic Thought. Vol. 6. No. 3. Pp. 333–364.
- Groenewegen P. (1998). A Soaring Eagle: Alfred Marshall 1842–1924. Cheltenham: Elgar.
- Howe A. (2016). State versus Market in the Early Historiography of the Industrial Revolution in Britain, c.1890–1914 // The European Journal of the History of Economic Thought. Vol. 23. No. 6. Pp. 897–918.
- Kadish A. (1989). Historians, Economists, and Economic History. London, New York: Routledge.
- Koot G. (1987). English Historical Economics, 1870–1926: The Rise of Economic History and Neomercantilism. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Koot G. (1993). Historical Economics and the Revival of Mercantilism Thought in Britain, 1870–1920 // Magnusson L. (ed.) Mercantilist Economics. Boston: Kluwer. Pp. 187–219.
- Lindenfeld D.F. (1997). The practical imagination: The German sciences of state in the nineteenth century. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Lipson E. (1943). The Economic History of England: Vol. II: The Age of Mercantilism. Third Edition. London: Adam and Charles Black.
- Maloney J. (1985). Marshall, Orthodoxy and the Professionalisation of Economics. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Marshall A. (1885). The Present Position of Economics, an Inaugural Lecture. London: Macmillan and Co.
- Marshall A. (1926). Memorandum on the Fiscal Policy of International Trade // Official Papers of Alfred Marshall: A Supplement, ed. J.M. Keynes, Cambridge: Cambridge Univ. Press. Pp. 365–420.
- Marshall A. (2009). Principles of Economics: Unabridged Eighth Edition. New York: Cosimo Classics.
- Milonakis D., Fine B. (2009). From Political Economy to Economics: Method, the Social and the Historical in the Evolution of Economic Theory. London, New York: Rotledge.
- Moggridge D.E. (1997). Method and Marshall // Peter Koslowski (ed.) Methodology of the Social Sciences, Ethics, and Economics in the Newer Historical School: From Max Weber and Rickert to Sombart and Rothacker. Berlin, Heidelberg: Springer. Pp. 342–369.
- Moore G. (2003). John Neville Keynes's Solution to the English Methodenstreit // Journal of the History of Economic Thought. Vol. 25. No. 1. Pp. 5–38.

- Palen M.-W.* (2014). Adam Smith as Advocate of the Empire // *Historical Journal*. Vol. 57. No. 1. Pp. 179–198.
- Reisman D.* (1990). Alfred Marshall's Mission. New York: Palgrave Macmillan.
- Roessner P.* (2015). Heckscher Reloaded? Mercantilism, the State and Europe's Transition to Industrialization (1600–1900) // *Historical Journal*. Vol. 58. No. 2. Pp. 663–683.
- Schmoller G.* (1901). Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und -methode // Conrad J., Elster L., Lexis W., Loening E. (Hgg.) *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. 2., gänzlich umgearbeitete Auflage. Bd. 7. Jena: Gustav Fischer. S. 543–580.
- Schmoller G.* (1904). Die künftige englische Handelspolitik, Chamberlain und der Imperialismus // *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich*. Bd. 28. S. 829–852.
- Tribe K.* (2003). Historical Schools of Economics: German and English // Samuels W.J., Biddle J.E., Davis J.B. (eds.). *A Companion to the History of Economic Thought*. Oxford: Blackwell. Pp. 215–230.
- Wood J.C.* (1980). Alfred Marshall and the Tariff-Reform Campaign of 1903 // *Journal of Law and Economics*. Vol. 23. No. 2. Pp. 481–495.

Е.В. Белянова

Институт мировой экономики
и международных отношений РАН

Н.А. Макашева

НИУ «Высшая школа экономики»

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПРОЕКТ «ЭКОНОМЕТРИКА–1930»: РЕАЛИЗАЦИЯ НЕВОЗМОЖНОГО?

В общественных науках в целом и в экономической в частности слова «конструктивизм» и «конструктивистский» имеют скорее отрицательную коннотацию, утверждению которой способствовало разочарование в проекте «социалистическая плановая экономика» и его критика представителями австрийской школы. Ф. Хайек доказывал, что сознательное конструирование экономической реальности в соответствии с некоторой умозрительной моделью даже теоретически обречено на неудачу. А возможно ли строительство науки? В данной работе мы попытаемся ответить на этот вопрос. Речь пойдет об уникальном в истории экономической науки эксперименте по сознательной перестройке экономической науки, имевшем целью приближение ее к образцу, заданному естественными науками и, прежде всего, физикой. Этот эксперимент предполагал «переформатирование» экономической науки на основе альянса экономической теории, математики и статистики. Инициаторами подобной перестройки, развернувшейся в 1930-е гг., выступила группа экономистов: прежде всего, Р. Фриш, И. Фишер, Ч. Рус, Й. Шумпетер, Ф. Дивизиа, к которым присоединились такие научные авторитеты того времени, как У. Митчелл, Г. Мур, Дж.М. Кейнс, А. Боули, К. Джини, Л. Аморосо, Л. Борткевич и др.

Масштабность и характер задач, а также произошедших в результате этого эксперимента изменений в экономической науке, позволяют говорить о революции, которая, однако, существенно отличалась от того, что мы привыкли считать таковой в экономической науке: маржиналистской, кейнсианской, рациональных ожиданий. Если движущими силами последних были нерешенные теоретические проблемы: для маржиналистов — ценности, для кейнсианства — вынужденной безработицы, для новых классиков — ожиданий и их включения в модели, то эконометрическая была революцией в методологии экономической науки. Целью ее инициаторов было создать науку, имеющую дело с квантифицируемыми утверждениями, которые могут и должны подвергаться эмпирической проверке, тем самым подтверждая статус науки в строгом смысле слова. Такая наука не может иметь ни национального, ни исторического измерения (выпад против тогдашнего институционализма и исторической школы), и не важно, какие конкретные теории она включает, главное — она должна способствовать решению важных для общества проблем.

Характерная черта этой, названной эконометрической, революции — «институциональное» строительство, начатое лидерами эконометрического движения во второй половине 1920-х гг. и внесшее ощутимый вклад в институционализацию, профессионализацию и интернационализацию экономической науки: поиск и объединение единомышленников из разных стран, создание Эконометрического общества, учреждение журнала «Эконометрика», регулярные международные конференции и семинары, целенаправленные коллективные усилия по подготовке научной общественности к восприятию новых идей и молодого поколения экономистов к их реализации.

Вклад эконометрического движения 1930-х гг. формирование современной экономической науки еще не получил всесторонней оценки. Эконометрическая революция 1930-х гг. не стала частью истории экономической мысли, хотя история

эконометрики присутствует в научном дискурсе. Ее пишут эконометрики, которые считают свою область исследований субдисциплиной экономики, и, что вполне естественно, сосредотачиваются на развитии формального инструментария. Они же, как правило, и отвечают на критику в адрес современных моделей и эконометрики в целом, оставаясь при этом в ином, нежели критики, аналитическом пространстве.

Насколько проект, задуманный в 1930-е гг., оказался успешным? В какой мере сегодняшняя экономическая наука соответствует критериям научности, сформулированным лидерами эконометрического движения? Оправдались ли их ожидания с точки зрения аналитической состоятельности и практической значимости новой экономической науки? Эти вопросы и сегодня обсуждаются историками и методологами. Мы не ставим задачу ответить на все подобные вопросы, хотя и затронем некоторые из них. Мы попытаемся, во-первых, проанализировать механизмы, с помощью которых создавалась новая наука, а во-вторых, понять, какие объективные препятствия стояли на пути реализации проекта и в какой мере они осознавались его инициаторами, как сами они спустя годы оценивали результаты проекта, и, наконец, коснемся вопроса о потенциале российской науки 1920-х гг. и возможностях российских экономистов участвовать в строительстве новой науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Frisch R.* (1926). Sur un probleme d'économie pure // Norsk Matematisk Forenings Skrifter.
- Hüber O., Frohn J.* (2006). Development and New Dimensions in Econometrics // Allgemeines Statistisches Archiv. Vol. 90.
- Louçã F.* (2007). The Years of High Econometrics. L., N.Y.
- Schumpeter J.* (1933). The Common Sense of econometrics // *Econometrica*. Vol. 1. No. 1.
- Man must not be afraid of what seems impossible to do Ragnar Frisch. Examination report. 1919.

О.Ю. Болдырев
МГУ им. М.В. Ломоносова

ВОЗВРАЩЕНИЕ К КЛАССИЧЕСКОМУ
«ПРАВОВОМУ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМУ»
ДЖ. КОММОНСА КАК АЛЬТЕРНАТИВА
НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМ
«ЭКОНОМИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ПРАВА»
И «КОНСТИТУЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ»

В настоящее время получают распространение междисциплинарные направления на стыке экономической и юридической науки, в частности, «экономическое право», «экономический анализ права», «law & economics», «конституционная экономика», «экономическая конституция», «экономический конституционализм» и др. Однако в их основе лежат различные подходы. Так, концепции «экономического права» и «экономического конституционализма» развивают в основном юристы, использующие юридическую методологию. Концепцию «экономического анализа права» создавали и развивают экономисты и юристы совместными усилиями, но при этом больше используется экономическая методология. «Конституционная экономика» и «экономическая конституция» — направления, возникшие в рамках экономической науки, но различных ее школ: первая вышла из неоинституциональной экономики, а вторая — из фрайбургской школы «ордолиберализма». При этом обе концепции были подхвачены юристами, продолжившими их развитие.

В докладе будет уделено основное внимание «конституционной экономике» и «экономическому анализу права» как получившим наибольшее распространение направлениям. Они оба вышли из «неоинституционализма» и стали

инструментами так называемого экономического империализма. При этом их разработчики осуществили две редукции: различных сфер общественной жизни — к некоему аналогу рынка, и понятия «экономическая методология» — к методологии неоклассической школы, к которой во многом вернулся «неоинституционализм» — в отличие от так называемого классического институционализма.

При этом значительное внимание праву уделяли еще классики политэкономии, например, А. Смит и И. Бентам, а Дж.Ст. Милль и С. Сисмонди обращали внимание на роль законодательного регулирования в сглаживании недостатков свободного рынка. Правовые институты исследовались в рамках «историко-этической» школы Г. Шмоллера и «классического» институционализма. Одним из крупнейших исследователей правовых институтов был Дж. Коммонс.

Однако на смену «классическому правовому институционализму» Дж. Коммонса пришли неоинституциональные «теория прав собственности», «теория контрактов», «экономический анализ права», «конституционная экономика». Был расширен предмет исследования, но его методология редуцирована до неоклассической.

В наше время в условиях развития такого направления как «институциональная политическая экономика», к созданию которой призвала группа французских профессоров — представителей неортодоксальных школ (их манифест был переведен на русский язык и опубликован в журнале «Экономическая социология»), имеет смысл обратиться не только к неоинституциональным теориям и «новой политической экономии» Дж. Бьюкенена (положенной в основу «конституционной экономики»), но и к школам классической политической экономии и «классического институционализма», в том числе «правового институционализма» Дж. Коммонса. Такой подход позволил бы развивать в рамках «институциональной политической экономии» и на стыке ее с юридической наукой такие направления, как «политико-экономический анализ права» и «конституционная полити-

ческая экономия». В докладе будет проиллюстрирован потенциал использования этих междисциплинарных направлений для исследования актуальных проблем современности – на примере «конституционно-политико-экономического» анализа проблематики экономического суверенитета государства и его обеспечения и защиты.

ЛИТЕРАТУРА

- Болдырев О.Ю.* (2016). Юридическая наука перед лицом «экономического империализма» // *Право и образование.* № 9. С. 98–106.
- Болдырев О.Ю.* (2018а). Конституционная политическая экономия: методологические подходы, смежные концепции // *Ежегодник конституционной экономики* / Отв. ред. С.А. Авакьян, П.Д. Баренбойм, В.В. Комарова. Сост. П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ. С. 318–345.
- Болдырев О.Ю.* (2018б). Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты: монография / Науч. ред. С.А. Авакьян. М.: Проспект.
- Бондарь Н.С.* (2017). Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма; ИНФРА-М.
- Буаие Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О.* (2008). К созданию институциональной политической экономики // *Экономическая социология.* Т. 9. № 3. С. 17–24.
- Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н.* (2016). Экономическое право как наука // *Государство и право.* № 3. С. 54–65.
- Ефимов В.М.* (2016). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики: монография. М.: КУРС; ИНФРА-М.
- Каранетов А.Г.* (2016). Экономический анализ права. М.: Статут.
- Коммонс Д.* (2011). Правовые основания капитализма. М.: Издательский дом высшей школы экономики.
- Конституционная экономика* / Отв. ред. Г.А. Гаджиев. (2010). М.: Юстицинформ.
- Концепция экономической конституции: Современные исследования:* Сб. научн. тр. (2008) / РАН. ИНИОН. Центр социальных научн.-информ. исслед. Отдел правоведения / Отв. ред. Г.Н. Андреева. М.
- Нуреев Р.М.* (2010). Очерки по истории институционализма. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие – XXI век»; Гуманитарные перспективы.
- Познер Р.* (2004). Экономический анализ права / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа.

- Сухарев О.С. (2013). Новая программа исследований в экономике: традиция «старого» институционализма и современность // Журнал экономической теории. № 4.
- Чиркин В.Е. (2016). О терминах «экономическая конституция» и «конституционная экономика», а также о российской и западной науке (отклик на статью Г. Н. Андреевой) // Конституционное и муниципальное право. № 3. С. 11–13.
- Cooter R., Ulen T. (2016). Law and Economics, 6th edition. Berkeley Law Books.

О.Н. Борох
Институт Дальнего Востока РАН

ЮАНЬ СЯНЬНЭН И ПОИСК ИСТОКОВ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Причины забвения большого числа экономистов и их воззрений в Китае были идентичны тем, что сыграли свою роль в России. Под влиянием глубоких социально-политических перемен середины XX в. идеи «буржуазных экономистов» республиканского периода были отвергнуты. О них вспоминали лишь изредка в связи с потребностью проведения кампаний критики «ошибочных взглядов». Возвращение к забытым именам и идеям произошло в Китае в период реформ в 1990-е гг. Оказалось, что многие темы экономических споров 1920–1940-х гг. созвучны проблемам современности, поскольку решать их вновь приходилось в контексте рыночной экономики и открытости внешнему миру.

В научный оборот вернулись работы китайских ученых, занимавшихся в первой половине прошлого века историей национальной экономической мысли. Эта сфера знаний привлекает все более пристальное внимание китайских исследователей, которые стремятся найти в наследии прошлого истоки специфического облика современной китайской экономической мысли. К числу наиболее значимых «восполненных потерь» в изучения истории китайской экономической мысли следует отнести имена Чэнь Хуаньчжана и Тан Цинцзэна.

Ставивший своей целью восстановление авторитета учения Конфуция Чэнь Хуаньчжан создал новаторское исследование древнекитайских экономических идей. Публикация в 1912 г. на английском языке его диссертации «Экономические принципы Конфуция и его школы», защищенной в Колумбийском университете, создала благоприятные предпосылки для ознакомления западных научных кругов с китайским наследием (рецензию на книгу опубликовал Дж.М. Кейнс). Книга Чэнь Хуаньчжана оставалась в Китае неизвестной до первого десятилетия нашего века, лишь тогда она впервые стала доступна читателю в переводе на китайский язык.

Первым профессиональным исследованием истории китайской экономической мысли стала работа Тан Цинцзэна, получившего экономическое образование в Гарвардском университете. Его книга в 1930–1940 гг. пользовалась в Китае большим спросом. Опираясь на глубокое знание западной экономической науки, Тан Цинцзэн систематизировал идейное наследие древнекитайской экономической мысли, провел многочисленные параллели и сопоставления между двумя традициями. Поскольку содержание книги не опиралось на марксистскую методологию, она не могла быть частью китайской образовательной и научной парадигмы 1950–70-х гг. Временно позабытая, она была переиздана в 2010 г. и с тех пор присутствует на научном горизонте.

На фоне «возвращения» Чэнь Хуаньчжана и Тан Цинцзэна по-настоящему забытым экономистом предстает Юань Сяньнэн (1898–1983). Его научная биография и взгляды долгое время оставались малоизвестными и неизученными. Труды ученого, включая диссертацию на английском языке, стали доступными для широкого круга исследователей лишь после публикации в 2013 г. в Китае двухтомного собрания сочинений Юань Сяньнэна. Однако за прошедшие после этого годы так и не появились исследовательские публикации, раскрывающие содержание его историко-экономической концепции.

Формирование истории китайской экономической мысли как специализированной отрасли знаний происходило в первой половине XX в. благодаря контактам китайских исследователей с представителями западной экономической науки и под влиянием западной методологии. Юань Сяньэн не был исключением. В 1922 г. он поехал учиться в США, в 1929 г. получил в Нью-Йоркском университете степень доктора. Его диссертация «Влияние даосизма и связанных с ним философий на китайскую экономическую мысль» (*The Influence of Taoism and Related Philosophies on Chinese Economic Thought*) была издана на английском языке в 1930 г. в США. После возвращения в Китай он до конца жизни занимался исследовательской и преподавательской работой в сфере экономической науки.

Диссертация Юань Сяньэна была нацелена на обоснование важности изучения истоков китайской экономической мысли. Автор обратился к поиску классических текстов, способных претендовать на роль «китайской Библии». Юань Сяньэн оспорил европоцентристские воззрения, согласно которым экономическая наука родилась и развивалась на Западе без малейшего участия Востока. Он утверждал, что до Адама Смита Китай занимал более важное по сравнению с Западом место в обмене товарами и идеями между ними. Он подчеркивал, что теории физиократов впитали в себя китайские черты, впоследствии они оказали влияние на английскую классическую экономическую науку Адама Смита и его последователей.

Указывая на важность изучения традиционных китайских текстов, Юань Сяньэн отмечал, что они отличаются богатым содержанием, хотя в них недостаточно анализа. Исследователь призвал выделить экономическую составляющую из широкой по охвату «энциклопедичной» китайской мысли, которая включает в себя экономику, мораль, философию, политику, социологию. В «священных» китайских трудах содержится мало экономических принципов, однако они направляли экономическую жизнь китайцев на протяжении более двух тысячелетий.

Основное внимание Юань Сяньнэн уделил изучению экономических воззрений конфуцианцев и даосов. Исследователь назвал конфуцианцев «созидателями», подчеркивая их консерватизм. Основная цель Конфуция состояла в том, чтобы способствовать увеличению общественного благосостояния и повышению моральных стандартов. Конфуцианцы подчеркивают роль морали и «благородных мужей», а не институтов. Они уделяют относительно мало внимания производству и возможностям его увеличения с использованием новых методов. Исходя из того, что дальнейшие усилия людей к увеличению производства привести не могут, конфуцианцы видят единственный путь приращения богатства в увеличении числа производителей и сокращении числа потребителей. Конфуцианцы поощряют «благородного мужа» прилагать все усилия для регулирования распределения и потребления ради повышения общественного благосостояния. Их конечная цель состоит не в распределении в соответствии с вкладом факторов производства, а в достижении идеалов более справедливого распределения, основанного на потребностях индивида, и более справедливого потребления в соответствии с моральной и социальной ответственностью. Ученый усматривал сходство между конфуцианскими идеями и воззрениями социалистов.

Сопоставляя конфуцианскую моральную доктрину с западными экономическим учениями, Юань Сяньнэн заключил, что Запад решает проблемы в соответствии с «наукой о богатстве» путем увеличения производства, тогда как Китай поступает в соответствии с «наукой о бедности» путем уменьшения потребления. Ученый указал на фундаментальное различие между представлениями западной и восточной экономической науки. На Востоке первостепенное внимание уделяется вопросам потребления, меньше — проблеме распределения, и еще меньше — производства. На Западе последовательность прямо противоположная. Там полагают, что желания должны быть удовлетворены, поэтому производство должно быть приведено в соответствие с потреблением. На

Востоке считают невозможным противостоять естественному порядку производства, поэтому предлагают подавлять желания и таким образом привести потребление в соответствие с производством.

На этом фоне даосы предстают как либералы, которые выступают за естественность, призывают к недеянию и являются «разрушителями». Юань Сяньнэн указал, что между учением даосов и современной экономической наукой существует фундаментальная связь. В обоих случаях речь идет о поиске путей и способов максимального удовлетворения потребностей с наименьшими усилиями: «Даосизм начинается там же, где начинается экономическая наука и заканчивается там же, где она заканчивается. Они начинаются с наших желаний, а завершаются удовлетворением наших желаний — благосостоянием. Цель у них одинаковая, только методы и подходы различаются». Если экономическая наука призывает следовать желаниям, то даосизм призывает подавлять их.

Даосы предлагают уменьшить потребление и свести его к минимуму даже в том случае, когда между богатыми и бедными нет разницы в потреблении, и каждый человек получает достойное вознаграждение. Цель сокращения потребления состоит не в том, чтобы отложить средства на собственные непредвиденные нужды, и не в том, чтобы накопить капитал для расширения производства и развития науки. Даосы стремятся полностью реализовать идеал Дао — полное удовлетворение желаний, что тождественно полному отсутствию желаний, обретению высшего счастья и бессмертия. Напомнив, что практикующие последователи даосизма уменьшали свой пищевой рацион, Юань Сяньнэн подчеркнул, что даосский контроль над потреблением нельзя приравнивать к недостаточному потреблению, способному привести человека к физическому страданию. Высшей целью даосов было достижение физического благополучия и духовного удовлетворения. По мнению китайского ученого, эффективный контроль над потреблением помогает решить проблемы, исследованием

которых занимались Т. Мальтус и Д. Рикардо. Достоинством диссертации стало большое количество сравнений Китая и Запада, а также сопоставлений различных школ традиционной китайской мысли. В отличие от книги Чэнь Хуаньчжана, нацеленной на пропаганду конфуцианского учения, диссертация Юань Сяньнэна содержит критику китайских экономических идей.

ЛИТЕРАТУРА

- Тан Цинцзэн* (2010). История китайской экономической мысли. Пекин: Шаньу иньшугуань.
- Цзоу Цзиньвэнь* (2016). Развитие китайской экономической науки в Новое время: исследование докторских диссертаций соискателей, обучавшихся за рубежом. Пекин: Чжунго жэньминь чубаньшэ.
- Чэнь Хуаньчжан* (2009). Экономическое учение Конфуция и его школы. Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ.
- Юань Сяньнэн* (2013). Сборник сочинений Юань Сяньнэна. Т. 1–2. Пекин: Чжунго шаньу чубаньшэ.
- Юань Сяньнэн* (2016). История экономической мысли до Адама Смита. Чжэнчжоу: Хэнань жэньминь чубаньшэ.
- Borokh O.* (2013). Chinese Tradition Meets Western Economics: Tang Qingzeng and his legacy // Thoughts on Economic Development in China. London: Routledge. Pp. 136–157.
- Chen Huan-Chang* (2015). The Economic Principles of Confucius and His School. Пекин Шаньу иньшугуань.

Н.А. Бураков
Институт экономики РАН,
НИУ «Высшая школа экономики»

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Неравномерное распределение экономической активности в пространстве является одной из наиболее ярких черт экономической жизни. В попытках систематизировать процессы регионального роста и изменений в экономической географии в течение последних двух столетий были сформулированы различные предположения.

Один из взглядов на размещение экономических сил базируется на предположении о зависимости от размера арендной платы за землю и землепользование. Плата за аренду в свою очередь варьируется в зависимости от местоположения с различными естественными особенностями, такими как почва, рельеф, наличие воды и т.п. (*von Thünen*, 1826). При этом среди них наиболее важной является дифференциация транспортных расходов по отношению к пространству, в отличие от подхода Рикардо, где сами факторы являются основой различной стоимости ренты (*Ricardo*, 1817).

Тюнен построил теорию, сосредоточившись на различиях между транспортными расходами в разных местах. С этой целью было использовано простое предположение, в котором пространство представлено равниной, на которой земля является однородной во всех отношениях, за исключением рыночного города, в котором должны происходить все сделки с сельскохозяйственными товарами. Предполагается

указать местоположение рыночного города, а причины его существования оставить за рамками анализа. Выделение одного акра земли вблизи города под посевы некоторых культур косвенно сказывается на стоимости доставки всех других культур, поскольку последние будут выращиваться в большей отдаленности от города. Следовательно, возникает проблема определения этих культур. Несмотря на простоту, эта среда достаточно богата, чтобы показать, как конкурентный рынок земли может структурировать землепользование в пространстве путем совершенно раздельной деятельности.

Позднее были описаны эффект знаний, эффект местных ресурсов и особенности объединения специализированных навыков в качестве трех потенциальных механизмов для агломерации экономической деятельности (*Marshall, 1920*). В итоге формируются две основные группы географических факторов, влияющих на развитие экономических агентов. «Первичными» факторами становятся непосредственно географические особенности локализации действующих экономических агентов, такие как температурная специфика территорий, ландшафт, близость к природным богатствам. «Вторичные» географические факторы, напротив, связаны с расположением агентов по отношению друг к другу, которое позволяет им наиболее эффективно взаимодействовать в экономическом пространстве.

Однако в течение длительного времени в XX в. региональные концепции, модели и методы являлись лишь продолжением концепций, моделей и методов, используемых на национальном уровне, с дополнительным индексом, определяющим различные регионы, с учетом межрегиональных матриц затрат и результатов. Новый виток интереса экономистов к источникам неравномерного распределения экономической активности в течение последних трех десятилетий связан с появлением понятия «новой экономической географии» в работе Кругмана (*Krugman, 1991*). Основное внимание в новой литературе по экономической географии уделяется разработке микрообоснованных моделей, соответствующих индивидуальной оптимиза-

ции. Несмотря на ценный предыдущий вклад (*Dixit and Stiglitz*, 1977; *Helpman and Krugman*, 1985), никто до Кругмана не смог показать, как региональные диспропорции могут возникнуть в рамках экономической теории.

В 1950-х гг. некоторые теоретики развития выдвинули принцип, который позволил им раскрыть основы неравномерного развития (он, однако, игнорировался в течение нескольких десятилетий), – круговой или кумулятивной причинно-следственной связи. Шведский ученый-экономист Гуннар Мюрдааль резюмирует эти идеи следующим образом: «Идея, которую я хочу изложить в этой книге, заключается в том, что... в социальной системе нет такой тенденции к автоматической самостабилизации. Сама по себе система не движется к какому-либо балансу сил, но постоянно отходит от такой ситуации. В обычном случае изменение требует не компенсирующих, а поддерживающих изменений, которые движут систему в том же направлении, что и первое изменение, но гораздо дальше.

Из-за такой круговой причинно-следственной связи социальный процесс имеет тенденцию к накоплению и часто набирает скорость ускоренными темпами» (*Myrdal*, 1957). Применительно к географической экономике этот принцип гласит, что региональные различия обусловлены «эффектом снежного кома», который приводит к его постоянному усилению после его введения в действие. Кругман утверждает то же самое, когда пишет: «Производители будут стремиться к концентрации производства там, где есть большой рынок, но рынок будет большим, где сосредоточено производство». Говоря коротко, выбор места расположения определяется напряженностью между агломерациями, сил, которые способствуют пространственной концентрации экономической активности, и дисперсионных сил, которые способствуют равномерному распределению экономической активности.

Сегодня существует довольно широкий спектр направлений экономических исследований в области региональной экономики. Тем не менее в современных работах, опирающихся

на теорию «новой экономической географии» совокупность исследуемых факторов, влияющих на распределение экономических сил в пространстве, часто сводится к конкретным, изолированным друг от друга отраслям экономики и определенным сферам жизни общества. При этом даже более века назад основные теоретические предпосылки исследований предполагали анализ максимально возможного количества причин того или иного экономического распределения.

Современное развитие методов сбора информации и наполнения статистических баз данных позволяет сформировать динамические ряды с большим числом показателей для конкретных экономических пространств. При этом могут быть учтены факторы инвестиционного и инновационного процессов, финансовой стабильности, в рамках накопления человеческого капитала — развитие культурной среды и образования, а также социального климата.

В этой связи в докладе уделяется внимание тем направлениям, которые ранее были недоступны либо опущены по причине неразвитости методов анализа и которые могут стать основой для создания моделей, учитывающих совокупность большого количества показателей и объясняющих экономическое развитие регионов на данном этапе их существования.

ЛИТЕРАТУРА

- Dixit A.K., Stiglitz J.E.* (1977). Monopolistic competition and optimum product diversity. *American Economic Review*. No. 67. Pp. 297–308.
- Helpman E., Krugman P.* (1985). *Market Structure and Foreign Trade*. Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Krugman P.* (1991). Increasing Returns and Economic Geography // *Journal of Political Economy*. Vol. 99. No. 3. Pp. 483–499.
- Marshall A.* (1920). *Principles of Economics*. London: Macmillan.
- Myrdal G.* (1957). *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London: Duckworth.
- Ricardo D.* (1817). *On the Principles of Political Economy and Taxation*.
- Von Thünen J.H.* (1826). *Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*. Hamburg: Perthes. English translation: *The Isolated State*, Oxford: Pergamon Press, 1966.

А.В. Галеев, Д.В. Мельник
НИУ «Высшая школа экономики»

Ю. ЖУКОВСКИЙ:
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕОРИИ РИКАРДО

The classic value theory proposed by David Ricardo has been the object of study for many years. Even though the modern economic theory has diverged from Ricardian tradition and propositions its analysis can still lead to valuable conclusions.

There is not much consensus among the Ricardian interpreters on the theoretic conclusions (*Stigler, 1952*). The difference in readings provided space for debate and propositions of alternative theories of distribution (*Kaldor, 1955*). Supposedly the source of different interpretations lies in the misunderstanding of empirical and analytical propositions in the original writing (*Stigler, 1959*). Stigler suggests that a more rigorous methodology (i.e. explicit statement of necessary and sufficient conditions for equilibrium) will solve the issue. Thus we can argue that a mathematical interpretation of Ricardian theory will lead to more robust conclusions as well as provide the possibility for empirical application.

There have been many attempts at providing a universal mathematical model for the Ricardian theory. One of the most successful works based itself on simple assumptions and lacked relevance to the contemporary theory (*Pasinetti, 1960*). Nevertheless, the resulting model appeared to be complete and

reflect the fundamental approach that is present in the original text. The paper appeared to be useful for further theoretic economic analysis (see: (Gale, 1967, Findlay, 1984)). In addition Ricardian theory of rent has proved to be useful source of inspiration for more complicated problems (Lager, 1998). Therefore further studies of Ricardian theory and its interpretations are necessary.

One of the lesser known Ricardian thinkers was a Russian academic Yulian Zhukovsky. In his 1871 book “History of Political Literature of the XIX century” the author provided one of the first analytical interpretations of Ricardo’s work and its empirical application.

The aim of this paper is to introduce the readers to Zhukovsky’s theory and its applications economic growth in general.

If we consider Ricardian theory apart from the previous classical political economy, one can state that his main question was related to the issue of economic dynamics. Namely, he was interested in managing of economic growth and factors that have an influence on it. Therefore he studied the problem of the economic surplus.

One can define the economic growth as the creation of the surplus by a certain system. The surplus is the excess of the annual volume of production over the sum of society’s needs in the same measurement. Consequently, the economic growth is directly related to the distribution of the surplus. The value function (in marginalism terms) is the share of capitalists in the surplus (i.e. profit). This function is maximized. Capitalists in their turn reinvest the profits. As a result, according to Ricardo’s model, the bigger is the capitalist’s share of the surplus, the bigger are the investments, and therefore the higher is the rate of economic growth. The question of how the surplus is distributed follows.

The surplus is distributed among the members of the society which are usually divided into three classes; namely, the workers, who get wages, the capitalists, who get profits,

and landlords, who get the rent. Ricardian theory assumes that wages are stabilized at the level of the “living wage” due to the economic laws. Consequently, the question simplifies to “how the surplus is distributed among the capitalists and landlords?” It is clear that the bigger the share of rent in the surplus the less is left for profits and consequently to the investments. As a result, there are fewer stimuli for the economic growth, but more for stagnation. Therefore, we have to answer the question, what are the reasons for rent to increase.

The first reason for a rent increase is the rise of prices for food. This can happen when the rate of growth of demand for food exceeds the supply rate of growth due to the scarcity of land. Thus the Ricardian model of rent is created. In some way, similar concepts can be found in Malthusian theory and other contemporary economists. This model does not explain the price formation but explains the growth of food demand of the population along with the technical progress of the society and the growth of population itself.

At the same time, Ricardo assumed that in fact, we face the law of diminishing returns. In the industrial production, on the other hand, we face the increasing returns to scale. Zhukovsky also notes this fact. One can infer a very important result from this fact: unlike in the agriculture, the industrial production can satisfy the demand at almost infinite rates. If the demand is present then the market price exceeds the cost of production. Thus the profit is created, which in turn attracts the capitals from other less successful areas of production. In this case, the labour theory of value, which states that the goods are sold at the cost of their production, is used as general (base) one. This is considered as a long-run tendency, which explains the development of the capitalistic economy.

If there is an unsatisfied demand for some industrial products, this leads to generating profit, as the market prices are higher than production costs and thus more capital is attracted. The greater amount of capital in the industry lowers the profit rates. On the one hand, we observe the land-type of price for-

mation as a limited example of decreasing returns to scale. On the other hand, there is industrial production which obeys completely different laws.

The value theory applied to the distribution states a problem of measuring the capital. If we consider the dynamic movement of the model to the equilibrium, then the equilibrium condition will be the equality of profits. The equality in profits is achieved by the differences in values (prices). This interrelation creates the abovementioned problem. In order to solve it, Ricardo suggests that the value is distinguished by the labour costs. As a result, the more capital-intensive the production is, the lower the cost of labour.

The next question to answer is the measurement of surplus distribution in terms of value. Profit can be simplified to surplus minus the rent. However, surplus is a theoretical concept and thus cannot be measured directly. At the same time, we assume the presence of rate of return, which enables the capitalists to evaluate the profitability of investments in various industries. As soon as we consider surplus being earned, we see that its distribution cannot be viewed without taking the prices into account. Distribution in the case can be a juxtaposition of prices for capital factor and prices for goods.

However, if we consider the equilibrium state and consequently the law of equality of profits then the prices will deviate from the rule. Thus having a labour-intensive production on the one hand and capital-intensive on the other, the law cannot be implemented on its own. In other words, produce of one industry has to cost less than the price in order to cover the expenses.

So finally we come to the question of how to integrate the value theory into the concept of equilibrium. Ricardo died leaving this issue unsolved. However, soon academics suggested starting from the other side. Namely, let us base our theory on the scarcity of production factors, which was considered as an anomaly by Ricardo. This should be considered as a general principle. Then we can analyze the cost of production factor not in terms of cost of labour, but in terms of a combination of

factors, which have their own price. That price is determined the same way as the price of land in Ricardo's model. Later this principle was generalized by A. Marshall as the law of decreasing returns.

In order to analyze the problems of economic dynamics, Ricardo based his theory on the labour value theory in order to solve the problem of surplus distribution. His successors and interpreters, like Zhukovksy, came up with a new value theory based on the generalized theory of rent.

REFERENCES

- Жуковский Ю.Г.* (1871). История политической литературы XIX в.
- Findlay R.* (1984). Growth and development in trade models // Handbook of international economics. Vol. 1. Pp. 185–236.
- Gale D.* (1967). On optimal development in a multi-sector economy // The Review of Economic Studies. Vol. 34. No. 1. Pp. 1–18.
- Kaldor N.* (1955). Alternative theories of distribution // The review of economic studies. Vol. 23. No. 2. Pp. 83–100.
- Lager C.* (1998). Prices of Goods' and 'Bads': An Application of the Ricardian Theory of Differential Rent // Economic Systems Research. Vol. 10. No. 3. Pp. 203–223.
- Pasinetti L.L.* (1960). A mathematical formulation of the Ricardian system // The Review of Economic Studies. Vol. 27. No. 2. Pp. 78–98.
- Stigler G.J.* (1952). The Ricardian theory of value and distribution // Journal of Political Economy. Vol. 60. No. 3. Pp. 187–207.
- Stigler G.J.* (1958). Ricardo and the 93% labor theory of value // The American Economic Review. Vol. 48. No. 3. Pp. 357–367.

Г. Д. Гловели

Институт экономики РАН,
НИУ «Высшая школа экономики»

ПРОТОАНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
В «ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРИФМЕТИКЕ» У. ПЕТТИ

Современные теории национальной конкурентоспособности за отправной пункт берут либо классические теории абсолютных преимуществ А. Смита и сравнительных преимуществ Д. Рикардо (неоклассический факторный подход, «ромб национальной конкурентоспособности» М. Портера, «новая экономическая география» П. Кругмана), либо критерий поощрения отраслей с возрастающей отдачей, эксплицированный Э. Райнертом в «Другом каноне» (А. Серра, Ф. Лист и др). Но и те, и другие игнорируют анализ детерминант национальной конкурентоспособности, проделанный У. Петти в его главной книге «Политическая арифметика» на примере процветавшей Голландии.

В современной литературе дебатруется вопрос о том, можно ли считать Голландию XVII в. первой индустриальной страной или первой страной, обеспечившей институциональные рамки для полномасштабного проявления частнопредпринимательской инициативы (а голландских памфлетистов того времени — предшественниками «новых» институционалистов). Со своей стороны, И. Валлерстайн подробно обрисовал «мир-системное лицо» Голландии как первой державы-гегемона в сложившейся капиталистической мир-системе. Соединенные провинции добились лидерства в аграрно-про-

мышленной сфере и финансах и стали основными получателями выгод от морской и океанической торговли. Однако и Валлерстайн не упоминает У. Петти.

К. Маркс, как известно, считал Петти основателем классической буржуазной политэкономии, а Голландию – «образцовой» страной «торгового капитализма», но и он не остановился на анализе преуспевания Голландии в «Политической арифметике». Более того, марксизм противопоставлял «зрелого» Петти «меркантилистским» воззрениям его ранних произведений, тогда как очевидно, что приверженность доктрине активного торгового баланса Петти сохранял до конца.

И в «Политической арифметике» Петти всесторонне осветил факторы впечатляющего активного торгового баланса Соединенных провинций, углубив (на основании личных впечатлений и подсчетов) выводы о причинах голландского успеха, изложенные в сочинениях таких его современников, как амстердамский купец П. де ла Кур, баронет У. Темпл и др. Эти авторы подчеркивали следующее: размах голландского флота, превосходящего по грузообороту все вместе взятые прочие флоты Европы; выгоды для экономики Соединенных провинций от легкости и дешевизны транспортировки товаров по рекам, каналам и морям; масштабы нидерландского рыболовства и торгового посредничества между разными частями Европы, а также достигнутого колониального могущества; умение трудолюбивого голландского населения обогащаться за счет промышленности, улучшающей в мануфактурах продукцию, ввозимую из-за границы; законодательство и правосудие, гарантировавшие права личности и собственности; веротерпимость, привлекающую в Северные Нидерланды множество предприимчивых иммигрантов, искусных в ремеслах и коммерции; налаженное банковское дело, позволяющее всякому без опасений переводить свои деньги в любое место.

Петти систематизировал все перечисленное, но не остановился на этом. Особого внимания заслуживают такие пункты его анализа, как эффекты «всенародного изучения» счетоводства и стимулирующего влияния высокоразвитого голланд-

ского рыболовства на рост промышленной специализации (строительство многих специальных типов судов и поставок различных принадлежностей для флота) и, наконец, выгоды голландцев от «переложения» на «датчан и поляков» самых трудоемких занятий (хлебопашества и мясного животноводства), что позволило разнообразить структуру национальной экономики, создавая новые изысканные ремесла («curious arts»).

Анализ Петти высвечивает фактически три из четырех вершин портеровского «ромба национальной конкурентоспособности» (за исключением стратегии и структуры фирм): параметры факторов производства; условия спроса (значение сегментной структуры) и наличие родственных и поддерживающих отраслей. Этот анализ можно развернуть также «веером» таких выделяемых в современной экспертизе национальных конкурентных преимуществ, как ресурсные (возникающие необязательно благодаря собственному зональному и минеральному богатству, но в большей степени за счет близости к транспортным и информационным коммуникациям); технологические (позволяющие наращивать выпуск и вывоз продукции с большей добавленной стоимостью); инновационные (позволяющие увеличивать эффекты от качественных параметров товаров и привлечения иностранного человеческого капитала); культурные и глобальные (связанные с формированием общественно значимых стандартов хозяйственной деятельности). Наконец, Петти прямо указал на преимущества, вытекающие из выгодной структурной позиции национальной экономики в международном разделении труда, закрепления специализации «центр — периферия» и «выноса» из стран-лидеров наиболее обременительных и мало доходных производств.

Таким образом, к блескам пронизательности У. Петти — наряду с прогнозом секторальных сдвигов в экономике, внесением фактора скорости обращения денег в монетарный анализ, пионерным вкладом в макроизмерения и т.д. — следует добавить протоанализ национальных конкурентных преимуществ, не утративший своей актуальности и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

- Блауг М. (2005). Сто великих экономистов до Кейнса. СПб: Экономическая школа.
- Брюне А., Гишар Ж.-П. (2012). Геополитика меркантилизма. М.: Новый хронограф.
- Валлерстайн И. (2016). Мир-система Модерна II. Меркантилизм и европейская консолидация европейского мира-экономики (1600–1750). М.: Ун-т Дмитрия Пожарского.
- Емельянов С.В. (2001). США: Международная конкурентоспособность национальной промышленности. М.: Международные отношения.
- Мэдисон Э. (2012). Контуры мировой экономики. 1-2030. М.: ИИГ.
- Петти У. (1940). Экономические и статистические работы. Т. I–II. М.: Соцэкгиз.
- Портер М. (1993). Международная конкуренция. М.: Международные отношения.
- Райнерт Э. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Clark C.G. (1951). *The Conditions of Economic Progress*. London: MacMillan & Co., Ltd.
- De Vries J. and Van der Woude A. (1997). *The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy 1500–1815*. Cambridge University Press.
- De Zeeuw J.W. (1978). Peat and the Dutch Golden Age // *Afdeling Agrarische Geschiedenis. Bijdragen*. No. 21.
- Dong-Sung Cho & Hwy-Chang Moon. (2013). *From Adam Smith to Michael Porter: Evolution of Competitiveness Theory*. Singapore: World Scientific.
- Petty W. (1899) *The economic writings*. Ed. Ch. H. Hull. Vol. 1. Cambridge University Press. oll.libertyfund.org/titles/petty-the-economic-writings-of-sir-william-petty-vol-1.
- Templ W. (1705). *Observations upon the United Provinces of the Netherlands*. 7 ed. Corrected and augmented. L.: J.Tonfon. books.google.ru/books?id=_Su2ogKHsUEC&pg=PP9&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false.
- Wagener H.-J. (1994). Free Seas, Free Trade, Free People: Early Dutch Institutionalism // *History of Political Economy*. Vol. 26. No. 3.

Р.С. Гринберг
Институт экономики РАН

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИДЕИ
СОЦИАЛЬНОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ:
УСТОЙЧИВЫЙ ТРЕНД ИЛИ ВРЕМЕННЫЙ
ФЕНОМЕН?

История возникновения и восприятия идей социального рыночного хозяйства (СРХ) в мире и стране поучительна во многих отношениях. В ряду так называемых «больших» учений, таких, например, как марксизм, маржинализм, кейнсианство и институционализм, концепция СРХ занимает особое место. Авторы концепции, конечно же, немцы. Помню, каким откровением явились для меня тексты Ойкена, Мюллера-Армака, Эрхарда, Бема, Репке и Рюстова, которые мне, как студенту, изучающему экономику двух Германий, было разрешено читать в спецхране знаменитой библиотеки Горького в МГУ в середине 60-х гг. Разумеется, отцы-основатели новой доктрины создавали ее прежде всего для послевоенной Германии. Но случилось так, что идеи СРХ легли в основу социально-экономических программ большинства стран Западной и Северной Европы, а впоследствии стали чуть ли не официальной идеологией Европейского союза.

Строго говоря, концепция СРХ состоит из двух частей: ордолиберализма (Ойкен) и комплекса идей социального рыночного хозяйства (Мюллер-Армак). Между ними есть различия, но в основном концепция может считаться единой, особенно с позиций сегодняшнего времени.

В силу разных причин концепции социальной рыночной экономики не удалось стать мейнстримом мировой экономической мысли. Но по критерию благотельного влияния теоретического знания на реальную экономическую политику с ней вчера и сегодня может соперничать, пожалуй, только кейнсианство. Без особого преувеличения можно утверждать, что во второй половине XX в. во многом благодаря именно этим замечательным концепциям рыночному типу хозяйственной жизни удалось не только выжить, но и обеспечить быстрый и продолжительный рост благосостояния населения стран Западной и Северной Европы.

Возникает, однако, вопрос: чем сегодня может быть привлекательна концепция социального рыночного хозяйства? Ведь ныне она почти не участвует в современном академическом дискурсе по проблемам экономической теории, да и как мировоззренческая основа конкретной экономической политики какой-либо, даже европейской, страны упоминается в наше время весьма нечасто. С моей точки зрения, концепция СРХ не заслуживает забвения. Попробую выделить те ее положения, которые по сей день не утратили свойств универсальности и актуальности.

Основной стержень (ядро) доктрины и ее выдающееся достижение — это научное обоснование необходимости сочетания свободной рыночной конкуренции с активным и систематическим государственным интервенционизмом как реакция на провал классического либерализма с его никем и ничем не контролируемые силы саморегулирования. Именно эти силы вызвали Великую депрессию 1929–1933 гг. и широкое распространение порочной монополистической практики в ведущих развитых странах того времени. И, как известно, именно такая практика во многом способствовала установлению в Германии национал-социалистического режима, развязавшего самую кровавую мировую войну в человеческой истории.

Отцы-основатели концепции СРХ придавали большое значение этому обстоятельству и поэтому позаботились

о недопущении монополизации как в экономической жизни послевоенной Германии, так и в ее политическом устройстве. Разве не актуально сегодня высказывание Людвига Эрхарда: «Кое-кто захочет спросить, как примирить свободу с порядком. Позвольте мне в ответ процитировать самого себя: я неоднократно заявлял, что порядок без свободы слишком часто порождает принуждение, а свобода без порядка грозит слишком легко выродиться в хаос. История дает достаточно примеров и тому и другому тезису. Когда диктатуры утверждают, что в их владениях царит «порядок», а зрелые демократии указывают на то, что в их сфере порядок понимается как само собой разумеющееся включение свободных людей в общество и государство и подчинение им, то нам становится ясно: принудительный порядок должен разрушить любую демократию, в то время как встречающая поддержку позитивная и конструктивная воля к порядку составляет силу подлинной, опирающейся на народ демократии» (Эрхард, 1996. С. 582). В сущности, здесь емко сформулирована основополагающая идея концепции СРХ о взаимозависимости систем, выдвинутая автором ордолиберализма Вальтером Ойкеном: свободу в экономике и политическую свободу отделить друг от друга нельзя.

Другая фундаментальная идея СРХ, которую без всяких оговорок можно рассматривать как в высшей степени актуальную для нашего времени, — признание равноценности механизмов рыночного саморегулирования и государственного интервенционизма. Учет такого своего рода «принципа равноценности» имеет прямо-таки экзистенциальное значение для сегодняшней России, где никак не прививается культура компромиссов и консенсусов, дискуссии чаще всего выливаются в идеологические перепалки, приобретающие характер противостояния добра и зла.

Наконец, неоспоримую ценность теория СРХ (и соответственно практика ее применения в ФРГ) могла бы иметь при выборе способа перехода России из центрально управляемой экономики к рыночной. Германия, как известно, начала такой переход во второй половине 40-х гг., а наша страна — во

второй половине 80-х гг. Конечно же, надо отдавать себе отчет в том, что сопоставления такого рода весьма условны. Каждая страна уникальна, как уникальны и условия, в которых решаются примерно одинаковые задачи. Поэтому надо проявлять максимальную осторожность с выводами, особенно с теми из них, которым мы вольно или невольно придаем универсальный характер.

И все-таки, если и были основания надеяться, что можно учиться на опыте других, то самым подходящим объектом в этом отношении могла бы быть послевоенная Западная Германия. Сходство стартовых условий для системной трансформации в ФРГ и в нашем отечестве просматривалось со всей очевидностью. Во-первых, в обеих странах надо было переходить от тоталитарных политических порядков к системам плюралистической демократии и одновременно заниматься формированием экономики рыночного типа. Во-вторых, и там и здесь такой своего рода гибридный переход неизбежно должен был сопровождаться материальным расслоением социума и соответственно снижением и без того низкого уровня жизни большинства граждан, вследствие чего в обоих случаях необходимо было проводить ту или иную социальную политику, смягчающую тяготы реформ. Наконец, в-третьих, для экономической и социальной политики в условиях системной трансформации нужна была хоть какая-то теоретическая база. И она появилась в виде концепции СРХ, которая, как уже отмечалось, в течение чуть ли не четверти века пользовалась в Европе безупречной репутацией как в академическом сообществе, так и в деловом мире.

Казалось, проверенная временем история успеха теории и практики СРХ обратит на себя внимание российских реформаторов, взявшихся за грандиозное дело преобразования страны в современное демократическое государство с рыночной экономикой. Но не тут-то было.

Не вдаваясь в причины по сути полного игнорирования и духа, и буквы концепции СРХ авторами дизайна рыночных реформ в постсоветской России, да и всеми последующими

персонами, определяющими ее экономическую политику, назову здесь только главную из них.

Это специфика так называемого «духа времени». В конце 1940-х гг. в академическом мире Европы царил ярко выраженный антикапиталистический дух, в то время как сорок лет спустя, т. е. именно тогда, когда началась всеобъемлющая маркетизация нашей экономики, «дух времени» в мире был уже принципиально иной. Мировоззренческий тренд сменился на противоположный: неприятие «свободного рынка» обернулось его почти безоговорочным обожанием, чему в значительной мере способствовал конечно и распад мировой социалистической системы. При этом антисоциалистические настроения в интеллектуальных кругах Запада были настолько сильны, что даже простое упоминание прилагательного «социальный» в позитивной коннотации считалось занятием почти неприличным. И началось, как говорили в советские времена, триумфальное шествие, только теперь не советской власти, а власти «свободного рынка». Почему это произошло и к чему это привело?

По этим вопросам ведется бесконечная дискуссия, требующая специального обсуждения. Здесь замечу лишь, что широко распространенный тезис о так называемой «пересоциализации» капитализма, которая якобы заметно ограничивала его предпринимательскую активность, кажется мне достаточно обоснованным. Как бы то ни было, это падение влияния концепции СРХ весьма отчетливо выразилось в утрате первого прилагательного, в переводе с буквального немецкого это звучит как «безприлагательное» рыночное хозяйство (*adjektivlose Marktwirtschaft*). Более того, к концу 1970-х гг. концепция СРХ оказалась «виноватой» в стагнационных признаках экономики ФРГ, и даже значительная часть немецкого академического сообщества совершает своего рода «предательство» идеалов ордолиберализма и СРХ, отказываясь от прилагательного «социальное».

Все это имело роковые последствия для трансформационных процессов в странах ЦВЕ и СНГ, которым, как видно, пришлось иметь дело с таким феноменом, как историческое

незевение. Переход к свободе, демократии и рынку бывших социалистических стран начался на пике популярности, если не сказать обожания, идеологии радикального или, лучше сказать, вульгарного либерализма, т. е. ничем не регулируемого рыночного хозяйства. А в условиях почти безоговорочного принятия превалярующих в данный момент западных теоретических конструктов это обстоятельство превратилось, как ни парадоксально, в мощный фактор, препятствующий приближению этих стран к стандартам благополучия государств – основателей Европейского союза.

Разумеется, в таких условиях не могло быть и речи о востребованности концепции СРХ элитами постсоциалистических стран, тем более что международные институты, опекавшие их транзит к рынку (МВФ и МБРР), сами были носителями идей рыночного фундаментализма. А ведь если бы переход к рынку состоялся бы здесь в середине 60-х гг. (косыгинские реформы и Пражская весна), содержание системной трансформации было бы принципиально иным. Во всяком случае ее социальная цена была бы явно ниже хотя бы потому, что «дух времени» тогда благоволил и свободе, и справедливости.

В сегодняшнем мире, где вновь резко обостряются и почти не решаются проблемы неравенства и массовой бедности, казалось бы, должен состояться ренессанс идей социального рыночного хозяйства. Но, судя по всему, классический экономикс, несмотря на участившуюся критику в свой адрес, продолжает доминировать в мейнстриме экономической мысли.

Принято считать, что в основном это связано с мощной традицией интеллектуального лидерства англосаксонской культуры после Второй мировой войны, а также выходом «из моды» так называемых больших теорий и вообще фрагментации современного теоретического знания. При всей обоснованности этих доводов уместно здесь отметить и своеобразие концепции СРХ, которая, надо признать, не отличается четким логическим построением, хотя и по праву считается доктриной, обеспечившей безусловный успех новой экономической модели для послевоенного мира.

Здесь уместно привести цитату одного немецкого юриста, очень точно заметившего, что «в экономической действительности социально-рыночное хозяйство превратилось в понятие-трофей, который различные политические группировки пытаются захватить, чтобы благодаря окружающему его ореолу успеха в более выгодном свете представить собственные требования. Одни предлагают себя на место защитников социально-рыночного хозяйства от тенденций возрождения манчестерского либерализма, другие — как охранители социально-рыночного хозяйства от парализующего воздействия, которое оказывают на движущие силы и регуляторы рынка излишней социальные интервенции государства» (*Reuter*, 1997. S. 191. Цит. по: Социальное..., 2007. С. 142).

Что главное в перспективе? Дух, а не буква. Важно ответить на вопрос, популярно ли «здесь и сейчас» прилагательное «социальный». И ответ на него прямо зависит от «духа времени». Как социум воспринимает текущую действительность? Раздражает ли его больше мания дерегулирования или чрезмерный государственный интервенционизм?

Стало триумфом утверждение, что мы живем сегодня в условиях беспрецедентной неопределенности. Похоже, ясно только то, что в ближайшем будущем мировому социуму придется иметь дело со столкновением двух трендов в своей динамике. Очевидные предпосылки для развертывания первого, так сказать, авторитарного тренда, уже налицо. Решающая из них — неизбежный рост потребности в расширении и углублении функций современного государства просто в силу природы стоящих перед человечеством угроз. Ни одна из них не может быть нейтрализована силами саморегулирования. И действительно, можно ли, не утратив инстинкт самосохранения и чувство юмора, предполагать, что «невидимая рука» рынка справится с такими критическими проблемами, как приближение точки невозврата в процессе разрушения человеком собственной среды обитания или ожидаемое в ближайшие десятилетия стремительное увеличение безработицы из-за бурного развития

искусственного интеллекта вообще и роботизации рабочих мест в частности?

Но главная опасность для нашего грешного мира состоит, конечно, не в мечтаниях экономистов либертарианского толка по поводу способности чисто рыночных механизмов справиться с указанными проблемами, а в весьма высокой вероятности поражения не только вульгарного либерализма, но и либерализма вообще, т. е. отказа от ценности свободы как таковой.

Ведь потребность в государственной активности вырастает объективно (растущая угроза окружающей среде, социальное неблагополучие, доминирование протекционизма над фритредерством, геополитика как «игра с нулевой суммой»), что резко увеличивает риски монополизации власти («приватизация власти» бюрократической номенклатурой). Или победит другой тренд, когда активность гражданского общества окажется в состоянии обуздывать произвол бюрократической номенклатуры, и в результате мир приблизится к достижению оптимального равновесия между индивидуальными свободами человека и необходимыми нормами его безопасности в условиях сохранения демократических порядков и открытости государственных границ.

Теперь о том, какой главный урок должна извлечь Россия из теории и практики СРХ. Принято почему-то считать, что отечественные экономисты вообще и ведущие ученые РАН в частности оказались не готовы использовать идеи СРХ в процессе превращения командной экономики в рыночную (Социальное рыночное..., 2018. С. 29).

На самом деле это не так. Именно академические реформаторы первыми раскрыли пороки системы директивного планирования и преимущества рыночной организации хозяйственной жизни общества. Не заслуживают они и упрека в том, что якобы «не смогли предложить связного пакета реформ».

Любой не ангажированный макроэкономист согласится с тем, что правительство Рыжкова—Абалкина под-

готовило именно такой «связный» план рыночных реформ для позднего СССР, и не его вина в том, что после распада страны все пошло совсем по другому сценарию. И вообще, нет оснований приписывать ведущим экономистам РАН, сторонникам «смешанной экономики» (Абалкин, Петраков, Шмелев, Богомолов, Шаталин, Аганбегян и др.), антирыночные взгляды. Нельзя забывать, что именно они сформировали, так сказать, рыночный дизайн экономической трансформации страны как часть великой горбачевской перестройки, фактически руководствуясь принципами концепции СРХ. Они хотели рынка без утраты порядка и социального выравнивания, а разве не в этом суть аутентичного ордолиберализма и концепции СРХ? И вообще, не становится ли сегодня все более очевидной их правота в дискуссии с отечественными рыночными фундаменталистами, которые однажды уже сильно подорвали доверие россиян к ценностям свободы и демократии?

Особенно уязвимым представляется бытующий в либеральном сегменте страны тезис об обязательной соподчиненности «рыночного» и «социального» в концепции СРХ. Вряд ли можно утверждать, что «в приоритетах социального рыночного хозяйства второй эпитет играл большую роль, чем первый, и социальная политика обязана “соответствовать рынку”» (там же. С 33).

Мой же опыт изучения теории и практики социального рыночного хозяйства говорит о безусловной равноценности того и другого прилагательного, что, собственно, вытекает из признания равноправия двух великих человеческих ценностей — свободы и справедливости. При этом речь идет не только об отсутствии иерархии рыночного саморегулирования и государственной активности. Не имеет особого смысла и вопрос, чего во взаимодействии того и другого должно быть больше. Как в свое время точно заметил великий либерал Фридрих Хайек, главное здесь не объем государственной активности, а ее вид. Так что абстрактно либеральная установка на расширение зоны действия «свободного рынка» носит чисто

идеологический характер и, будучи реализованной, как правило, ведет к отрицательным результатам. Но в сегодняшней России она, к сожалению, так или иначе присутствует в умах так называемых системных и несистемных либералов, явно или неявно выступающих за непопулярные структурные реформы, «минимальное» государство, огульную приватизацию государственных активов и коммерциализацию всего и вся.

Один из отцов-основателей концепции СРХ, уже упоминавшийся Мюллер-Армак, дает, на мой взгляд, самую точную характеристику такого догматического либерализма: «Ошибки и упущения, связанные с либеральным рыночным хозяйством, в конечном счете проистекают из узости экономического мировоззрения либерализма. Эта узость заключается в том, что либерализм не замечает инструментального характера порядка, который лежит в основе его концепции и который он реализует, и ошибочно полагает, что рыночное хозяйство является автономным миром. Законы рыночного хозяйства, однако, не могут претендовать на регулирование всей нашей жизни. Ему самому необходимы значительные социальные и политические гарантии, а также меры по землеустройству, планированию городов и сглаживанию экономического цикла. Сегодня рыночное хозяйство представляется нам инструментальным средством, в то время как либерализм пытался превратить его в своего идола» (*Müller-Armak*, 1946. S. 105).

С грустью приходится констатировать, что в нынешних условиях расцвета феодально-бюрократического капитализма в России люди либерально-демократического склада мышления по-прежнему считают «невидимую руку» рынка основным средством его преодоления, как бы не замечая уже имеющийся печальный опыт реализации именно такой идеологической установки.

Словом, главный урок концепции и практики СРХ очевиден: формируя и реализуя экономическую политику, надо стремиться к синтезу «социального» и «рыночного», который должен быть достигнут в гармонии, а не путем победы одного над другим.

ЛИТЕРАТУРА

- Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России / Под общ. ред. проф. Р.М. Нуреева (2007). М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
- Социальное рыночное хозяйство. Основоположники и классики. (2018). М.: Весь мир.
- Хорн Карен Ильзе.* (2017). Социальное рыночное хозяйство. Все, что Вам нужно знать о неолиберализме. М.: Весь Мир.
- Эрхард Людвиг.* (1996). Полвека размышлений. Речи и статьи. М.: Наука.
- Eucken W.* (1952/1995). Grundsätze der Wirtschaftspolitik. Tübingen.
- Müller-Armack A.* (1946). Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft. Hamburg.
- Müller-Armack A.* (1948/1966). Die Wirtschaftsordnungen sozial gesehen. In: *Müller-Armack* (1966).
- Reuter D.* (1997). Soziale Marktwirtschaft und Rechtsentwicklung // Historisch-politische Mitteilungen. Bd4 / Konrad-Adenauer-Stiftung. Koeln. S. 191.
- Soziale Marktwirtschaft als historische Weichenstellung. (1997). STVerlag.

Е.Э. Гущина, Ю.В. Вымятнина
Европейский Университет в Санкт-Петербурге

ОСМЫСЛЕНИЕ ТРУДОВ
М.И. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО
С ПОЗИЦИИ НЕОРТОДОКСАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Среди большого количества трудов Михаила Ивановича Туган-Барановского наиболее часто цитируются и анализируются работы, связанные с циклами и с пониманием денег и денежного обращения. Несмотря на то, что к трудам Туган-Барановского отечественные авторы обращались неоднократно (см. например: (Нуреев, 2016; *Рогачевская, Новикова*, 2011; *Синельник*, 2012)), предлагаемый ими анализ чаще всего сводился к краткому освещению основных положений и перечислению тех теорий и гипотез современной экономической мысли, которые его работы предвосхитили. В нашей работе мы хотели бы проанализировать основные идеи Туган-Барановского относительно экономических циклов и денежного обращения с точки зрения современных представителей различных течений неортодоксальной школы экономической мысли.

При описании промышленных циклов Туган-Барановский уделяет большое внимание их причинам, а также необходимым условиям для того, чтобы закончилась фаза спада и началась фаза подъема. Во главу угла он ставит рынок, который характеризует имманентная проблема – трудность сбыта (*Туган-Барановский*, 1918. С. 724–753).

Она заключается в невозможности прогнозировать спрос на товары, поскольку в капиталистической экономике, основанной на принципе частной собственности, отсутствует координационный центр для своевременного отслеживания и прогнозирования спроса. Стремление к получению прибыли приводит к переоценке возможностей сбыта, накоплению избыточных производственных мощностей и последующему перепроизводству. Представляется интересным отметить, что Янош Корнаи, чья характеристика социалистической экономики как экономики дефицита стала классической, в одной из последних своих работ «Dynamism, Rivalry, and the Surplus Economy: Two Essays on the Nature of Capitalism» предложил рассматривать капиталистическую экономику как экономику избытка (избыточного предложения). По его мнению (Kornai, 2013), именно избыток предложения на всех рынках, включая рынок труда, наиболее ярко характеризует капиталистическую экономику в сколько-нибудь длительном периоде. Капиталисты в попытке не упустить прибыль и нарастить собственную долю рынка обеспечивают себе запас производственных мощностей, чтобы иметь возможность удовлетворить внезапный рост спроса быстрее и лучше конкурентов. Нельзя не заметить сходства его идеи экономики избытка с соображениями Туган-Барановского.

Продолжая рассмотрение промышленного цикла, важно отметить, что, по мнению Туган-Барановского, начало фазы подъема провоцирует наличие свободного капитала. Рассматривая два типа капитала – производительный (т.е., по сути, основной капитал, как фактор производства) и денежный, он отмечает, что первый в период экономического спада не может быть источником свободного капитала (он неликвиден, особенно в краткосрочной перспективе), следовательно, остается капитал денежный. Данный капитал включает поступления, которые не связаны с фазой экономического цикла, Туган-Барановский отмечает земельную ренту, доход держателей государственного долга, фиксированный номинальный доход госслужащих и пенсионеров. Если эти

поступления не полностью тратятся на текущее потребление, а хотя бы частично оседают в банках, постепенно их оказывается достаточно, чтобы запустить экономический рост. Причем, по мнению Туган-Барановского, рост начинается с тех отраслей, которые обеспечивают производство средств производства, т.е. инвестиционных товаров в трактовке современной макроэкономики. Распирение производства приводит к исчерпанию свободных ресурсов, в первую очередь – свободного капитала, что приводит к росту ставки процента, и в дополнение к этому предложение в какой-то момент начинается опережать спрос. Теперь цена товара не покрывает издержек (в том числе – на обслуживание заемного капитала), что приводит к спаду.

Эти рассуждения можно напрямую соотнести с так называемой гипотезой (или теорией) финансовой нестабильности Мински (*Minsky, 1994*). Ключевым моментом гипотезы Мински является неопределенность – трудность сбыта в терминологии Туган-Барановского. В фазе подъема, согласно Мински, экономические агенты характеризуются оптимистическими ожиданиями. До тех пор, пока реальность оправдывает ожидания, у фирм есть стимулы к инвестициям в основной капитал, а у банков – стимулы к выдаче кредита под данные инвестиции. Причем по мере увеличения оптимизма в ожиданиях наблюдается уменьшение ставок процента, поскольку все стороны предполагают, что риски невозврата кредита снижаются в связи с устойчивым экономическим ростом. Так происходит до тех пор, пока не наступает какое-то событие, которое резко меняет настроения всех участников рынка. Со сменой настроений банки перестают выдавать новые кредиты и могут даже потребовать уже выданные кредиты к возврату – количество свободного денежного капитала в терминологии Туган-Барановского сокращается. Какое-то время после начала фазы спада фирмы не готовы брать новые кредиты, банки не готовы ссужать те средства, которыми они располагают, однако постепенно, если не происходит каких-то дополнительных потрясений,

ожидания начинают улучшаться, и постепенно кредит для инвестиций в основной капитал возобновляется.

Как видим, по сравнению с рассуждениями Туган-Барановского у Мински явно выражена роль неопределенности и ожиданий, кроме того, банки у Мински (как и в целом в посткейнсианской теории) не нуждаются в накоплении вкладов, чтобы иметь возможность выдать кредит. Тем не менее представляется, что гипотеза финансовой нестабильности Мински имеет явные параллели с идеей промышленных циклов Туган-Барановского, и следует подчеркнуть, что оба полагают, что восстановление роста должно начинаться с сектора производства средств производства, с инвестиционных товаров.

Другой вопрос, на который следует обратить внимание, связан с конъюнктурной теорией денег Туган-Барановского. Фактически в ней он описал изменение общего уровня цен в связи с экономическим циклом — цены растут в фазе подъема и снижаются в фазе спада. Соответственно, ценность денег изменяется в обратную сторону — снижается в фазе роста и растет в фазе спада. Туган-Барановский отмечает, что изменение ценности денег не связано с изменением количества денег в стране (Туган-Барановский, 1919. С. 15–18). В фазе экономического роста растут скорость обращения денег и доля покупок в кредит. Во время спада количество денег не уменьшается, а цены снижаются «благодаря замедлению оборотов денег (деньги скапливаются в банках) из-за огромного сокращения кредита». По мнению Туган-Барановского, он тем самым опровергал тезисы количественной теории денег. Если присмотреться к его логике внимательнее, то этого не происходит — количественная теория денег исходит из того, что скорость обращения денег не меняется или меняется с постоянной скоростью, более того, количественная теория денег не утверждает, что в краткосрочной перспективе существует прямая взаимосвязь количества денег и уровня цен, это постулируется только в долгосрочной перспективе. Нам бы хотелось скорее подчеркнуть важность кредита, которому не уделялось должного внимания в рамках количественной теории денег.

С точки зрения неортодоксальной теории денег кредит является важнейшим драйвером развития современной капиталистической экономики, и именно его динамика определяет потенциал экономического роста. Более того, кредит, строго говоря, не зависит от того, сколько средств банки накопили на вкладах (см., например: (Moore, 1988; Palley, 1996; Вымятина, 2014)). Это несколько противоречит замечаниям Туган-Барановского, который напрямую увязывал возможность восстановления кредита с накоплением определенного уровня свободного денежного капитала в банках. Однако здесь налицо скорее пропущенная переменная — накопление определенного уровня депозитов в банках служит поворотной точкой в восстановлении доверия к реальному сектору экономики и подталкивает банки к готовности рискнуть хотя бы частью имеющихся у них в наличии средств. Пожалуй, именно этот момент — важность наличия некоторой, пусть даже символической (если речь идет о фиатных деньгах в противовес золоту), денежной подушки в распоряжении банков — делает несостоятельной теорию абстрактного кредита посткейнсианцев. Наличие вкладов в банках — показатель доверия, и чем больше вкладов, тем выше доверие, а в конечном итоге именно на последнем держится система кредитов и, соответственно, экономический рост в капиталистической экономике.

ЛИТЕРАТУРА

- Вымятина Ю.В. (2014). Теория денег: уроки кризиса. СПб.: Изд-во ЕУСПБ.
- Нуреев Р.М. (2016). Теория циклов М.И. Туган-Барановского: взгляд из XXI века // *Journal of Institutional Studies*. №8(2). С. 6–24.
- Рогачевская М.А., Новикова И.А. (2011). «Бумажные деньги и металл» — последнее экономическое произведение М.И. Туган-Барановского // *Ретроспектива*. Январь–февраль. С. 113–120.
- Синельник Л.В. (2012). Конъюнктурная теория денег М.И. Туган-Барановского // *Вестник Российского нового университета*. №2. С. 86–88.

- Туган-Барановский М.И. (1918). Основы политической экономии. 5-е изд. Петроград: Право.
- Туган-Барановский М.И. (1919). Бумажные деньги и металл. Одесса: Изд-во «Русская культура».
- Kornai J. (2013). Dynamism, Rivalry and the Surplus Economy: Two Essays on the Nature of Capitalism. Oxford University Press.
- Minsky H. (1994). Financial instability hypothesis // The Edgar companion to radical political economy / Eds. P. Arestis, M. Sawyer. Aldershot: Edward Elgar. Pp. 153–158.
- Moore B.J. (1988). Horizontalist and Verticalist: The Macroeconomics of Credit Money. New York: Cambridge University Press.
- Palley T. (1996). Accommodationism versus Structuralism. Time for an Accommodation // Journal of Post-Keynesian Economics. Vol. 16. No. 4. Pp. 585–594.

А.Н. Демьяненко, П.А. Минакир
Институт экономических исследований ДВО РАН

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА А. ЛЁША:
НЕОЖИДАННАЯ РЕИНКАРНАЦИЯ
В СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ РФ

В ходе обсуждения (сначала концепции и проекта, а затем и утвержденной) Стратегии пространственного развития РФ (СПР) достаточно четко проявилась проблема (среди прочих других), которую можно обозначить как отсутствие методологической платформы. Более того, анализ концептуальных документов последних двух десятилетий, принятых Правительством РФ, свидетельствует о том, что эта проблема из той категории, которые «всерьез и надолго». Поэтому в решениях такого рода (и здесь СПР не исключение) не стоит искать четко сформулированных целей и способов осуществления преобразования пространственной организации российского общества. Но без такого рода целевых ориентиров становится неблагоприятным делом как анализ современных проблем, так и определение приоритетов пространственного развития.

К сожалению, реформационные усилия власти свидетельствуют об отсутствии понимания того, что есть пространственное развитие; в результате власть зачастую сбивается на воспроизведение советских подходов к пространственному развитию, без должного учета новых обстоятельств и задач. И что самое важное — без учета мнения не только общественного, но и научного сообщества.

В этой ситуации есть, как минимум, два пути (не исключаящих друг друга): организация систематических исследо-

ваний по проблемам пространственного развития страны и заимствование (но не копирование) теоретических моделей и методологических подходов, в том числе сложившихся за пределами нашего отечества.

В этой связи авторы доклада предлагают обратить внимание коллег на хорошо забытую теорию экономического ландшафта А. Лёша. На первый взгляд выглядит парадоксальным уже само утверждение, что в творческом наследии бесспорного классика пространственной экономики есть нечто «хорошо забытое». Тем не менее следует признать, что теория экономического ландшафта, которой сам ее автор отводил место «между теорией размещения предприятий и общей теорией размещения» (Лёш, 1959. С. 30), мало привлекает внимания современных исследователей. По большей части их интересует либо задача «замощения пространства» в ее самых различных модификациях, либо «теория пространственного экономического равновесия». Хотя справедливости ради отметим, что сам А. Лёш ни о какой «теории пространственного экономического равновесия» речи не вел.

Естественно, что теория экономического ландшафта в том виде, в каком она была сформулирована почти 80 лет тому назад, предполагает, если мы хотим использовать ее для исследования проблем пространственного развития современной России, ее адаптацию к условиям не только времени, но и места.

Теперь об особенностях времени и места. Относительно изменений в экономике и в институтах экономического развития, имевших место со времени публикации работ А. Лёша, тема эта вполне разработана. Что же касается особенностей места, то здесь следует отметить, как минимум, одну, но важную особенность. Теоретические построения А. Лёша опираются на эмпирическую базу, полученную в ходе исследования пространственной организации экономики стран с высоким уровнем освоенности и заселенности. Поэтому допущение «об однородной равнине» не выглядит здесь излишне строгим, тогда как для современной России

оно вызывает возражение. Означает это отказ от лёшевского экономического ландшафта? Ответ: нет. Но это требует выделения целого ряда «однородных равнин», или, иначе, экономических макрорегионов, однородных по условиям ведения экономической деятельности, освоенности и заселенности.

И хотя А. Лёш настаивал на том, что теория экономического района (ландшафта) имеет дело только с экономическими факторами и считал, что учет неэкономических факторов «вполне вероятно, изменил бы картину, но не мог бы совсем обесценить ее» (там же), он вовсе не пренебрегал ими, когда речь шла об анализе факторов, определяющих и территориальное разделение труда, и процессы формирования экономических районов.

Для А. Лёша главным, но не единственным, вопросом было выяснение характера «взаимодействия чисто экономических сил». При этом он отдавал себе отчет в том (и это его отличает от авторов большинства различных региональных стратегий, в том числе и СПР), что «одна часть направлена на концентрацию, а другая — на рассредоточение. К первой группе должны быть отнесены все преимущества, обусловленные специализацией и массовым производством; ко второй — экономия на транспортировке и выгоды, связанные с многоотраслевым производством» (там же. С. 115).

Есть еще одно важное отличие, о котором обычно забывают. Для А. Лёша: «Экономический ландшафт — это система различных рынков, целый организм, а не отдельный орган» (там же. С. 207). Именно, «целый организм», т. е. система, тогда как опорные зоны, минерально-сырьевые центры, геостратегические территории и тому подобные территориальные образования, приведенные в СПР, мало подходят под определение «пространственная система».

Следует также обратить внимание и на типологию экономических районов предложенную А. Лёшом. Выделив три основных типа экономических районов — простые рыночные зоны, районные сети и экономические ландшафты, он указывает, что именно «в этой последовательности они усложня-

ются, становятся более самостоятельными в экономическом отношении, но, к сожалению, и значительно более редкими» (там же. С. 209).

К тому же экономический ландшафт, по Лёшу, это не просто система рыночных сетей, но и система, в которой в явном виде присутствуют центр-периферийные отношения. При этом, переходя от «идеального типа экономического ландшафта» к реальным экономическим ландшафтам, он подчеркивает, что именно они, «высшие и самые сложные формы экономической зоны» более всего отличны от теоретической модели. Тем не менее, следует согласиться с классиком, что: «и все же в этом хаосе реальной действительности, бесспорно, можно безошибочно распознать основную схему экономических районов» (там же. С. 207). Конечно, при этом вполне возможны индивидуальные особенности мест и экономических явлений, которые являются результатом особых сочетаний факторов различного характера (природных, политических, культурологических и т.п.). И эти факторы, являясь отражением различных сфер человеческой деятельности, действуя в различных отношениях, могут создавать определенные напряжения, но они не отменяют друг друга. Что же касается экономической сферы, то она, по мнению А. Лёша: «попросту добавляется ко многим другим частично перекрывающим друг друга жизненным сферам, не господствуя над ними, но и не подчиняясь им (там же. С. 210).

Особого упоминания заслуживает то положение теории экономического ландшафта, которое фиксирует не только более динамичный характер изменений в данном ландшафте по сравнению с природным, которые в конечном счете могут привести к его исчезновению, но и то, что «всегда действуют силы, которые мешают таким изменениям, особенно в тех благоприятных случаях, когда рубежи экономических ландшафтов первоначально совпадали с культурными и политическими границами» (там же. С. 297). Последнее обстоятельство, по мнению авторов доклада, чрезвычайно актуально, если вспомнить совсем недавнюю советскую историю.

ЛИТЕРАТУРА

- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД.
- Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил (1981). М.: Наука.
- Гранберг А.Г. (2006). Идеи Августа Лёша в России // *Пространственная экономика*. Т. 2. №2. С. 5–22.
- Гранберг А.Г. (2007). Вступительная статья. Классика пространственной экономики / Лёш А. Пространственная организация хозяйства. М.: Наука. С. 7–29.
- Демьяненко А.Н. (2018). Об экономическом районировании и районобразовании // *Регионалистика*. Т. 5. № 6. С. 5–17.
- Демьяненко А.Н. (2019). О районировании и территориальном разделении труда (перечитывая классику) // *Регионалистика*. Т. 6. № 1. С. 5–15.
- Зубаревич Н.В. (2019). Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // *Вопросы экономики*. № 1. С. 135–145.
- Кузнецова О.В. (2019). Проблемы выбора приоритетов пространственного развития // *Вопросы экономики*. № 1. С. 146–157.
- Лёш А. (1959). Географическое размещение хозяйства. М.: Иностранная литература.
- Лёш А. (2007). Пространственная организация хозяйства. М.: Наука.
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н. (2014). Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН.
- Минакир П.А., Джурка Н.Г. (2018). Методологические основания пространственных исследований в экономике // *Вестник Российской академии наук*. Т. 88. № 7. С. 589–598.
- Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. (2013). М.: Медиа-Пресс.
- Швецов А.Н. (2015). Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства // *Пространственная экономика*. Т. 11. № 1. С. 38–61.
- Швецов А.Н. (2019). Системные преобразования социоэкономического пространства: предпосылки, движущие силы, инструменты / Пространственный потенциал развития России: невывученные уроки и задачи на будущее. М. С. 430–435.
- Шупер В.А. (2007а). Послесловие. Теория экономического ландшафта на фоне XX столетия / Лёш А. Пространственная организация хозяйства. М.: Наука. С. 636–663.
- Шупер В.А. (2007б). Август Лёш как философ экономического пространства // *Известия РАН. Серия географическая*. № 2. С. 128–133.

- Шулер В.А.* (2017). Жан Готтманн и Август Лёш – не встретившиеся гении пространственной организации / XI Сократические чтения: Жан Готтманн как провидец и критик (к столетию со дня рождения). Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 109. С. 22–30.
- Blaug M.* (1979). The German hegemony of location theory: a puzzle in the history of economic thought // *History of Political Economy*. Vol. 11. No. 1. Pp. 21–29.
- Ponsard C.* (1983). *History of Spatial Economic Theory*. Berlin: Springer-Verlag.
- Valavanis S.* (1955). Losch on Location. A Review Article // *American Economic Review*. Vol. 45. No. 4. Pp. 637–644.

А.Л. Дмитриев
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОПЫТКИ «СТАТИСТИФИКАЦИИ»
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В РОССИИ
В НАЧАЛЕ XX в.

Вопрос о «статистификации» экономической теории (политической экономии) вызвал много споров в научной экономической литературе в начале XX в. Подчеркнем, что он был в центре внимания большого числа экономистов мира, среди которых следует назвать К. Мура, У. Митчелла, О. Моргенштерна, Ф. Симиана, Г. Кинга и др. Все это стало возможным после появления работ А. Кетле, Ф. Гальтона и К. Пирсона и активного развития математической статистики в конце XIX – начале XX в. Не остался этот вопрос и без внимания отечественных экономистов, в том числе и тех, кто эмигрировал после событий 1917 г. Так в «Сборнике статей, посвященных 30-летию научно-публицистической деятельности П.Б. Струве» (Прага, 1925) были опубликованы две статьи: коллеги П.Б. Струве по Политехническому институту, видного статистика А. А. Чупрова (*Чупров*, 1925) и ученика П.Б. Струве – экономиста и статистика С. С. Кона (*Кон*, 1925).

Идеи П.Б. Струве, их развитие и обсуждение. По поводу идеи П.Б. Струве относительно «статистификации» политической экономии разгорелись споры. Первоначально она была высказана им в работе «Хозяйство и цена» еще в 1913 г. (*Струве*, 1913. С. 90–92). С.С. Кон констатировал, что Струве руководствовался двумя мотивами в поисках обновления

политической экономии в духе статистического эмпиризма: 1) осознание бесплодности чистого абстрактно-дедуктивного метода; 2) сингуляристический, в противоположность универсалистическому, мотив. Кон сходился со Струве в убеждении бесплодности абстрактно-дедуктивного метода. Но сингуляристический мотив вызывал у Кона определенное возражение. Само понятие «сингулярный факт» было заимствовано П.Б. Струве у А. Лотце. Кон подчеркивал, что «проблема сингуляризма—универсализма есть проблема реальности “социологических целей” и толкования отношения этих целей к составляющим их элементам» (Кон, 1925. С. 118). По его мнению, Струве правильно замечал, что неправомерно считать за концепцию таковую, которая в том или ином смысле признает реальность за неким общественным целым или массовым итогом единичных социальных факторов. Однако этот критерий не всегда выдерживал и сам Струве. Это относилось к моменту, когда он от общих формулировок переходил к разделам политической экономии — проблеме распределения и ценности. Основной мыслью Струве являлось утверждение, что проблема распределения общественного продукта между различными классами является мнимой, так как в реальности существуют лишь единичные, «сингулярные» факты образования доходов отдельных экономических субъектов в процессе реализации цен. Из этого не следует, что в среде ученых-экономистов не имеет смыслового значения общий итог массовых процессов (доли отдельных групп населения в сумме реализованных доходов).

Второй момент, на который обращает внимание Кон, состоял в противопоставлении в работах Струве идиографического и номографического подходов. Идиографизм, как знание об индивидуальном, связанном с определенным моментом времени, противостоит номографизму, который направлен на улавливание общего в явлениях и на установление четких причинных соотношений. Сингуляризм переплетается с идиографизмом, у Струве же сингуляристический мотив переходил в идиографический. Подчеркивая схожесть

со Струве в «эмпиристических тенденциях», Кон отвергал его идиографизм.

Особое внимание Кон обращал на то, что номографическое определение экономических явлений должно сочетаться с вероятностным подходом, поскольку именно он дает возможность преодолеть многообразие экономической реальности. По существу, Кон предлагал активно использовать теорию вероятностей для объяснения экономических явлений. Он подчеркивал, что должно быть полностью пересмотрено понятие ценности, предложенное Струве. Кон предлагал начать с цены: в ней необходимо искать некоторую, лежащую в ее основе вероятностную характеристику, которая характеризует совокупность всех факторов ценообразования, и в то же время очищенную от налета случайного, присущего отдельно взятой цене. В основе цены следует искать ее математическое ожидание. Эту вероятностную характеристику следует называть ценностью. В этом случае ценность нужно характеризовать не как статистическую среднюю из цен, а как математическое ожидание цены. Таким образом, эмпирическая средняя представляет собой реализацию математического ожидания, и поэтому последнее лежит в основе эмпирической средней. Цель использования математического ожидания в концепции ценности — указать на то, что номографический подход должен быть сохранен и что он должен быть вероятностным. В свою очередь это открывает возможность использования статистических методов. Из действия математического закона больших чисел следует, что корреляционная зависимость воспринимается эмпирически лишь путем массового статистического наблюдения.

На данный путь встала американская школа статистиков, что в итоге привело к созданию нового направления в экономике — эконометрике, которая активно формировалась в 1930-х гг.

А.А. Чупров, вероятностный подход и статистификация.
Обратимся к мнению А.А. Чупрова, анализировавшего предложения Струве о статистификации политической экономии.

Он в статье «Место понятия ценности в статистической теории цены» (Чупров, 1925), в которой развивались идеи, сформулированные в его «Очерках по теории статистики» (Чупров, 1910), отмечал, что Струве, выступая с требованием «статификации» политической экономики, стремится очистить экономическую теорию от понятия ценности, поскольку оно не умещалось в рамки эмпирико-статистического подхода. По мнению Струве, «не ценность (объективная) определяет цены, а то, что называют объективной ценностью, образуется из цен» (Чупров, 1925. С. 163). В истории экономической мысли идея ценности, которая управляет ценами, возникла как идея этической и правовой нормы, и только потом она превратилась в «естественный закон», лежащий в основе цен и ими управляющий.

А.А. Чупров, очевидно, сочувствуя стремлению П.Б. Струве направить работу теоретической экономики в русло эмпирико-статистического осмысления хозяйственной жизни, расходился с ним по поводу отказа от основных понятий экономической теории. Так, на примере понятия ценности, он задавался целью показать, что теоретическая переработка статистического материала вовсе не предполагала полного отказа от самой категории ценности как основы цен.

Статистическая теория цены имеет дело с двумя видами данных: 1) «записями единичных цен, по которым и заключаются сделки», и 2) «более или менее точно уловляемых представлений отдельных участников торгового уровня существующих на рынке цен» (там же. С. 164–165). Индивидуальные суждения о ценах, существующих на рынке, субъективны, полагал Чупров, поскольку они носят отпечаток субъективных переживаний самого наблюдателя. Они «глазомерны», так как не основаны на систематическом измерении и правильной обработке единичных цен. Как правило, отмечал Чупров, они нацелены на величину моды, т. е. наиболее часто встречаемую наблюдателем цену.

По мнению Чупрова «обывательские суждения о ценах представляют двоякий интерес для экономиста: как самосто-

тельный объект изучения и как источник сведений о рынке, дополняющий, если не заменяющий, непосредственный учет конкретных цен» (там же. С. 165).

Для расчета средних цен исследователь может остановиться на любой форме средней. Однако вычисленная средняя, полагал Чупров, не будет являться ни «субъективной», ни «глазомерной». Она не выглядит изолированно — весь ряд единичных значений на виду у исследователя. Таким образом, если даны записи конкретных цен, то обработка эмпирического материала, связанная с созданием «статистической» теории цены, может послужить планомерному научно-статистическому исследованию.

Чупров предлагал использовать вероятностный подход в исследованиях. В результате опыта получаются лишь единичные значения. Вычисленная средняя в этом случае будет представлять собой величину, полученную из этих значений, и носить случайный характер. Однако если ее рассматривать с точки зрения приближенного значения математического ожидания суммы, она приобретает совсем иное значение: определяет собой средний уровень.

Вывод. По существу идея «статистификации» экономической теории, предложенная первоначально П.Б. Струве, хотя и была попыткой противопоставления ее классической и неоклассической парадигме, но имела рациональное зерно — активный призыв использовать статистические методы в теоретических построениях (предтеча эконометрики, которая на Западе сформировалась в начале 1930-х гг.) и, тем самым, получать новые результаты. К большому сожалению, революция, а затем и эмиграция ученых (П.Б. Струве, А.А. Чупров, С.С. Кон), не дали возможности идеи «статистификации» пустить глубокие корни в России, однако она была вполне созвучна развитию мировой науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Дмитриев А.А.* (2010). П.Б. Струве и «статистификация» экономической теории // *Финансы и бизнес*. № 4. С. 163–180.
- Кон С.С.* (1925). О «статистификации» политической экономии. (К критике теоретических построений П.Б. Струве) // *Сборник статей, посвященных 30-летию научно-публицистической деятельности П.Б. Струве*. Прага. С. 117–134.
- Струве П.Б.* (1913). *Хозяйство и цена*. Ч. 1. *Хозяйство и цена*. Ценность. СПб.; М.
- Чупров А.А.* (1910). *Очерки по теории статистики*. М.
- Чупров А.А.* (1925). Место понятия ценности в статистической теории цены // *Сборник статей, посвященных 30-летию научно-публицистической деятельности П.Б. Струве*. Прага. С. 163–172.

А.П. Заостровцев
Санкт-Петербургский филиал
НИУ «Высшая школа экономики»

РАДИКАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ГАНСА-ГЕРМАНА ХОППЕ

Ганс-Германн Хоппе (1949 г.р.) — экономист современной австрийской школы и яркий представитель радикально-либертарианской, анархо-капиталистической политической философии. Начав свою научную карьеру в Германии как философ и ученик знаменитого философа Юргена Хабермаса (1929 г.р.), он впоследствии принципиально расходится с левыми идеями Франкфуртской школы. Попутно он приобретает квалификацию экономиста и в 1986 г. переезжает в США. В Америке он становится убежденным последователем Мюррея Ротбарда (1926–1995), продолжительное личное общение с которым послужило выбору направления его дальнейшего творчества. В 2008 г. он со скандалом, в знак протеста против ограничения академических свобод, покидает пост профессора в Школе бизнеса Университета Невады и перебирается в Турцию.

Хоппе — автор нескольких книг, среди которых наиболее известной является работа «Демократия: Бог, который рухнул» (2001). В ней он рассматривает ее как наихудшую политическую систему.

Политико-экономический анализ политических систем Хоппе начинается с трактовки всех конфликтов между людьми как индивидуальных конфликтов по поводу прав собствен-

ности в условиях ограниченных ресурсов. И лучшей системой разрешения таковых он полагает то, что именует «естественным порядком». Его привлекают в нем такие качества, как преобладание одного права и подчинение всех ему, отсутствие творящей законы власти, монополии на судопроизводство и арбитраж и, как следствие, возможность выбирать судебную инстанцию. В реальности он видит некоторое приближение к такому порядку в раннем европейском (аллодном) феодализме. Право здесь не изобреталось, а открывалось как естественный древний закон.

Монархии разрушают такой порядок, устанавливая территориальную монополию судопроизводства вместе с властью творить закон (вместо подчинения закона существующему праву). Напротив, право подчинилось законодательству. В результате: «Вместе с монополизацией функции конечного судьи, король стал Государством и частная собственность, в сущности, была отменена и заменена декретной собственностью, т.е. собственностью, даруемой королем подданным».

Монархический переворот апеллировал к народу: королевская власть ассоциировала себя с «рядовым человеком», опиралась на его чувство зависти к лучшим (естественному нобилитету). Нобилитету взамен были предложены посты при дворе.

Впоследствии произошла делегитимация монархии: на место монополии монарха (суверена) пришла монополия народного суверенитета (массы обрели королевские права) и его доверенных лиц (политиков). При этом суверенитет права перед законом не вернулся: массы стали творить закон, а не следовать праву.

Монархия была хуже «естественного порядка», но лучше, чем демократия. Монархия — это частная собственность на правительство, и отсюда вытекают ее преимущества.

Определяющая характеристика этой собственности: экспроприруемые ресурсы и монопольные привилегии будущей экспроприации находятся в индивидуальном владении, следовательно, есть интерес к увеличению современной сто-

имости (present value) ресурсов за счет капитализации монопольной прибыли.

Есть возможность передавать активы наследникам. Отсюда – ниже норма межвременного предпочтения и более длительный горизонт планирования. Следствием становится более низкая степень эксплуатации общества государством.

Отсутствует свободный вход в правление. В результате резкий контраст между правящими и остальными. Отсюда – общественное сопротивление сфокусировано и выше противодействие государственной экспансии.

В демократии имеет место публичное правление: контроль за государством в руках доверенных лиц. Доверенное лицо (попечитель) может использовать его в собственных интересах, но не владеет им. «Он владеет текущим использованием ресурсами, но не их капитальной стоимостью».

В результате имеем: более высокую норму межвременного предпочтения, более короткий горизонт планирования, более высокую норму эксплуатации (максимизацию текущего дохода в ущерб капитальной стоимости). В свою очередь, свободный вход в правление означает пониженную сопротивляемость экспансии государства. Исторически рубежной датой перехода от монархий к демократиям стала Первая мировая война.

Последствия победы демократии:

- 1) рост государства (доли в ВВП);
- 2) победа декретных (fiat) денег над товарными и, как результат, инфляция как следствие «демократизации денег»;
- 3) рост налогового бремени;
- 4) постоянный бюджетный дефицит и рост государственного долга;
- 5) непрерывная борьба перераспределительных коалиций.

«При режиме “один человек – один голос”» приводится в движение безостановочная машина перераспределения богатства и доходов».

Выход из тупика Хоппе видит в распаде современных государств на множество мелких сообществ (вплоть до вольных городов) и тотальной приватизации их общественной жизни. Он называет это «либерально-либертарианской революцией». Борьбу с насилием — как индивидуальным, так и межгосударственным (от еще остающихся государств) — возьмут на себя частные страховые компании.

Оригинальность мышления и анализа Хоппе не ставятся под вопрос. До него представители австрийской экономической школы не рассматривали демократию как худшую модель правления по сравнению с монархией. Их критические заметки в адрес демократии не включали сравнительный анализ ее с монархическим правлением. Не было у них и прямой критики принципа «один человек — один голос». Хоппе же проводит параллель между всеобщим избирательным правом и «трагедией общин». Таковое приводит к истощению ресурса капитальной стоимости общественного богатства на данной территории.

В то же время на примере теории Хоппе можно увидеть слабость анархо-капиталистических концепций. Л. Фон Мизес говорил, что анархия хороша для ангелов и святых. Подобно коммунизму, для такого социума потребуются «новый человек», ибо реальный экономический человек в него не впишется. Отвергая конструктивизм социалистов, либертарианцы часто сами всюду прибегают к конструктивистскому подходу, когда описывают идеальное общество своей мечты.

Для Хоппе характерен радикальный априоризм, который приводит к тому, что история в его изображении выступает как некое чисто мыслительное построение. В тех случаях, когда воображаемая картинка приближается к реальности, он приводит примеры из исторического прошлого. Но по большей части таковые отсутствуют. Скорее всего, их просто нет.

И, наконец, заметим, что исходное понимание конфликта у Хоппе сводится к конфликту между отдельными личностями по вопросам собственности. Отталкиваясь от необходимости его разрешения третьими лицами, он выстра-

ивает цепочку рассуждений о сменяющих друг друга политических порядках и их отношении к праву. Однако в этом видится и главная проблема: полностью игнорируются иные типы конфликтов, связанные не с собственностью, а с ценностями и убеждениями. И, как известно, конфликты эти имеют место между социальными общностями, а не отдельными «робинзонами».

Обращение к творчеству Хоппе позволяет ввести в историю современных политико-экономических учений концепции интересного мыслителя радикально-либертарианского направления, чье творчество ранее никогда не рассматривалось российскими исследователями.

ЛИТЕРАТУРА

Хоппе Н.-Н. (1995). The Political Economy of Monarchy and Democracy, and the Idea of Natural Order // Journal of Libertarian Studies. Vol. 11. No. 2. Pp. 94–121.

Хоппе Н.-Н. (2001). Democracy: The God that Failed. The Economics and Politics of Monarchy, Democracy and Natural Order. New Brunswick and London: Transaction Publishers.

Хоппе Н.-Н. (2015). From Aristocracy to Monarchy to Democracy // A Short History of Man: Progress and Decline. An Austro-Libertarian Reconstruction. Auburn: Mises Institute. Pp. 103–132.

М.А. Капанина

НИУ «Высшая школа экономики»

У ИСТОКОВ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ:
СРАВНЕНИЕ АНАЛИЗА ЭФФЕКТА МАСШТАБА
И ЭВОЛЮЦИИ ФОРМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
А. КОРСАКОМ и А. МАРШАЛЛОМ

Истоки эволюционной экономики в основном ищут в трудах «старых» американских институционалистов. Однако еще в середине XIX в. европейские политэкономы и историки стали уделять внимание изучению эволюции промышленности и торговли, стремясь выяснить «ступени в постепенности различных форм производства» (А. Корсак) и страновые различия в характере перехода с одной ступени на другую. Особый вклад в данное направление внесла немецкая историческая школа — «старая», а затем «новая». Причем надо отметить, что, во-первых, влиятельные ответвления исторической школы сложились в России и в Англии. Во-вторых, историческая школа развивалась в полемике с классической (затем с маржинализмом) и с марксизмом. И в-третьих, что А. Маршалл, который считается основоположником неоклассической статики, на самом деле считал, что лишь широкие исторические знания дают подлинное ощущение пропорций действия различных экономических сил.

Многие главы «Principles of Economics» Маршалла написаны с позиций, близких исторической школе, особенно VIII–XII «Организация производства» кн. IV. В этих главах, содержащих отсылки к трудам В. Рошера, Маршалл анализирует действие эффекта масштаба в промышленности,

формулирует понятия «внешней» и «внутренней» экономики, обобщает преимущества крупномасштабного производства и в то же время уделяет внимание шансам, остающимся у мелкого производства. Кроме того, с одной стороны, Маршалл развивает понятие «локализация промышленности», намеченное им в написанной совместно с женой книге «Economics of Industry», и рассматривает раннюю локализацию промышленности как со стороны природно-ресурсных факторов, так и со стороны спроса (покровительство двора). С другой стороны, он сталкивается с тем, что понятие «мануфактура» (manufacture) потеряло связь с его первоначальным употреблением и «применяется теперь к тем отраслям производства, где важнейшую роль играет машина, а не ручной труд». Но Маршалл не выделяет мануфактуру как особую ступень в эволюции промышленности, что было сделано К. Марксом в 1 томе «Капитала» и уточнено «новой» исторической школой.

Однако, как заметил виднейший российский представитель исторической школы в политэкономии И.М. Кулишер (1878–1934), исчерпывающая характеристика эволюции форм промышленности (ремесленная — кустарная (домашняя) — мануфактурная — фабричная) была впервые дана не германскими политэкономистами, а русским экономистом А.К. Корсаком (1832–1874). Книга Корсака не привлекла к себе должного внимания, будучи заслонена дискуссиями о русской общине в период падения крепостного права, и была забыта, хотя М.И. Туган-Барановский в своем обзорном очерке истории российской экономической мысли России (1899) назвал Корсака «самым крупным русским ученым-экономистом 1860-х годов». Но Корсак, фактически положивший начало российской экономической компаративистике и опиравшийся на труды таких западных политэкономов, как А. Смит, Ж.А. Бланки, В. Рошер, Марло и др., превзошел не только стадийный анализ К. Маркса и «новой» исторической школы, но и анализ эффекта масштаба А. Маршаллом.

Характеризуя силу крупного фабричного производства, Корсак выделяет и подчеркивает его преимущества в применении труда многих специализированных в разных областях работников, специализированных и включенных в систему непрерывного действия механизмов и в доступе к источникам сырья. Это полностью соответствует выводам Маршалла об экономии труда, машин и сырья как главных преимуществах крупномасштабного производства. Как и Маршалл, Корсак отмечает революционизирующую роль технических нововведений, связанных с достижениями механики и химии и ставших возможными только в условиях фабричного производства. Корсак, первым в русской экономической литературе использовавший термин «индустриальная революция», акцентирует также преимущества крупной промышленности в доступе к кредиту и в сфере реализации (массовый сбыт однородных продуктов).

Однако, если Маршалл в своем труде обобщал ситуацию прочной капиталистической системы производства, в которой доминировали крупные формы промышленной организации и которая была связана с мировым первенством Англии в росте свободной промышленности и предпринимательства, то в работе Корсака, хотя он и критиковал «экономистов-романтиков», было отражено российское (и не только) общественное мнение об опасности «всепоглощающего могущества» фабрики. Поэтому Корсак отдал дань артельным чаяниям русской общественности (утопичность которых была отмечена позже Туган-Барановским). Он считал в принципе возможной такую промышленную организацию, в которой мелким предприятиям был бы обеспечен доступ к льготному кредитованию, а сбыто-снабженческая кооперация, показательные общественные мастерские и пр. заменяли бы то, что Маршалл назвал «внутренней экономией».

Тем не менее, не исключено, что идеи Корсака представляют не только исторический, но и актуальный интерес в связи с наличием в современной России такого феномена, как «распределенная мануфактура» (С. Кордонский, Ю. Плюснин).

Ведь в последние 40 лет размышления Маршалла о «локализации промышленности» и шансах мелкого производства на конкурентоспособность пережили «второе рождение». Широко дебатруется концепция «маршаллианских промышленных округов» (Дж. Беккатини), придающая особое значение деятельности местных банков, облегчающих получение кредитных ресурсов предприятиям малого и среднего бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2013). Абстракция – мать порядка? // Вопросы экономики. № 4.
- Бекаттини Дж. (2011). Малый бизнес и предпринимательство в творчестве Альфреда Маршалла: эмпирическая основа и общее значение // Современные классики теории предпринимательства: Лауреаты «Международной премии за вклад в исследования предпринимательства и малого бизнеса» (1996–2010). М.: НИУ ВШЭ.
- Гринева Н.А. (2010). Вклад Дж. Бекаттини в формирование современных теорий региональной конкурентоспособности // Актуальные проблемы развития национальной и региональной экономики: материалы междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 22 апр. 2010 г. / Под науч. ред. Е.Н. Камышанченко, С.Н. Растворцевой. Белгород: БелГУ.
- Корсак А.К. (1861). О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России. М.: Тип. Грачева.
- Кулишер И.М. (2004). История экономического быта Западной Европы. Челябинск: Социум.
- Маршалл А. (1993). Принципы экономической науки. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс».
- Михальцов С.А. (2014). Генезис понятия индустриального района и его современная интерпретаций // Современные проблемы науки и образования. № 4.
- Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г. (2018). Архаические экономические институты: распределенные мануфактуры в малых городах России // Мир России. № 4.
- Туган-Барановский М.И. Россия. (1899). Экономическая наука // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полугом 55. СПб.
- Туган-Барановский М.И. (1998). Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.: Наука.

Marshall A. & Paley Marshall M. (1879). Economics of Industry. L.: Macmillan and Co.

Tappi D. (2001). The Neo-Marshallian Industrial District A Study on Italian Contributions to Theory and Evidence. Max-Planck-Institute for Research into Economic Systems Evolutionary Economic Unit. München.

Trullen J. (2015). Giacomo Becattini and the Marshall's method // Investigaciones Regionales // Journal of Regional Research. Vol. 32.

Р.И. Капелюшников

Институт мировой экономики
и международных отношений РАН,
НИУ «Высшая школа экономики»

«МРАЧНАЯ НАУКА»: ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОНЦЕПТА

В докладе обсуждается происхождение и последующая судьба выражения «мрачная наука», которое в середине XIX в. использовал Томас Карлейль (1795–1881) в качестве презрительной клички по отношению к современной ему политической экономии. Автор показывает, что Карлейль стоял у истоков устойчивого антагонизма между экономической наукой и другими социальными и гуманитарными дисциплинами. Именно он положил начало традиции изображать экономическую науку в качестве морального и интеллектуального монстра с точки зрения гуманитарного сознания, причем, что поразительно, сделано это было в откровенно расистском контексте.

Речь идет о памфлете Карлейля «Речь по поводу негритянского вопроса» (1849), в котором он обсуждал перспективы развития Ямайки, британской колонии, где лишь недавно было осуществлено освобождение от рабства чернокожего населения острова. Другой поразительный и труднообъяснимый факт состоит в том, что в историографии происхождение концепта «мрачная наука» с определенного момента стало связываться не с расистскими взглядами Карлейля, а с его полемикой против мальтузианства. Этот миф продолжает широко воспроизводиться до сих пор.

В более широком контексте его фигура важна и интересна тем, что он, по-видимому, первым в истории европей-

ской мысли представил набросок общества вождистского типа, которому предстояло затем быть реализованным во множестве различных версий уже в XX в. Традиция резко негативного отношения представителей гуманитарного знания к экономической науке, заложенная Карлейлем, жива до сих пор — с той лишь разницей, что сегодня ее поддерживают по преимуществу интеллектуалы-прогрессисты, а не интеллектуалы-реакционеры, каким был он сам. В исторической ретроспективе представляется очевидным, что прогрессу научного знания об обществе этот междисциплинарный раскол не пошел на пользу.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. (1960). Капитал / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат. Издание второе. Т. 23.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Манифест коммунистической партии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат. Изд. второе. Т. 4.
- Смит А. (2007). Исследование о причинах и природе богатства народов. М.: Эксмо.
- Carlyle Th. (1840). Chartism. London: J. Fraser. [Рус. пер.: Карлейль Т. (2015). Чартизм. М.: Издательские решения.]
- Carlyle Th. (1843). Past and Present. London: Chapman and Hall. www.ajdrake.com/etexts/texts/Carlyle/Works/past_1843_little_brown.pdf [Рус. пер.: Карлейль Т. (2014). Прошлое и настоящее. М.: Книжный Клуб Книговек.]
- Carlyle Th. (1849). Occasional Discourse on the Negro Question. Fraser's Magazine for Town and Country. Vol. 40. February. Pp. 527–538. www.hetwebsite.net/het/texts/carlyle/Carlyle1849_negroquestion.htm.
- Carlyle Th. (1850). Latter-Day Pamphlets. London: Chapman and Hall. www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=29&ved=0ahUKЕwjPntbn8_XWAhUPS5oKHfh1C0I4FBAWCGYwCA&url=https%3A%2F%2Fcommons.wikimedia.org%2Fwiki%2Ffile%3ALatter-day_Pamphlets.djvu&usg=AOvVaw3XO29hWdPF5biUzXZ1E882. [Рус. пер.: Карлейль Т. (1907). Памфлеты последнего дня. СПб.: Издание Ф.И. Булгакова.]
- Carlyle Th. (1853). Occasional Discourse on the Nigger Question. London: Thomas Bosworth. cruel.org/econthought/texts/carlyle/odnqbk.htm.
- Carlyle Th. (1865). History of Friederich II of Prussia, called Frederick the Great. Vol. VI. N.Y.: Harper & Brothers Publishers. www.eighbooks.

- com/read.php?q=thomas-carlyle-apos-s-works-history-of-friedrich-ii-of-prussia-called-frederick-the-great.
- Carlyle Th.* (1900). *Arbeiten und Nicht verzweifeln*. Berlin: Karl Robert Langewiesche Verlag. [Рус. пер.: *Карлейль Т.* (2014). *Этика жизни / Карлейль Т. Прошлое и настоящее*. М.: Книжный Клуб Книговек.]
- Coleman W.O.* (2002). *Economics and Its Enemies Two Centuries of Anti-Economics*. N. Y.: Palgrave-Macmillan.
- Dixon R.* (1999). The Origin of the Term «Dismal Science» to Describe Economics. Melbourne: Department of Economics at the University of Melbourne. Research Paper. No. 715.
- Dixon R.* (2007). Carlyle, Malthus and Sismondi: The Origins of Carlyle's Dismal View of Political Economy // *History of Economics Review*. Vol. 44. No. 1. Pp. 32–38.
- Galbraith J.* (1987). *A History of Economics*. Harmondsworth: Penguin Books.
- Groenewegen P.* (2001). Thomas Carlyle, «The Dismal Science» and the Contemporary Political Economy of Slavery // *History of Economics Review*. Vol. 34. No. 1. Pp. 74–94.
- Heilbroner R.* (1986). *The Worldly Philosophers*. Sixth edition. London: Penguin Books. [Рус. пер.: *Хайлброннер Р.А.* (2011). *Философы мира сего*. М.: Астрель.]
- Levy D.* (2001a). How the Dismal Science Got its Name: Debating Racial Quackery // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 23. No. 1. Pp. 5–35.
- Levy D.* (2001b). How the Dismal Science Got Its Name. Classical Economics and the Ur-Text of Racial Politics. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Mill J.S.* (1850). *The Negro Question / Littell's Living Age*. Vol. 24. P.465-469. Ed by E.D. Littell. Boston (Massachusetts). www.hetwebsite.net/het/texts/carlyle/mill1850negroquestion.htm.
- O'Brien D.* (1970). *J.R. McCulloch: A Study in Classical Economics*. London: George Allen & Unwin.
- Peart S., Levy D.M.* (2003). Denying Human Homogeneity: Eugenics and The Making of Post-Classical Economics // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 25. No. 3. Pp. 261–288.
- Persky J.* (1990). A Dismal Romantic // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 4. No. 4. P. 165–172.
- Schumpeter J.* (1954). *History of Economic Analysis*. New York: Oxford University Press.
- Smith A.* (1978). *Lectures on Jurisprudence / Ed. by R.L. Meek, D.D. Raphael, and P.G. Stein*. Oxford: Clarendon University Press.

С.Г. Кирдина-Чэндлер
Институт экономики РАН

«АНАРХИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ»
П.А. КРОПОТКИНА
И «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ»
А.В. ВЕНЕДИКТОВА

В общественных науках, в том числе в экономике, те или иные теории забываются и отвергаются порой лишь потому, что воспринимаются как «идеологически мотивированные» или «классово ангажированные». Однако иногда это напоминает ситуацию, когда «с водой выплескивают ребенка». Тем не менее беспристрастный анализ такого рода концепций позволяет выявить в них рациональное зерно, восстановить традицию исследований в соответствующем направлении и опереться на них при анализе современных феноменов. С этих позиций в докладе предлагается привлечь внимание к концепциям П.А. Кропоткина (1842–1921) и А.В. Венедиктова (1887–1959). В своих работах они уделили большое внимание исследованию таких весьма значимых взаимосвязанных экономических категорий, как «собственность» и «кооперация–конкуренция». Это и послужило основанием сопоставить их взгляды по этим предметам в одном докладе. Дополнительным основанием корректности такого сопоставления является общность их подходов к анализу – авторы показывают генезис соответствующих отношений в традициях широко понимаемого эволюционного подхода.

Оба автора не являлись «чистыми экономистами». Кропоткин известен прежде всего как революционер-анар-

хист, а также географ, однако его работы по социальной философии и экономической истории не столь популярны. Венедиктов, хотя и получил, наряду с юридическим, экономическое образование, известен прежде всего как правовед-цивилист. Он стал академиком АН СССР за работы по гражданскому праву, посвященные исследованиям проблем государственной собственности. Поэтому сопоставление исследований названных отечественных авторов позволяет проследить традицию трактовки экономических феноменов российскими учеными в широком культурном и общенаучном контексте.

Свою концепцию анархического коммунизма Кропоткин разрабатывал на рубеже XIX–XX в. Он опирался на историю бытования общественной собственности и общественных благ, называя такие отношения собственности коммунизмом. Их дальнейшее развитие он видел в необходимости полной экспроприации собственности всех, кто имеет «хотя бы какую-нибудь возможность эксплуатировать человека», в руки коммун. Для Кропоткина анархизм (анархический коммунизм) означал «коммунальное производство и потребление» (Кропоткин, 1990 [1919]. С. 15) и «обобществление земли ... и фабрик, и организации земледелия, а также, может быть, и фабричного производства на общественно-артельных началах» (там же. С. 20). Позже анархический идеал такого Государства-Коммуны был положен в «основу конструирования пролетарской демократии в революционной России, с попытками его неоднократного воспроизводства в ходе последующих революций (мексиканской, испанской, китайской, кхмерской, иранской, ливийской и других)» (Медушевский, 2019. С. 64).

В условиях «коммунального производства» основным регулирующим общественным отношением становится, по мнению Кропоткина, не конкуренция, а кооперация, характерная не только для человеческих сообществ, но также и для мира природы. Отношения кооперации и взаимопомощи Кропоткин подробно исследовал в своей знаменитой книге

«Mutual Aid. A Factor of Evolution» (*Kropotkin*, 2006 [1902]). В ней он дополнил дарвинизм в его классической форме необходимыми идеями взаимопомощи и сотрудничества, которые, наряду с конкуренцией, способствуют адаптации живых организмов и человеческих обществ к существующим условиям.

К сожалению, это замечательное исследование нашего соотечественника до сих пор остается малоизвестным не только в нашей стране, но и за рубежом, хотя впервые эта работа, обобщившая ранние журнальные статьи, была опубликована в 1902 г. на английском языке. В ней Кропоткин подверг критике дарвиновские конкуренцию и «борьбу за существование» в качестве универсальных и абсолютных законов. Он ввел «закон о взаимной помощи» как важнейшем факторе эволюции и обосновал его, обобщив множество эмпирических наблюдений за растительным и животным миром, а также исторических свидетельств человеческой истории.

Анализ производственных объединений Средневековья, разного рода человеческих организаций Нового времени убедили его в том, что всюду в природе и истории действует единый для всех закон — солидарности, взаимной помощи и поддержки. Кропоткин показывает, что не борьба «каждого против всех», а способность жить сообществами и работать сообща составляет основу исторического развития человечества с первых родовых форм и до современных организаций.

Работа Кропоткина была наивысшим достижением общественной российской научной мысли того периода, в ней были обобщены взгляды многих других российских эволюционистов по поводу кооперации и взаимопомощи в эволюционном процессе (подробнее об этом см.: *Кирдина-Чэндлер, Холл*, 2017)). Однако идеи Кропоткина о созидательной кооперации (в отличие от бунтарских идей анархизма) не были широко известны многие годы и обсуждались лишь узким кругом российских и зарубежных историков (см., например: *Todes*, 1989; *Vucinich*, 1989)).

Похожее забвение ожидало труды другого российского (советского) ученого А.В. Венедиктова. Его наиболее фундаментальной работой стала монография «Государственная социалистическая собственность» (Венедиктов, 1948), за которую в 1949 г. он был удостоен Сталинской премии в области юридических наук. В ней он ставил задачу показать сущность собственности при социализме и отличие такого рода отношений от частной собственности, опираясь как на современную ему практику, так и на юридические документы разных исторических эпох.

Во-первых, вслед за многими зарубежными историками и юристами Венедиктов отмечает, что такого рода отношения доминируют прежде всего в странах Азии, но не Европы. Описывая их особенности на примере земельных отношений, он цитирует Маркса: «Государство здесь верховный собственник земли. ... в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей» (Цит. по: (Венедиктов, 1948. С. 62)). Как некоторые юристы его времени, Маркс отмечал, что на Востоке, в отличие от античной — в первую очередь от римской — общины при их объединении в более крупные общины, в том числе в государство, право собственности оставалось не за этими общинами, а переходило к «связующему их единству». «Связующее единство (*zusammenfassende Einheit*), возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами, — писал Маркс, — выступает как высший собственник... каждый отдельный человек, таким образом, на деле лишен собственности» (там же. С. 68).

Во-вторых, говоря о структуре такого рода собственности, Венедиктов обращает внимание на «вложенность» в этот институт «подчинительной собственности» того субъекта, который пользуется конкретным объектом собственности. При этом он обращает внимание на отличие политического государственного верховенства над всей территорией государства в смысле *dominium eminens* (означающее право политической власти в обложении частного собственника налогами

и в разнообразных ограничениях его права собственности) от собственности в смысле либо *dominium plenum* (когда государство является, по сути, реальным собственником земли и предоставляет экономическим субъектам лишь право пользования участками), либо *dominium directum*, т. е. права верховной собственности государства с признанием за гражданами и организациями права подчиненной собственности (*dominium utile*) на переданные в их владение участки (там же. С. 62–63). При такого рода отношениях собственности «... речь может идти только в том случае, когда власть и интерес в использовании того или иного объекта так делятся между двумя субъектами права (индивидуальными или коллективными), что ни один из них не может быть признан единственным субъектом «присвоения», то есть единственным носителем собственной власти и собственного интереса по отношению к данному объекту... Необходимо подчеркнуть при этом, что при разделенной собственности раздел власти и интереса между несколькими индивидами и коллективами, либо между коллективом и индивидом, происходит не «по горизонтали», как это имеет место при общей – долевой (*condominium*) или совместной (*Gesamteigentum*) – собственности, а «по вертикали», когда за каждым из носителей собственности признается не часть (определенная или неопределенная) одного и того же права собственности, а различные по своему характеру и объему полномочия» (там же. С. 64–65). Анализируя в своей монографии особенности феодализма европейских стран, Венедиктов отмечает, что складывавшиеся там вассальные отношения не означали разделенной собственности на землю, характерной для России (там же. С. 86).

Если для Кропоткина обобществление собственности (зачатки которого он наблюдал в европейских странах) было социальным проектом, то для Венедиктова – социальной практикой. Преемственность и отличия их подходов, как и значение для понимания современных отношений собственности в России, будут представлены в докладе.

ЛИТЕРАТУРА

- Венедиктов А.В.* (1948). Государственная социалистическая собственность. М.—Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Кирдина-Чэндлер С.Г., Холл Дж.* (2017). Кооперация versus конкуренция в трудах российских эволюционистов // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований), Т. 9. № 1. С. 6—26.
- Кропоткин П.А.* (1990 [1919]). Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Изд-во «Правда».
- Медушевский А.Н.* (2019). Государство-Коммуна: эксперимент рабочей демократии в России 1918 г. и причины его крушения // *Мир России*. Т. 28. № 2. С. 63—83.
- Kropotkin P.A.* (2006 [1902]). *Mutual Aid: A Factor of Evolution*. New-York: Dover Publications, Inc.
- Todes D.P.* (1989). *Darwin Without Malthus: The Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought*. New York: Oxford University Press.
- Vucinich A.* (1989). *Darwin in Russian Thought*. Berkeley: University of California Press.

А.В. Ковалёв

Белорусский национальный технический университет

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ «ОСНОВАНИЙ...»:
БЫЛА ЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ
МЕНГЕРА?

В докладе будут проанализированы некоторые направления генезиса научной мысли основателя австрийской школы К. Менгера, ставшие предметом дискуссий в последнее десятилетие. Продемонстрировано, что неправомерно говорить о «развороте» Менгера в теории капитала — речь идет о сочетании трактовки данного феномена как гомогенного фонда, предназначенного для генерирования дохода, и гетерогенных капитальных благ как форме реализации капитала. Деньги как органический институт сочетаются с возможностью влияния государства на его совершенствование. Классический либерализм как мировоззренческое основание теории не противоречит выполнению определенных народнохозяйственных функций государством. Введение в анализ надъиндивидуальных структур в виде человеческих ассоциаций, имеющих собственные потребности и выступающих агентами, предъявляющими спрос на блага, тем не менее не означает отказа Менгера от методологического индивидуализма. Основным методом выступает контент-анализ как известных, так и малоизученных его работ, включая второе посмертное издание «Оснований...».

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С., Автономов Ю.В. (2016). Общая теория «споров о методах» в экономической науке // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 5–20.
- Ананьин О.И. (2013). Экономические онтологии и экономические институты // *Федерализм*. № 1. С. 75–100.
- Бём-Баверк О. фон (2010). Капитал и процент. М.: Социум.
- Вольчик В.В. (2007). «Затерянный мир» австрийской экономической теории // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. Т. 5. № 3. С. 101–110.
- Гогохия Д.Ш. (2016). Теория денег: от К. Менгера до Дж.М. Кейнса // *Вестник ИЭ РАН*. № 6. С. 76–90.
- Заостровцев А.П. (2007). Австрийская школа экономической мысли // *Вестник Удмуртского государственного университета*. № 2. С. 69–78.
- Ковалёв А.В. (2008). Допустима ли трактовка маржинализма как единой научной школы? // *Проблемы современной экономики*. № 3. С. 135–140.
- Ковалёв А.В. (2018). Теория капитала Ф.А. Феттера // *Белорусский экономический журнал*. № 2. С. 129–138.
- Кураев А.В. (2017). Инклюзивный либерализм Людвиг фон Мизеса // *Материалы XIII Чтений памяти Г.А. Лебедева*. Москва, 20 мая 2017 г. g-1-memorial.lice.ru/files/574762/kouyaev_2017.docx (дата обращения: март 2019 г.).
- Менгер К. (2005a [1871]). Основания политической экономии. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего».
- Менгер К. (2005b [1883]). Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего».
- Мизес Л. (2014 [1927]). Либерализм. М.: Социум.
- Нестеренко Е.П. (2012). Карл Менгер: ученый-теоретик, наставник, основатель австрийской традиции // *Экономічна теорія*. № 2. С. 72–84.
- Рубинштейн А.Я. (2012). Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 13–34.
- Тевено Л. (2001). Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие? // *Экономическая социология*. Т. 2. № 1. С. 88–122.
- Хайек Ф. (2009). Судьбы либерализма в XX веке. М.; Челябинск: ИРИСЭН: Мысль: Социум.

- Ширяев И.М. (2014). Исследование экономической эволюции в работах представителей австрийской школы экономической теории // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 8–2. С. 75–77.
- Шумпетер Й.А. (2001). История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа.
- Antonov V.S. (2018). Austrian economics and its reception in different countries // Russian Journal of Economics. Vol. 4. No. 1. Pp. 1–7.
- Becchio G. (2014a). Carl Menger on States as Orders, not Organizations: Entangled Economy into a Neo-Mengerian Approach // Advances in Austrian Economics. Vol. 18. Pp. 55–66.
- Becchio G. (2014b). Social Needs, Social Goods, and Human Associations in the Second Edition of Carl Menger's Principles // History of Political Economy. Vol. 46. No. 2. Pp. 265–280.
- Braun E. (2013). Carl Menger's contribution to capital theory. TUC Working Papers in Economics. No. 0011.
- Braun E. (2014). The Menger–Lachmann trajectory on capital: a comment on Endres and Harper // Journal of the History of Economic Thought. Vol. 36. No. 1. Pp. 97–102.
- Chaloupek G. (2003). Carl Menger's Contributions to the Austrian Currency Reform Debate (1892) & His Theory of Money // Paper presented to the 7 ESHET Conference, Paris (30.01–01–02.2003). www.chaloupek.eu/explorer/Mengeroncurrencreform.doc (дата обращения: март 2019 г.).
- Endres A.M., Harper D.A. (2011). Carl Menger and his followers in the Austrian tradition on the nature of capital and its structure // Journal of the History of Economic Thought. Vol. 33. No. 3. Pp. 357–384.
- Ferlito C. (2018). For a new capital theory: a hermeneutical approach // StoriaLibera. Anno IV (7). Pp. 11–61.
- Fetter F.A. (1978). Capital, Interest, and Rent. Essays in the Theory of Distribution. Kansas City: Sheed Andrews and McMeel.
- Ikeda Y. (2004). Menger's Attempt to Revise his Grundsätze: An Aborted Trial. chssl.lib.hit-u.ac.jp/menger/essay2.html (дата обращения: март 2019 г.).
- Ikeda Y. (2008). Carl Menger's Monetary Theory: A Revisionist View // The European Journal of the History of Economic Thought. Vol. 15. No. 3. Pp. 453–473.
- Ikeda Y. (2010). Carl Menger's Liberalism Revisited. In: Hagemann H., Nishizawa T., Ikeda Y. (eds.). Austrian Economics in Transition. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.

- Jaffe W.* (1976). Menger, Jevons and Walras De-Homogenized // *Economic Inquiry*. Vol. 14. No. 4. Pp. 511–524.
- Kuznetsov Y.* (1997). Fiat Money as An Administrative Good // *The Review of Austrian Economics*. Vol. 10. No. 2. Pp. 111–114.
- Menger C.* (1888). Zur Theorie des Kapitals // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. Vol. 17. S. 1–49.
- Menger C.* (1923). Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. 2. Aufl. Wien: Hölder-Pichler-Tempsky A.G.
- Menger C.* (2002 [1909]). Geld. In: *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. Vol. 4. 3rd edition. Reprinted in: *Carl Menger and the Evolution of Payments Systems*. ed. M. Latzer, and S. Schmitz. Cheltenham: Edward Elgar.
- Menger C.* (2007 [1871]). *Principles of Economics*. Auburn: Ludvig von Mises Institute.
- Menger C.* (2009 [1892]). On the Origin of Money // *Economic Journal*. Vol. 2. Pp. 239–255. Reprinted by Ludvig von Mises Institute, 2009.
- Pearl S.* (1998). Jevons and Menger re-homogenized: Jaffe after 20 years // *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 57. No. 3. Pp. 307–325.
- Streissler E.; Streissler M.* (eds.) (1994). *Carl Menger's Lectures to Crown Prince Rudolf of Austria*. Aldershot: Edward Elgar.
- Yagi K.* (1993). Carl Menger's Grundsätze in the Making // *History of Political Economy*. Vol. 25. No. 4. Pp. 697–724.
- Yagi K.* (2010). Carl Menger after 1871: Quest for the Reality of 'Economic Man'. In: Hagemann, H., Nishizawa, T., and Ikeda, Y. (eds.). *Austrian Economics in Transition*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
- Yagi K.* (2011). *Austrian and German Economic Thought: From Subjectivism to Social Evolution*. London and New York: Routledge.

О.Б. Кошовец

Институт экономики РАН,
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

**ОТВЕРГАЯ «СУБЪЕКТИВИЗМ»,
ЗАБЫВАЯ «ОБЪЕКТИВНОСТЬ»:
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И СТАНДАРТЫ
НАУЧНОСТИ**

В своем докладе я хотела бы подойти к сюжету о забытых и отвергнутых теориях в экономической науке, исходя из методологической перспективы. В частности, рассмотреть траекторию развития экономической теории как дисциплины с точки зрения соответствия ее тем или иным (научным) стандартам производства знания, которые в рамках воспитания определенного типа «субъекта познания» требовали отвергнуть соответствующие эпистемологические практики и делать (производить) науку /знание тем, а не иным способом.

Одним из центральных сюжетов методологической истории экономической науки XVIII–XX вв. являются поиски способов превратить ее в науку, т.е. в дисциплину естественнонаучного типа, стоящую на прочном эмпирическом фундаменте, говорящую на языке математики, начисто лишенную субъективизма и схватывающую законы природы (естественного порядка). Эта общая интенция развития дисциплины имеет отнюдь не линейную и не поступательную, а, напротив, весьма необычную траекторию и описывается движением от моральной науки практического типа к отвержению этого пути развития в пользу построения собственно науки — «чистой науки», образцом которой служит математезирован-

ное естествознание, и затем к постепенному отказу от этого идеала по итогам формалистской революции и последующему его забыванию и даже отвержению (антисциентистская риторика и возвращение к пониманию экономики как ремесла, практического искусства).

Последнее явственно обозначилось в рамках так называемого эмпирического поворота и переориентации всей системы обучения экономике (от чистой теории к бизнес-практике и изучению кейсов) в рамках общего дрейфа от «науки» (производство научного знания) к «научности» (производство средств легитимации любого знания и придания ему объективного, наблюдаемого характера). При этом забывание прежних эпистемических идеалов «чистой науки» носит двоякий характер: они сохраняются и даже усиливаются с формальной точки зрения, но фактически отвергаются содержательно, так как больше не служат задаче познания и объяснения объективной реальности. Иными словами, по форме они кажутся прежними, но в действительности выполняют уже совсем иные функции — а именно институциональные.

В частности, в докладе будут рассматриваться:

1) способы превратить экономику в дисциплину естественно-научного типа в рамках траектории: отвержение научных стандартов и практик, связанных с общественными и эмпирическими науками в рамках борьбы с субъективизмом и построение дисциплины дедуктивного типа на основе математической рациональности. Основным средством борьбы с субъективизмом стала формализация теории, в результате чего экономика как дисциплина отказалась от содержательных онтологий и вынуждена была пойти по пути развития исследовательского и аналитического инструментария с соответствующей утратой эмпирической составляющей и нарастанием проблем с предметным содержанием формальных моделей. Парадокс заключается в том, что к началу XXI в. этот путь завел экономическую теорию в тупик, в результате чего стал отвергаться прежний идол «сциентизма» или произошел возврат к предыдущей познавательной стратегии — эмпири-

ческой, а субъективизм вернулся в экономику в рамках замещения научного знания экспертным и теории — дискурсом;

2) эпистемологическая история экономики как дисциплины по линии противостояния, смены отвержения и забывания основных познавательных стратегий в рамках траектории: эмпиризм (отражение объективной реальности) — математический эмпиризм (сущность экономических процессов, объективные законы) — математическая рациональность (конструирование реальности, «логически возможные миры») — «эмпиризм» (генерирование реальности, реификация статистических данных). В соответствии с этой траекторией имеет место замена эпистемических идеалов: «моральной достоверности» — «механической объективности» — «тренированного суждения», которые сменяют друг друга как средства обоснования научности того или иного фактуального свидетельства и научной приемлемости предлагаемой гипотезы (теории);

3) переход от понимания экономики как «моральной (т.е. «эмпирической», на языке XVIII в.) науки», подразумевающей определенную предметную область и определенный тип познающего субъекта, и связанные с ним моральные требования, через маржиналистскую и структуралистскую революцию (и их стремление избавить знание от субъективных компонентов и делегировать познавательные функции механическим процедурам — приборам и алгоритмам) к формалистской революции и построению «экономики» как территории формальных онтологий и абстрактных математических моделей, инструментов для тестирования гипотез, вычислительных экспериментов с моделями;

4) влияние смены ключевых эпистемологических стратегий на построение предметной области экономики и отказ от прежнего «объекта» в рамках траектории: «естественный порядок/ закон», установленное самой природой устройство общества — закон как «нормативно предпочтительное» состояние — «правильный способ восприятия, анализа и репрезентации экономических/ любых социальных явлений».

М.И. Миряков
НИУ «Высшая школа экономики»

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПЕНСИОННЫХ СИСТЕМ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.:
ОТВЕРГНУТЫЕ ТЕОРИИ

С 1980-х гг. более чем в тридцати странах мира применялась новая пенсионная политика, одним из ключевых направлений которой была приватизация пенсионной системы. Под пенсионной приватизацией понимается «... широкий комплекс политических мер, которые устанавливают неоллиберальные принципы индивидуализма над коллективизмом и опору на рынок вместо государственного администрирования в области пенсионного обеспечения» (*Orenstein, 2008. P. 14*). При этом по состоянию на 2019 г. более половины стран, ранее приватизировавших свои пенсионные системы, отказались (полностью или частично) от ранее проведенных реформ. Цель доклада состоит в том, чтобы показать, каким образом новая пенсионная политика получила распространение в мире, а также продемонстрировать, что кризис новой пенсионной парадигмы, усилившийся после кризиса 2008 г., носит системный характер, и переход к политике ренационализации пенсионных накоплений граждан не может быть объяснен лишь текущей экономической и политической нестабильностью.

В течение XX в. в большинстве стран мира складывалась традиционная модель пенсионной системы, администриру-

емой государством и основанной на принципе солидарности поколений. Однако в последние полвека эффективность участия государства в социальной защите была поставлена под сомнение. Более того, фактические и прогнозируемые изменения демографической структуры общества (в первую очередь связанные со снижением рождаемости и ростом продолжительности жизни) стали рассматриваться как причина неизбежного кризиса государственных пенсионных систем. Важную роль в распространении алармистских прогнозов сыграли международные финансовые институты: уже с конца 1980-х гг. стали появляться доклады о старении населения и необходимости реформирования пенсионных систем (Ebbinghaus, 2015. Рр. 58–59).

После первой приватизационной реформы, проведенной в Чили в 1981 г. правительством Пиночета, в стране в течение десятилетия наблюдался рост финансового рынка и высокая реальная доходность накоплений. Кроме того, теоретически новая пенсионная модель была бездефицитной в долгосрочном периоде, поскольку пенсионные выплаты должны были финансироваться за счет индивидуальных накоплений. Эксперимент Чили многими исследователями был воспринят как успешный, и новая модель пенсионных реформ получила широкое распространение в мире (в первую очередь в посткоммунистических странах (Мельник, Миряков, 2019) и в странах Латинской Америки (Weyland, 2005)). Теоретические идеи и практические рекомендации новой пенсионной политики во многом поддерживались и развивались сотрудниками международных финансовых институтов, в особенности экспертами Всемирного банка. Публикация «Averting the Old Age Crisis: Policies to protect the old and promote growth» (World Bank, 1994) стала одной из наиболее влиятельных работ по пенсионным системам, во многом определившей направление дискуссий о реформировании пенсионных систем в мире в 1990–2000-е гг.

В середине 2000-х гг. проведение приватизационных пенсионных реформ в мире замедлилось, а после кризиса

2008 г. и существенного снижения доходности пенсионных накоплений во многих странах стал наблюдаться отказ от ранее проведенной пенсионной приватизации. В 2008 г. накопительные пенсии были полностью национализированы в Аргентине, а в 2011 г. — в Венгрии. В большинстве стран, где уже была проведена частичная приватизация пенсионной системы, изначально оптимистичные планы по увеличению доли индивидуальных накоплений в общем размере пенсии были приостановлены (например, в Болгарии), а в ряде случаев размер взносов в накопительную пенсионную систему даже был снижен (например, в Латвии, Литве, Хорватии). В России с 2014 г. вводится мораторий на передачу пенсионных накоплений россиян в негосударственные пенсионные фонды. Определенную черту спорам о будущем приватизированных пенсионных систем подводит доклад МОТ (International Labour Office, 2018), в котором утверждается о провале новой пенсионной политики и предлагаются конкретные практические рекомендации, направленные на возврат к старым государственным системам.

ЛИТЕРАТУРА

- Мельник Д.В., Миряков М.И. (2019). Пенсионные реформы в посткоммунистических странах: механизмы распространения новой пенсионной ортодоксии // *Общественные науки и современность*. №2. С. 79–90.
- International Labour Office (2018). *Reversing Pension Privatizations: Rebuilding public pension systems in Eastern Europe and Latin America*. Geneva: ILO.
- Ebbinghaus B. (2015). The Privatization and Marketization of Pensions in Europe: A Double Transformation Facing the Crisis // *European Policy Analysis* 1. No. 1. Pp. 56–73.
- Orenstein M.A. (2008). *Privatizing Pensions: The Transnational Campaign for Social Security Reform*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Weyland K. (2005). Theories of Policy Diffusion Lessons from Latin American Pension Reform // *World Politics*. Vol. 57. No. 2. Pp. 262–295.
- World Bank (1994). *Averting the Old Age Crisis: Policies to Protect the Old and Promote Growth*. New York: Oxford University Press.

Р.М. Нуреев

Институт экономики РАН,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
НИУ «Высшая школа экономики»

КОНЦЕПЦИЯ АЗИАТСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА: ПРИЧИНЫ ОТТОРЖЕНИЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

В материалистическом понимании истории К. Маркса основные этапы развития человеческого общества выглядят следующим образом. На смену общественной формации, под которой Маркс подразумевал первобытнообщинный строй, приходит экономическая общественная. Внутри нее Маркс выделяет несколько этапов. «В общих чертах, — писал Маркс в предисловии «К критике политической экономии», — азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (Маркс, Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7). На смену экономической общественной формации приходит общественная формация, в которой Маркс выделял социализм и коммунизм. Позднее, в «Набросках на письмо В.И. Засулич» Маркс выделит азиатский способ производства как завершающий этап первичной формации. Получается, что и азиатский способ производства (АСП), и социализм выступают как границы экономической общественной формации. Один (АСП) характеризует переход от общественной формации к экономической, другой (социализм) — от экономической к общественной. Поэтому вольно или невольно эти способы

производства несут в себе общие черты. Азиатский способ производства показывает, как возникает институт частной собственности, социализм — как этот институт отмирает. И в том, и в другом случае существует институт власти—собственности, который опирается на формы монополизации общественных должностных функций.

Азиатский способ производства возникает путем монополизации функций распределения прибавочного и необходимого продукта, контроля и управления производством (как обществом в целом, так и отдельных отраслей), сферы обмена (в первую очередь дефицитных продуктов), среди которых могут быть как средства производства (камень, металл, лес), так и средства существования (шелк, соль и т.д.), а также условий производства и воспроизводства (накопленного производственного опыта, знаний и др.). На Древнем Востоке важную роль играет монополизация созданных в предшествующий период ирригационных сооружений, без которых продуктивное земледелие было бы невозможно.

Несмотря на то, что формы монополизации функций в средневековой России заметно отличались от тех, которые сложились на Древнем Востоке, преемственность этих функций просматривается довольно легко. Это получилось благодаря тому, что возникший в процессе становления классового общества институт власти—собственности сохранился в средневековой России в довольно высокой мере.

Сравнивая институт власти—собственности и частной собственности мы видим, что эти системы отличаются по форме собственности, типу правомочий, характеру их распределения, целевой функции субъектов, системе стимулов, механизмам и инструментам передачи прав собственности, субъектам и гарантам, а так же структуре и составу транзакционных издержек.

Для этого общества характерна пирамидально-сегментарная структура. Основа этой структуры — объединенные в общины непосредственные производители, которые поставляли ренту-налог чиновникам государства, во главе

которого стоял деспот (царь). Фактически, он претендовал на полную собственность на землю, поэтому рента и налог в этом обществе совпадают. Основой получения этой ренты является власть — собственность. Власть—собственность — это собственность, при которой доступ к ресурсу и степень ее полноты зависят от положения в государственной иерархии.

Большой вклад в теорию азиатского способа производства внес американский экономист немецкого происхождения Карл-Август Виттфогель (1896—1988). В 1957 г. он публикует монографию «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти». К-А. Виттфогель в качестве организационных функций восточного государства выделяет учет и распределение ресурсов, бухгалтерию, ирригационное строительство, управление гидроресурсами, государственное страхование, а также государственный транспорт и службу связи. В своей книге он описывает типичную для восточного общества триаду: тотальный террор, тотальное подчинение, тотальное одиночество.

Тотальный террор в условиях восточного деспотизма носит всеобъемлющий характер. В этом обществе, где все подчинено вертикали власти, тотальное подчинение носит всеобщий характер. Оно касается абсолютно всех, включая подданных, чиновников и даже самого правителя, который вынужден подчиняться сложившимся традициям и рутинам. Обратной стороной тотального подчинения является тотальное одиночество. Хотя каждый индивид, желающий выжить в этом обществе, должен ориентироваться на коллектив, на нормы и правила, сложившиеся в этом обществе. Он в узком семейном кругу или кругу друзей может говорить правду, понимая фальшь официальной идеологии.

Любопытно, что в этом обществе централизуемый фонд включал в себя не только прибавочный продукт, но и часть необходимого, который выплачивался производителю в период общественных работ. Это напоминало деление на продукт для себя и продукт для общества, существовавшие в политической экономии социализма.

Азиатский способ производства возник в переходную эпоху между обществом, основанным на общей собственности, и обществом, основанном на частной собственности. Институт власти—собственности, оформившийся в государственную собственность, задержал становление частной собственности. Это не значит, что попытки возникновения частной собственности не были характерны для этого общества. Если мы посмотрим на экономическую историю России, то мы увидим конкуренцию институтов. Однако в этой конкуренции в России институт власти—собственности оказался сильнее других институтов.

Усиление частнособственнических институтов приводит к ослаблению раздаточной экономики. Поэтому О.Э. Бессонова выделяет эти колебания как своего рода институциональные циклы (см.: (Раздаточная экономика России, 2006. С. 33)).

Концепция азиатского способа производства позволяет глубже понять особенности развития советской экономики. В настоящее время существует как минимум три разных подхода к оценке уровня ее развития. Официальная идеология считала, что советская экономика представляла из себя социализм — низшую фазу коммунистической формации, т.е. более высокую стадию, чем рыночная экономика. Янош Корнай и его последователи, развивая концепцию экономики дефицита, фактически исходили из того, что экономика советского типа находится на том же уровне, что и рыночная, выступает как ее своеобразная (дефицитная) разновидность. Наоборот, концепция административно-командной системы (или восточного деспотизма) говорит о том, что на самом деле советская экономика была хозяйственной системой более низкого уровня, чем рыночная.

Неслучайно, что после Октябрьской революции 1917 г. была предпринята попытка перехода к «военному коммунизму», т. е. применения в интересах победившего пролетариата отдельных форм государственно-монополистического регулирования в стране «средне-слабого» капитализма.

Октябрьская революция создала условия для формального обобществления производства: замены частной собственности на средства производства государственной и ведения производства по общему плану в интересах всего общества. В экстремальных условиях, обусловленных Первой мировой и Гражданской войнами, стала необходима централизованная продовольственная диктатура. «Военный коммунизм» покоился на двух китах: данной диктатуре и милитаризации труда.

Политика нэпа способствовала возрождению рыночных отношений, однако опыт «военного коммунизма» не прошел бесследно. Ведь именно в этот период рабочий контроль и учет впервые перерос в систему государственного регулирования производства, произошло создание основ будущей иерархической системы управления. Практика «военного коммунизма» показала чрезвычайные возможности административно-командных методов управления. В конце 1920-х гг. началось чрезмерное (не основанное на реальном уровне обобществления производства) огосударствление экономики. Вытеснение частного сектора осуществлялось не столько экономическими, сколько внеэкономическими мерами. Чрезвычайные меры становились не исключением, а правилом, способствуя формированию административно-командной системы, которая удивительно напоминала пирамидально-сегментарную структуру азиатского способа производства.

Аналогия с азиатским способом производства стала более очевидной в России после публикаций работ М. Джиласа (*Djilas*, 1956) и М. Восленского (1984) на Западе. В 1982 г. В.С. Васильев предложил для характеристик подобных структур термин «власть – собственность». Еще раньше, в 1980 г. Ю.И. Семенов охарактеризовал эту структуру управления как пирамидальную или сегментарную. В 1976 и 1990 гг. автор данного доклада провел аналогию между восточной деспотией (азиатским способом производства) и социализмом. Однако только в 1990 г. появятся работы, в которых азиатские черты российской системы собственности (*Стариков*, 1996; *Гайдар*, 1997; *Бессонова*, 1999; *Кирдина* 2000) и его

социальная структура (*Радаев и Шкаратан, 1991*) станут объектом анализа. Возникнет разрыв между институциональной методологией и эмпирическими исследованиями постсоветской России (*Радыгин, 1994, 1998; Чубайс и др.*). Отчасти он будет сокращен в связи с появлением исследований Кутера, (*Cooter, 1992*), Олсона (*Olson, 1993, 1997*); *Бойко, Шляйфера и Вишни, (1995)*, Жоскова и Шмалензи (*Joskow и Shmalensee, 1997*) и многих других.

Конечно, командная экономика в СССР не была единственной. Фактически, всегда существовал двойной дуализм: командной и рыночной экономики, с одной стороны, и легальной и нелегальной — с другой. Более того, в ходе развития хозяйственного механизма происходил сдвиг с самого высокого уровня до самого низкого, когда основными экономическими агентами становились не государство и министерства, а предприятия и физические лица, что в конечном итоге и предопределило неизбежность ее разложения.

П.А. Ореховский
Институт экономики РАН

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ
И «КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ»
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

2010-е гг. ознаменовались неожиданным подъемом неомеркантилизма, конкурирующего теперь с привычным прежним авторитетным дискурсом неолиберализма и глобализации. В России большой популярностью пользуется книга Э. Райнерта, воскрешающая «другой канон» экономической теории, связанной с трудами Ф. Листа и немецкой исторической школы. При поддержке МВФ исследователи эмпирически доказали гипотезу Зингера – Пребиша о наличии неэквивалентного обмена между странами – производителями сырья и странами – поставщиками готовой продукции. И даже экономисты, принадлежащие к мейн-стриму, отмеченные Нобелевской премией, в своих работах развивают новую экономическую географию, в рамках которой демонстрируется, как небольшие различия в структуре хозяйства разных регионах приводят к развитию неоднородности и формированию модели Центр – Периферия (модель Диксита–Стиглица–Кругмана).

Одновременно с этим продолжают выходить работы, посвященные традиционной апологетике и пропаганде западных либерально-демократических институтов (Аджемоглу, Робинсон, Истерли, Макклоски, Норт, Уоллис, Вайнгаст и др.).

Эти труды неизменно и с редким упорством демонстрируют «слепое пятно» мейнстрима — если либеральные, инклюзивные институты отвечают гуманистическим ценностям прав человека и способствуют общему экономическому росту, а заодно — преодолению нищеты и болезней, то почему в свое время целый ряд стран отказался от них, освобождаясь от колониальной зависимости? Отметим, что последующее развитие бывших европейских колоний показывает противоречивые результаты: многие из этих стран продолжают оставаться бедными, страдают от нищеты, болезней и вооруженных конфликтов. Объяснять это с помощью конспирологии, предполагающей влияние зловредных марксистов, в нынешнее время уже не очень модно. Теперь стали виноваты уже и Мюрдаль, и Кейнс.

Самые старые, полузабытые версии экономического национализма и меркантилизма были связаны с привязкой экономической политики к определенным территориальным границам (юрисдикциям). Более поздние версии дополнялись ксенофобией и расизмом (Зомбарт), требованием необходимого «жизненного пространства» (Хаусхофер). Наконец, относительно недавно использовались дискурсы дефицита основных природных благ (энергии, пресной воды и т.д.), которые, однако, все труднее согласуются с очередными прорывами в энергосберегающих технологиях и геной инженерии.

Имеющаяся технологическая база современного мирового хозяйства такова, что позволяет обеспечить существующее население Земли всеми необходимыми благами, включая жилье, питание, одежду, услуги просвещения и образования. В этом отношении прогресс технических и естественных наук, с которым раньше связывалось счастье человечества, оправдал возлагавшиеся на него надежды.

В то же время социальные науки, и прежде всего — экономическая теория, не могут предложить конвенциональных рецептов преодоления неравенства и связанных с этим конфликтов. К сожалению, неолиберализм не создал гармонич-

ный глобальный социальный порядок, более того, переход к «однополярному миру» привел к новым вооруженным конфликтам между богатыми и бедными странами. В последнее время эти локальные войны дополняются столкновениями между бедными и богатыми уже внутри богатых стран.

Когнитивный диссонанс современного мейнстрима связан с тем, что либерализм и фритредерство космополитичны. Для свободы торговли необходима однородность глобального экономического пространства и унификация имеющихся правовых институтов. Это, как показал Д. Родрик, приводит к «парадоксу глобализации», трилемме, когда национальные государства, демократическая политика и гиперглобализация вступают в непримиримый конфликт. Такая ситуация свидетельствует об утопичности либерализма. На деле либеральные рыночные институты приносят односторонние преимущества тем, кто уже богат и более производителен, а распространение этих институтов, как показала последняя треть XX в., приводит не к сокращению, а к увеличению разрыва между богатыми и бедными. Как следствие, в бедных странах либеральная риторика воспринимается как изощренный обман, используемый богатыми. Более того, если бывшие бедные страны вырываются из своего прежнего периферийного состояния, используя экспортно-ориентированную модель роста, то их достижения вызывают встречную националистическую реакцию богатых стран. Естественно, что такая ситуация вызывает, как минимум, недоверие к авторитетному либеральному дискурсу.

В свою очередь, коллективное бессознательное экономистов заключается в неотрефлексированной вере в транзитивность богатства с интеллектуальным и моральным превосходством. Данная транзитивность сравнительно редко прорывается в публичные дискуссии (яркий пример – полемика вокруг меморандума Л. Саммерса и «экономики благосостояния», озвученная Д. Хаусманом и М. Макферсоном). Архетип экономического мышления предполагает, с одной стороны, доминирование и авторитетный дискурс, с другой – ком-

плекс неполноценности (в том числе апелляции к «особому пути») и защитную реакцию. Последняя проявляется в дискурсе «отсталости», «институциональных ловушек» и необходимости «трансплантации институтов», что маскируется эгалитаристской либеральной риторикой. Экономический национализм — комплекс неполноценности, неизбежная обратная сторона либерализма и космополитизма. Однако, в отличие от респектабельности либерализма, экономический национализм обречен на длительные периоды замалчивания и забвения.

Подъем неомеркантилизма в последние годы свидетельствует о своеобразном обострении «комплекса неполноценности» экономической теории. Это предвещает очередной когнитивный тупик, первые симптомы которого ярко проявились еще в ходе мирового финансового кризиса 2008—2009 гг. Выходом из этого, по-видимому, является преодоление специфического «экономического способа мышления» и отказ от прежних удобных прогрессистских моделей. Однако изменение (или, точнее, замещение) архетипа, как показал Юнг, является очень длительным и противоречивым процессом. Более правдоподобным представляется проявление крайне агрессивного отношения авторитетных экономистов-либералов к политическим деятелям, выступающим под лозунгами экономического национализма, а также длительной фрустрации части других экономистов, обнаруживших, что наличие богатства еще не гарантирует превосходства в когнитивных способностях.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2016). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Зомбарт В. (2009). Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Художественная промышленность и культура. М.: ТЕРРА — Книжный клуб.
- Игры экономических убийц / Под ред. Стивена Хайата (2007). М.: Претекст.

- Истерли У.* (2016). Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Лав Дж.Л.* (2015). Рауль Пребиш и возникновение доктрины неэквивалентного обмена. — В кн. Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке / Редкол. В.С. Автономов (гл. ред.), О.И. Ананьин (зам. гл. ред.), Д.И. Мельник (отв. секр.) и др. М.: ИД ВШЭ. С. 411–452.
- Лист Ф.* (2017). Национальная система политической экономии. М.; Челябинск: Социум.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгааст Б.* (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара.
- Нуреев Р.М.* (2012). Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Норма: ИНФРА-М.
- Перкинс Дж.* (2005). Исповедь экономического убийцы. М.: Pretext.
- Пребиш Р.* (1992). Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА.
- Райнерт Э.* (2014). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД Высшей школы экономики.
- Родрик Д.* (2014). Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Хаусман Д., Макферсон М.* (2012). Философские основания магистрального направления нормативной экономики. В кн. Философия экономики / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Хаусхофер К.* (2016). О геополитике: работы разных лет. М.: Мысль.
- Юнг К.-Г.* (1991). Архетип и символ. М.: Ренессанс.

В.М. Остапенко

Санкт-Петербургский государственный университет

ЕСТЕСТВЕННАЯ И НЕЙТРАЛЬНАЯ СТАВКИ ПРОЦЕНТА В ИСТОРИИ МАКРОЭКОНОМИКИ

С переходом многих центральных банков мира к режиму инфляционного таргетирования, происходившего параллельного с формированием нового неоклассического синтеза («нового монетарного консенсуса») в макроэкономической теории, процентные ставки стали базовым инструментом денежной политики. Особенности выбора их целевых значений монетарными регуляторами сегодня анализируются как в прикладных и аналитических исследованиях, так и в современных теоретических моделях. Важнейшим вопросом в рамках коммуникационной политики любого центрального банка остается обоснование выбранного процентного таргета. Часто регуляторы в своих отчетах и докладах используют понятие «естественной» процентной ставки, современные трактовки которой предполагают, что это уровень реальных ставок, к которому должны сходиться все рыночные ставки в экономике в отсутствие разрывов выпуска — т.е., если фактический ВВП в точности соответствует потенциалу (*Borio et al.*, 2019). Представители Банка России неоднократно говорили о величине «нейтральной» ключевой процентной ставки (в реальном выражении), при поддержании которой не происходит ограничивающего или стимулирующего давления на совокупный спрос. Аналитики Европейского центрального

банка используют термины «естественная ставка» и «нейтральная ставка» как синонимы (*Brand et al. (eds.), 2018*). В литературе можно встретить большое количество разнообразных эмпирических оценок естественной ставки для разных стран и периодов (см., например: *Графе и др., 2018*). Одним из первых, флагманских исследований такого рода стала работа Лаубаха и Уильямса, проведенная под эгидой ФРС США, и сегодня считающаяся классической (*Laubach Williams, 2003*).

Что касается теоретической аргументации, лежащей в основе рассматриваемых понятий, то в истории макроэкономики можно выделить два периода, когда естественные/нейтральные ставки были элементами теоретических построений ведущих экономистов эпохи. Первый период пришелся на ранний этап становления макроэкономики как области знаний: с момента появления самого термина, введенного Кнутом Викселлем в 1898 г. (*Wicksell, 1962 (1898)*), и фактически до смены кейнсианской парадигмы лукасианской, естественная ставка процента в том или ином виде являлась составной частью исследовательских концепций и объектом научных споров. Второй период связан с методологической конвергенцией 1990-х гг., вылившейся в появление нового неоклассического синтеза и его последующее воплощение в современных новокейнсианских (НК) моделях. Многие историки экономической мысли подчеркивают роль фундаментального труда Майкла Вудфорда, который в рамках своей концепции «денежной политики без денег» буквально реинкарнировал, казалось, забытую теоретическую модель чистой кредитной системы Викселя. Более того, даже основные заголовки в названиях книг Вудфорда и Викселя совпадают дословно: «Процент и цены» (*Woodford, 2003*). Преемственность между ними уже была предметом отдельных историко-экономических исследований (см., например: *Boianovsky, Trautwein, 2006*).

В данной же работе акцент сделан на первом из выделенных периодов, а конкретнее — на сопоставлении подхо-

дов Висселля, Кейнса и Хайека. Какое место естественные ставки процента занимали в их картинах экономической реальности? Насколько далека современная неоклассическая трактовка естественной ставки от более ранних трактовок этого термина? Виссэль в своем труде называл «естественным» уровень банковской ставки процента, при котором в экономике отсутствуют инфляционные или дефляционные тенденции. Из его концепции следует, что если центральный банк будет устанавливать свою цель по ключевой процентной ставке на уровне естественной ставки, это гарантирует ценовую стабильность и минимизацию циклических отклонений выпуска.

Широко известна и неоднократно исследовалась эволюция монетарной теории Кейнса от «Трактата о деньгах» к «Общей теории занятости, процента и денег» (к примеру, в работе (Gaynor, 1992)). В «Трактате...» он проводил различие между рыночной и естественной ставкой процента, а последнюю характеризовал как параметр, уравновешивающий сбережения и инвестиции в масштабах всей экономики (Keynes, 2013 (1930). Pp. 176–177). Но уже спустя 6 лет в «Общей теории занятости...» Кейнс отвергает наличие единой для всех возможных состояний экономики естественной ставки, полагая что ее оценки могут меняться в зависимости от величины национального дохода и уровня занятости. Его известное резюме из гл. 17 звучит так: «Теперь я больше не придерживаюсь того мнения, что идея «естественной» нормы процента, которая прежде казалась мне столь многообещающей, содержит что-нибудь очень полезное или важное для нашего анализа» (Кейнс, 1978 (1936). С. 314). Очевидно, Кейнс не считал установление ставок на заданном, «естественном» уровне критерием оптимальности денежной политики. Данный вывод можно представить и в более современном прочтении. Кейнсианская трактовка предполагает возможность множественного равновесия, и, к примеру, расчетная величина естественной ставки (в реальном выражении) в экономике с недостаточным

совокупным спросом и падающим выпуском должна быть ниже аналогичного параметра для перегретой экономики, функционирующей на уровне потенциала.

В период между появлением двух главных трудов Кейнса категория естественной процентной ставки стала активно применяться в монетарной теории австрийской школы. Фридрих Хайек в работе «Цены и производство» (Хайек, 2008 (1931)) эксплицитно использует понятие естественной ставки процента в качестве синонима для равновесной ставки и — что более важно — нейтральной ставки. Анализируя опасность искажения структуры капитала и инвестиционных планов фирм при искусственном поддержании фактического уровня ставок ниже естественного, под последним Хайек понимает величину процентной ставки, уравнивающей нормы межвременного замещения в производстве и потреблении и определяемой гипотетически под воздействием реальных факторов в безденежной экономике. Иными словами, естественная ставка не меняется под влиянием номинальных, монетарных параметров и, таким образом, соответствует уровню, при котором деньги в экономике являются нейтральными. При этом Кейнс в «Общей теории...» считал, что нейтральной (оптимальной) ставкой можно считать уровень естественной ставки, который совместим с полной занятостью при неизменных прочих параметрах. Отметим также, что в отличие от Викселя и Кейнса времен «Трактата...» для Хайека и австрийской традиции в целом концепция естественной процентной ставки важна прежде всего в качестве одного из элементов теории циклических колебаний, а ее применение к ценовым эффектам является сугубо вторичным.

В эпоху монетаристской критики кейнсианства произошла дальнейшая эволюция понимания естественной процентной ставки: если Виксель утверждал, что это ставка, при которой в экономике стабилизируется абсолютное значение общего уровня цен, то после появления работ Фридмена и Фелпса доминирующая трактовка термина развернулась в сторону стабилизации темпов роста цен, т.е. инфляции.

В принципе, после этого — начиная с конца 1960-х и вплоть до конца 1990-х гг. — о естественных ставках макроэкономисты на фоне разворачивавшегося методологического поворота, связанного с революцией рациональных ожиданий и переходом к лукасианской (равновесной) парадигме в макроэкономических исследованиях, «забыли». Следующий, второй этап активного включения естественной ставки процента в макроэкономические модели начался совсем недавно и связан, как уже было отмечено, с работами Вудфорда, Гали (*Gali*, 2008), а также других новокейнсианцев. Естественная процентная ставка в неовикселианском подходе Вудфорда и в других НК-моделях считается значением реальной ставки в условиях совершенно гибких цен (по аналогии с естественным уровнем выпуска). Естественный характер таких ставок задается с одной стороны, предпочтениями впередсмотрящих, максимизирующих межвременное потребление индивидов и, с другой — оптимальным технологическим и производственным выбором фирм.

ЛИТЕРАТУРА

- Графе К., Грут С., Ригон А.* (2018). Нейтральные процентные ставки в странах СЕЕМЕА: Движение в унисон с глобальными факторами // Деньги и кредит. №1(77). С. 6–25.
- Кейнс Дж.М.* (1978 (1936)). Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс.
- Хайек Ф.* (2008 (1931)). Цены и производство. Челябинск: Социум.
- Boianovsky M., Trautwein H.-M.* (2006). Wicksell After Woodford // Journal of the History of Economic Thought. Vol. 28. No. 2 (June). Pp. 171–185.
- Borio C., Disyatat P., Rungcharoenkitkul P.* (2019). What Anchors for the Natural Rate of Interest? // BIS Working Paper. No. 777. March 2019.
- Brand C., Bielecki M., Penalver A.* (eds) (2018) The Natural Rate of Interest: Estimates, Drivers, and Challenges to Monetary Policy // ECB Occasional Paper Series. No. 217. December.
- Gali J.* (2008) Monetary Policy, Inflation, and the Business Cycle: An Introduction to the New Keynesian Framework. Princeton, NJ and Oxford, UK: Princeton University Press.

- Gaynor W.B.* (1992). The Transformation of the Natural Rate of Interest into «The General Theory»'s State of Long-Term Expectations // Cambridge Journal of Economics, Vol. 16. No. 1 (March). Pp. 55–68.
- Keynes J.M.* (2013 (1930)). A Treatise on Money. Vol. 1. A Pure Theory of Money // A. Robinson, D. Moggridge (eds). The Collected Writings of John Maynard Keynes. Vol. 5. Cambridge University Press for the Royal Economic Society.
- Laubach T., Williams J.C.* (2003) Measuring the Natural Rate of Interest // Review of Economics and Statistics. Vol. 85. No. 4 (November). Pp. 1063–1070.
- Wicksell K.* (1962 (1898)). Interest and Prices: A Study of the Causes Regulating the Value of Money. NY: Sentry Press.
- Woodford M.* (2003). Interest and Prices: Foundations of a Theory of Monetary Policy. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Ю.Г. Павленко
Институт экономики РАН

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ НАСЛЕДИЯ
Т. ВЕБЛЕНА, ДЖ. К. ГЭЛБРЕЙТА, Т.Х. МАРШАЛЛА

Одна из важнейших черт эволюции современного государства должна состоять (и во многом уже состоит) в меняющихся отношениях между государством, экономикой и обществом в целом. Это происходит как ответ на новые условия и вызовы. Все сильнее и отчетливее обнаруживаются как провалы рынка, неспособность рыночного механизма обеспечить равновесие и устойчивый экономический рост, так и провалы государства, проявляющиеся, в частности, в кризисе так называемого государства всеобщего благосостояния и неолиберальной модели экономики. Все отчетливее ощущается необходимость принятия научно обоснованных управленческих решений и создания механизмов на уровне государства для устранения наблюдаемых деформаций и дисфункций. В основе таких управленческих решений и механизмов должно лежать глубокое понимание характера современного государства как субъекта управления экономикой и обществом на основе институционального анализа составляющих его субъектов.

Основной тезис доклада связан с тем, что устранение дисфункций современного государства лежит в плоскости изменения (совершенствования) социально-экономической

структуры общества, с точки зрения ее адекватности современным вызовам. Данная структура определяется пропорциями в распределении доходов граждан и социальных групп, их статусным положением, состоянием механизмов социальных лифтов, наконец, качественными характеристиками правящей элиты. Решение актуальных проблем нам видится в рамках системы «государство—бизнес—гражданское общество», а именно в том, что существуют две различные «логики власти», которыми руководствуются государство и бизнес. Государство не может быть организовано и управляться исключительно как коммерческое предприятие, а рыночный обмен не может заменить отношения господства и власти, составляющие суть государства. При этом государство призвано выполнять, используя терминологию А.А. Зиновьева, «функции целостности».

В этой связи автор обращается к трудам американского институционалиста Т. Веблена, который исследует феномен «праздного класса», слоя богатых граждан, ненуждающихся в зарабатывании на существование и при этом ведущих особый образ жизни. Веблен показывает, что чрезмерное неравенство в положении праздного класса и масс трудящихся парадоксальным образом служит тормозом развитию. С одной стороны, праздный класс находится в выгодном положении, не испытывая на себе давления экономических потребностей, выдвигаемых борьбой за средства существования. Следствием этого является его равнодушие к требованиям развития и реорганизации институтов, которые хоть и выдвигаются меняющейся экономической ситуацией, но не касаются представителей привилегированного класса. И потому праздный — это консервативный класс. С другой стороны, люди бедные, те, чьи силы поглощает повседневная борьба за существование, консервативны потому, что не могут позволить себе позаботиться о послезавтрашнем дне. Институт праздного класса и связанная с ним поляризация общества, как показывает Т. Веблен, сдерживают развитие последнего, способствуют консервации существующих социальных

институтов. Таким образом, поляризация общества, с точки зрения распределения доходов его членов, служит мощным антистимулом развития.

Другой американский институционалист второй половины XX в. Дж.К. Гэлбрейт, анализируя поведение корпоративной бюрократии, проявления бюрократизма в «реальном» секторе экономики, отмечал, что, как и любая, корпоративная бюрократия обладает ярко выраженным стремлением к увеличению своих размеров. Заработная плата бюрократа в значительной степени зависит от количества подчиненных, а его жизнь становится более приятной и успешной, если функции обдумывания и принятия решений возложены на нижнее звено. По его словам, необходимо признание обществом и государственной властью того факта, что власть менеджмента создает предпосылки для социально нежелательного поведения. Именно поэтому деятельность предприятий должна строго контролироваться, а размер вознаграждения, который определяют для себя менеджеры, должен стать тем вопросом, которому общество будет уделять особое внимание. Наконец, Дж.К. Гэлбрейт делает жесткое, но, как нам представляется, не лишнее справедливости, заставляющее задуматься заключение: «Общество, в котором правит бал экономика корпоративных злоключений и преступлений, не способно приносить пользу, и в конечном итоге оно прекратит свое существование». Реальным субъектом, способным помочь государству исполнять «функции целостности» и преодолеть как провалы рынка, так и дисфункции самого государства призвано служить, с нашей точки зрения, гражданское общество. Большой вклад в разработку проблемы гражданского общества внес английский социолог Томас Х. Маршалл. Речь идет прежде всего о разработке им категории гражданства, как статуса, подразумевающего определенные возможности и обеспечивающего доступ к определенным правам. Т. Маршалл выделяет три вида прав: собственно гражданские, включающие свободу слова и равенство перед законом; политические — право на участие в голосовании и в политических

организациях; социально-экономические — право на экономическое благосостояние и социальную защищенность. Мы обозначили некоторые контуры решения проблемы дисфункций государства и повышения его эффективности, опираясь на работы классиков институционализма, не потерявших своей методолого-инструментальной ценности и заслуживающих большего внимания профессионального сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

- Веблен Т. (1984). Теория праздного класса. М.: Прогресс.
- Гэлбрейт Дж.К. (2009). Экономика невинного обмана. М.: Европа.
- Зиновьев А.А. (1995). Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф.
- Капустин Б.Г. (2011). Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Павленко Ю.Г. (2018). Государство и проблема интересов целостности в формировании нового социально-экономического уклада // Вопросы политической экономики. № 4. С. 151–158.

М.Г. Покидченко
МГУ им. М.В. Ломоносова

КАМЕРАЛИЗМ – ЗАБЫТАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИЛИ ПУТЬ В БУДУЩЕЕ

В настоящее время часто раздаются утверждения о кризисе современной экономической науки, о том, что «мейн-стрим» зашел в тупик, и последними Нобелевскими премиями по экономике отмечаются исследования частного и прикладного характера. Напрашивается вывод, что на каком-то этапе своего развития экономическая наука пошла в направлении, которое в настоящее время себя исчерпало. И если вернуться во времени назад, можно предположить, что классическая политическая экономия, которая считается началом экономической науки, напрасно отвергла предшествующий ей камерализм.

Здесь следует уточнить, что в истории экономических учений различается камерализм и меркантилизм. В то же время мы разделяем мнение Й. Шумпетера, что концепция меркантилизма, посвященная исключительно внешней торговле, была искусственно выделена из сочинений камералистов А. Смитом и его последователями для логического противопоставления ее классической политической экономии. Поэтому в дальнейшем мы будем употреблять термин «камерализм» для всей социально-экономической мысли, непосредственно предшествовавшей классической политической экономии.

После камерализма развитие экономической науки шло по пути все большей специализации. Уже Смит выделил понятие «экономический человек», все действия которого объясняются только стремлением к выгоде, в то время как другие человеческие желания он вынес за пределы экономики. Во время «маржиналистской революции», на следующем этапе развития экономической науки было введено понятие «чистая экономика», в котором были вынесены за рамки исследования все социальные аспекты экономических отношений. Затем, после «кейнсианской революции», в маржиналистском направлении экономическая наука была разделена на микро- и макроэкономику. Так шло развитие «мейнстрима», во время которого экономическая наука подвергалась все большей специализации и формализации.

Правда, параллельно с «мейнстримом» появилась историческая школа, из которой сформировалось институционалистское направление экономической науки, в котором доминировали социальный и междисциплинарный подходы. Однако оно было слишком «рыхлым» и разноплановым, в нем не было, в отличие от маржиналистского «мейнстрима», единого методологического скелета и количественного анализа, и поэтому представители «мейнстрима» нередко даже отказывались признавать институционализм наукой.

Обратимся теперь к камерализму. Камералисты впервые ввели термин «политическая экономия» (общественное хозяйство), в то время как до этого существовал только термин «экономия» (частное хозяйство). Шумпетер писал о «системах» камералистов: «Это были системы политической экономии как теории благосостояния, в которых схоластическая идея «общего блага» и специфически утилитаристское понятие счастья объединялись в концепции благосостояния (*felicita publica*)» (*Шумпетер*, 2001. С. 225).

Напомним, что камерализм зародился как учение о государственном управлении (с целью общественного благосостояния) в эпоху образования единых национальных централизованных европейских государств. С учетом того, что в насто-

ящее время мировое сообщество и мировая экономика испытывают кризис, исследование камерализма как концепции национальной экономики делается все более актуальным.

Поскольку государственное управление охватывает все стороны жизни общества, экономические отношения рассматривались камералистами в общем контексте с политическими, юридическими и морально-этическими отношениями, причем политические являлись обобщающими. Итальянский камералист А. Серра считал, что факторы богатства государства бывают «естественными» (месторождения золота и серебра) и «искусственными», которые в свою очередь делятся на «специфические» (данные природой) и «обычные». «Обычные средства, — писал он, — делятся на четыре главные группы, а именно: количество ремесел, характер населения, размеры торговли и политика правителей» (Меркантилизм, 1935. С. 92). «... политика государя содержит в себе все другие средства, их сохраняет и заставляет их надлежащим образом действовать» (там же. С. 98).

Важнейшей целью государственного управления, по мнению камералистов, является также поддержание равновесия в «политическом теле». Речь идет не об экономическом равновесии спроса и предложения, а о равновесии между двумя сторонами человеческой природы — эгоизмом и альтруизмом. К сожалению, последующие общественные науки не восприняли эту идею камералистов. Философы и экономисты, чьи теории легли в основу теории капитализма, утверждали, что в природе человека заложены только эгоизм и стремление к личному обогащению, являющиеся движущей силой прогресса человечества. Социалисты наоборот сделали ставку только на человеческий альтруизм. На этих разных моральных основах были сконструированы две современные модели человеческого общества. В то же время другой итальянский камералист А. Дженовези писал, что «по сути, все эти понятия — «справедливость», «честность», «добродетель», «польза», «выгода» — могут быть разьединены лишь по глубокому недоразумению» (Дженовези, 2016. С. XI).

Кроме того, политическая система, по мнению камералистов, должна согласовать интересы личности, общества (нации) и государства (государственного аппарата), а также интересы населенных пунктов, регионов и страны в целом. Это достаточно трудно сделать, так как между всеми этими интересами существуют определенные противоречия. Английский камералист Т. Ман отмечал, что надо различать «пользу трех видов: во-первых, пользу государства (общества. — М.П.), которая существует даже тогда, когда купец ... теряет. Во-вторых, прибыль самого купца, которую он иногда справедливо и заслужено получает, хотя бы государство при этом и теряло. В-третьих, доходы короля, в которых он всегда уверен, даже когда и государство, и купец теряют» (Меркантилизм, 1935. С. 166).

Сказанное выше далеко не исчерпывает все проблемы, присутствующие в концепции камерализма, исследование и решение которых является актуальным в настоящее время. Это позволяет сделать вывод, что камерализм мог бы быть отправной базой для развития современной экономической науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Дженовези А. (2016). Лекции о гражданской экономике. М.: СПб.: ИИГ.
Меркантилизм. (1935). Л.: ОГИЗ.
Шумпетер Й.А. (2001). История экономического анализа. СПб.:
Экономическая школа. Т. 1.

В.М. Полтерович

Центральный экономико-математический институт РАН,
Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова

ПЕТР КРОПОТКИН,
ФИЛОСОФИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА
И ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Анархизм — отвергнутая теория?

Анархизм нельзя считать забытой теорией, хотя бы потому, что поток исследований, посвященных его анализу и исторической роли, биографиям его наиболее ярких представителей, не иссякает (см., например: (Материалы круглого стола..., 2018)). Гораздо больше оснований полагать, что эта теория отвергнута. Известный историк анархизма Джорж Вудкок писал: «Сегодня все еще тысячи анархистов разбросаны по многим странам мира. Еще есть анархистские группы и анархистские периодические издания, анархистские школы и анархистские общины. Но они образуют только призрак исторического анархистского движения, призрак, который не внушает ни страха правительствам, ни надежды людям, и не вызывает даже интереса среди журналистов» (Woodcock, 1962. P. 468).

Это было написано в 1962 г., но вполне применимо и к нашему времени. Здесь, однако, речь идет об анархизме как политическом течении, как о концепции немедленного преобразования общества. О философском содержании анархизма еще более резко высказался Бердяев в 1907 г., когда анархисты — политики и революционеры — были еще в центре оппозиционных общественных движений: «...анархизм

как теория, как философское учение, слаб и почти жалок. Анархисты ...беспомощно лепечут о благодати человеческой природы...» (Бердяев, 1907. С. 130).

Утопичность анархизма как политической программы признают и современные его сторонники (Dolhoff, 2001). Однако если бы диагноз Бердяева оказался верным, идеи анархизма были бы обречены на забвение. В настоящем докладе я попытаюсь показать, почему этого не произошло и в какой форме центральные идеи анархизма оказались восприняты современной наукой. Не пытаясь рассматривать многочисленные анархические течения, я сосредоточусь на анализе философских и политических воззрений наиболее яркого представителя «научного анархизма» Петра Алексеевича Кропоткина.

Учение П. А. Кропоткина: основные достижения и пробелы

1. Современные идеологии все еще расположены на оси «власть—конкуренция». Анархизм противопоставил этим двум механизмам третий механизм координации — сотрудничество («общительность»), тем самым подготовив почву для рассмотрения их взаимодействия в процессе общественного развития.

2. Кропоткин продемонстрировал ограниченность прямолинейного (и распространенного до сих пор) понимания дарвинизма, демонстрируя на многочисленных примерах, что и в животном мире, и в ранних человеческих обществах сотрудничество было важнейшим фактором успешной «борьбы за существование».

3. Кропоткин обратил внимание на становление гражданского общества как на тенденцию снижения роли власти за счет роста роли сотрудничества (Кропоткин, 2002. С. 560).

Следует также отметить два основных недостатка учения Кропоткина и анархизма в целом, обусловивших, в частности, его проигрыш марксизму:

а) отсутствие убедительной концепции социально-экономической эволюции. Кропоткин исповедует идеологию «золотого века», согласно которой идиллия сотрудничества,

имевшая место до формирования государств, была разрушена в результате их становления (см., например: (Кропоткин, 1917. С. 42));

б) как и марксисты, Кропоткин считает государство всего лишь орудием, позволяющим правящему классу эксплуатировать остальное население; ему совершенно чужда мысль о том, что элита может выполнять функции, жизненно необходимые обществу. Он решительно возражает против центральной для марксизма идеи использования государства для преобразования общества. В своих рассуждениях он фактически предполагает, что разрушение государства немедленно приведет к необходимой трансформации этических норм (Кропоткин, 1917. С. 63; Кропоткин, 1922. Р. 189).

Становление новой философии сотрудничества

Соотношения между механизмами конкуренции, власти и сотрудничества в процессах функционирования общества зависят от целого ряда факторов. Важнейшими среди них являются:

- 1) уровень гражданской культуры (стремление к сотрудничеству, уровни доверия, толерантности, альтруизма и т. п.);
- 2) уровень образованности, компетентности граждан, их способности оценивать политические решения;
- 3) возможности получения и обработки информации;
- 4) наличие эффективных процедур принятия решений, учитывающих интересы участников.

Кропоткин подчеркивал значение первого фактора (разумеется, используя иную терминологию), но не рассматривал его динамику. Более того, как уже отмечалось, его аргументация обращена в прошлое: он полагал, что возникновение государства разрушительным образом сказалось на естественной склонности людей к сотрудничеству. Что касается трех остальных факторов, то он, кажется, не упоминал их вовсе. Между тем, рассмотрение этих факторов немедленно приводит к совершенно иному (неанархистскому и, кстати, немарксистскому) пониманию механизмов власти и конкуренции. Их главная задача — обеспечить эффективное

принятие решений в условиях распределенной и неполной информации; при этом уровень принуждения, встроенного в подобные механизмы, зависит от многих обстоятельств и, прежде всего, от упомянутых выше первых двух факторов.

Снижение уровня физического насилия по мере развития общества — одна из основных идей теории, развитой в работе (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011). Обобщение этой идеи содержится в работах (Полтерович, 2015, 2018а), где речь идет о снижении уровня принуждения в любых его вариантах. Власть и конкуренция, не опирающиеся на принуждение, становятся, по существу, вариантами сотрудничества. Важнейшей проблемой остается эффективность механизма, включая степень согласования интересов.

В обсуждаемом контексте наиболее привлекательным механизмом принятия решений является консенсус, однако, на первый взгляд, сфера его возможного использования кажется чрезвычайно ограниченной. Тем не менее, как подчеркивается в работе (Полтерович, 2018а), он оказался реализуемым в системе управления Европейского союза и в определенной мере — в так называемых консенсусных демократиях. Проблема достижения консенсуса осознана как современными анархистами-идеологами, так и представителями «научного анархизма» и специалистами в теории общественного выбора; в настоящее время она интенсивно разрабатывается (Powell, Stringham, 2009).

Идея повышения роли сотрудничества получила новый импульс в связи со становлением цифровых технологий. Развитие интернета и мобильной связи, существенно ослабив информационные ограничения, привело к формированию интернет-сообществ, «цифрового альтруизма» (см. обзор в: (Полтерович, 2018b)) и к разработке децентрализованных алгоритмов принятия решений в таких сферах, как финансовые расчеты. Остается, однако, актуальным вопрос о том, в какой мере новые технологии способствуют развитию позитивного (ненаправленного против третьих лиц) и негативного сотрудничества. Отсутствие различия между этими двумя

типами сотрудничества – еще одно существенное упущение анархистской идеологии.

Учение анархо-коммунизма, созданное Кропоткиным, отвергнуто, как, впрочем, и другие существовавшие до сих пор варианты анархистской философской мысли. Однако философия сотрудничества, рассматривающая анархистский идеал как одну из целей и в то же время как вероятное следствие социально-экономического развития, опирается на изучение реальных тенденций трансформации координационных механизмов и, таким образом, перестает быть утопией. Тем самым появляется возможность становления идеологии нового политического движения, выходящей за рамки традиционного компромисса между концепциями дирижизма и свободной конкуренции.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н.* (1907). Новое религиозное сознание и общественность. Санкт-Петербург: Издание М.В. Пирожкова. www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/berdyayev_novoe_rel_sozn/5.
- Кропоткин П.* (1917). Государство и его роль в истории. М.: Издание Московской Федерации Анархистских Групп. aitrus.info/node/202.
- Кропоткин П.* (1921). Современная наука и анархия / Перевод с французского под редакцией автора. Петербург, Москва: Голос труда.
- Кропоткин П.А.* (2002). Анархия: Сборник / Сост. и предисловие Р.К. Баландина. М.: Айрис-пресс. www.belousenko.com/books/kropotkin/kropotkin_anarkhija.htm.
- Кропоткин П.А.* (2007). Взаимопомощь как фактор эволюции». Редакция журнала самообразование (Впервые опубликована в 1902 г.). www.dragondreaming.org/ru/wp-content/uploads/sites/11/2016/04/Kropotkin_P_A_Vzaimopomosch_kak_faktor_evolyutsi.pdf.
- Материалы круглого стола «Идеи анархизма в европейской и русской истории. (В связи с 210-летием со дня рождения М. Штирнера)» (2018) // Acta eruditorium. Вып. 26.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Полтерович В.М.* (2015). От социального либерализма – к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. №4. С. 41–64.

- Полтерович В.М.* (2018а). К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. № 12. С. 7–102.
- Полтерович В.М.* (2018b). Интернет, гражданская культура и эволюция механизмов координации // Вестник ЦЭМИ РАН. Вып. 1.
- Dolgov S.* (2001). The Relevance of Anarchism to Modern Society. Tucson, AZ. Sharp Press. libcom.org/files/Dolgov%20-%20The%20Relevance%20of%20Anarchism%20to%20Modern%20Society.pdf.
- Kropotkin P.* (1922). Ethics: Origin and Development. The Anarchist Library.
- Powell B.W., Stringham E.P.* (2009). Public Choice and the Economic Analysis of Anarchy: A Survey. Working paper. Mercatus Centre, George Mason University.
- Woodcock G.* (1962). Anarchism: A History Of Libertarian Ideas And Movements The World Publishing Company Cleveland and New York.

Д.Е. Расков

Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕРЕВОДЫ ЮСТИ: РЕЦЕПЦИЯ КАМЕРАЛИЗМА В РОССИИ XVIII в.

В июльском журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» Российской академии наук 1763 г. вместе с началом публикации перевода книги Иоганна Готлиба фон Юсти о мануфактурах и фабриках появился настоящий панегирик этому плодовитому и разностороннему камералисту: «Господин фон-Юсти есть ныне один из прилежнейших писателей в Германии, а о книгах его можно с правдою сказать, что оне общепользны, и сочинены изрядным порядком, ясным и приятным штилем. Он старается о действительной пользе человеческого общества, и о приведении государств в цветущее состояние. Он чинит предложения к исправлению законов, к распространению коммерции и мануфактур, к умножению государственных доходов, к спомоществованию внутренней безопасности и способности, к наставлению в добрых нравах и в добродетели. Он изъясняет иногда полезные материи до Натуральной науки, до Химии и до рудокопного дела касающиеся. Едва можно себе представить как один человек столь много книг в малое время сочинит и издавать может». Читателя не мог не поразить удивительный набор тем Юсти от экономики, камеральных наук, финансов до химии, секретов приготовления красок и сатирических рассказов.

Юсти, пожалуй, самый известный камералист – автор многочисленных трактатов, «талантливый организатор литературного материала», подвижник и организатор, который служил в Вене, Гёттингене, Алтоне, Гамбурге и Берлине. Камерализм он видит как полезную и необходимую науку для управления гражданским обществом и социальной жизнью.

Выявленные переводы за период с 1760-х гг. показывают огромный интерес, который проявляли к камерализму в России. В основном этот интерес и интенсивность, с которой выходят переводы иностранных книг по политико-экономической тематике, совпадают с периодом правления Екатерины II. Самым переводимым автором стал Юсти. За этот период переведено четыре его произведения. Одно из них – о мануфактурах и фабриках – выходит в четырех выпусках журнала «Ежемесячные сочинения», другое – *Die Natur und das Wesen Staaten* – выходит дважды (1770, 1802), третье – *Die Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten* – в отличие от оригинальных двух томов выходит на русском в четырех томах в кожаных тесненных переплетах; наконец, четвертое издание Юсти – *Der Handelnde Adel* – само является переводом с французского языка, к которому Юсти добавил собственное небольшое предисловие. Объем переведенного наследия Юсти колоссален, он превышает три тысячи страниц.

Эрик и Хьюго Райнерт (2009, 19–31) попытались описать полную библиографию Юсти. Согласно их подсчетам, она насчитывает 67 книг и 7 периодических изданий, кроме того они приводят 13 переводов Юсти на пять языков: французский, испанский, голландский, русский и английский, сделанных с восьми разных книг. В библиографию Райнертов попало три издания Юсти на русском, согласно приведенному выше списку: *Justi 1766*, *Justi 1770*, *Justi 1802*. Следует дополнить библиографию четырьмя томами *Justi 1772–1778* и серией журнальных публикаций на русском языке 1763 г. Очевидно, что переводы на русский язык при таком дополнении выйдут на первое место по значению

и охвату творчества Юсти и могут быть сравнимы лишь с переводами на французский.

Огромный интерес к творчеству Юсти подтверждают и коллекции его книг на немецком и французском, которые хранятся в российских библиотеках. Так, в Российской национальной библиотеке (ранее – Императорская Публичная библиотека) хранится не менее 30 различных книг Юсти 1748 по 1794 г. выпуска (часть из них поступила из Библиотеки Сухопутного шляхетного корпуса). Количество переводов и оригинальных книг Юсти говорит о необычайной востребованности его учения в России.

Кто же читал книги камералистов? Известный книгоиздатель и просветитель Николай Новиков сетовал на неподготовленность публики к научному чтению: «на русском языке прежде почти не было полезных книг, а печатались только романы и сказки, но, однако, их покупали очень много; теперь же, когда переведены многия полезные «к украшению разума служащие» книги, их и в десятую долю против романов не покупают. Какой бы Лондонский книгопродавец, не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги, иногда в десять лет на силу раскупятся? О времена. О нравы. Ободрайтесь Российские писатели! Сочинения ваши скоро и совсем покупать перестанут» (Семенников, 1912. С. 13–14). Достаточно трудно проследить цитирование книг Юсти. В тех случаях когда Юсти упоминается, отсылка часто идет к немецкому изданию. К примеру, Яков Павлович Козельский, работы которого вошли в избранные произведения русских писателей XVIII в., обращается к авторитету Юсти, когда формулирует собственные идеи по безопасности и военному искусству (Козельский, 1952. С. 548–549).

Итак, мы установили, что в период с 1760-х гг. труды камералистов активно переводятся в России. Этот процесс настолько динамичен, что данные переводы выдвигаются в ряде случаев на первое место. Очевидно, что совсем не простым совпадением стал тот факт, что большая часть перево-

дов камералистов выходит во время правления Екатерины II, когда при личном участии императрицы предпринимаются целенаправленные усилия для расширения числа и качества переводимых книг. Эта деятельность ведется из двух центров: Москвы и Петербурга, Академии наук и Московского университета.

Судя по вниманию к переводам камералистов в типографиях Академии наук и Московского университета, прежде всего это касается Юсти, академические интересы не сильно отделимы от политических и административных. Средства на перевод и заказы поступают от влиятельных особ, в некоторых случаях есть основания полагать, что от Екатерины II, графа Никиты Панина, графа Ивана Шувалова, Ивана Мелиссино. Переводят не свободные литераторы, а получившие образование чиновники, которые получают заказ и достаточно щедрые дополнительные ассигнования, либо профессора Московского университета. Переводы отражали желание подражать лучшим практикам управления других монархий. В них достаточно мало академических справок, сносок, примечаний или указателей. Чаще встречаются сокращения, как в случае «Торгового дворянства», когда была опубликована лишь треть. Перевод становится символом просвещенности того места, где эти тексты знают и воспроизводят не без торжественности. Именно поэтому не столь заметно проникновение переводов в образование, науку, практику. Возникает ощущение, что в XIX в. о них вообще забывают. Их место остается вместе с пышной и вышедшей из моды мебелью и другими антикварными, уже безжизненными атрибутами былого величия, хотя по подражательному замыслу они должны были стать «двигателем Просвещения», как у Дидро и Дженовези (Reinert, 2011. P. 197).

ЛИТЕРАТУРА

Переводы Юсти:

- 1763 [1758–1761] – Юсти Иоганн Генрих Готлиб, «О нужности и пользе мануфактур и фабрик», Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие Июль, 42–68; «О союзе мануфактур и фабрик с общим состоянием и свойством государства», ЕС, Сентябрь, 249–265, Октябрь, 335–347; «О заведении и основании мануфактур и фабрик», ЕС, Декабрь, 490–547.
- 1766 [1756] – Денис Фонвизин, Торгующее дворянство, противоположенное дворянству военному, или два рассуждения о том, служит ли то к благополучию государства, чтобы дворянство вступало в купечество? Санкт-Петербург.
- 1770 [1760] – Юсти. Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов. Пер. Авраама Волкова. Москва: Императорский Московский университет.
- 1802 [1760]. Юсти. Существенное ... изображение естества народных обществ и различных законов. Т. 1–2. СПб: Медицинский коллегийум. С. 219, 277.
- 1772, 1775, 1777, 1778 [1760–61] – Юсти. Основание силы и благосостояния Царств или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния. Пер. Ивана Богаевского., СПб: Имп. Академия наук. Т. 1–4. С. 762, 711, 772.
- Каратаев Н.К.* (1956). Экономические науки в Московском университете (1755–1955). М.: Изд-во Московского университета.
- Козельский Яков.* (1952). Философские предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Я. Козельским // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. М.: Гос. изд-во политич. литературы. С. 548–549.
- Семенников В.П.* (1912). Раннее издательское общество Н.И. Новикова (1773 года). Отгиск из журнала «Русский Библиофил». СПб. С. 13–14.
- Филитов А.* (2012). Полицейское государство и всеобщее благо. К истории одной идеологии. // Отечественные записки. № 2.
- Чечулин Н.Д.* (1902). Об источниках «Наказа» Екатерины II // Журнал министерства народного просвещения. Апрель. С. 306–317.
- Clendenning P.H.* (1972). Eighteenth Century Russian Translations of Western Economic Works // Journal of European Economic History. Winter. Pp. 745–753.
- Foucault M.* (1977–1978). Security, Territory, Population. Lectures at the College de France.

- Jones Robert.* (1997). *Morals and Markets: The Conflict of Traditional Values and Liberal Ideas in the Economic Thought of Catherine II.* *Jarbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* Vol. 45. H. 4 Pp. 526–540.
- Raeff M.* (1975). *The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // The American Historical Review.* Vol. 80. No. 5. Dec. Pp. 1221–1243.
- Raeff M.* (1983). *The Well-Ordered Police State. Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia.* New Haven and London: Yale University Press.
- Reinert Sophus.* (2011). *Translating Empire. Emulation and the Origins of Political Economy.* Cambridge and London: Harvard University Press.
- Schumpeter J.* (2006 [1954]). *History of Economic Analysis.* Routledge.
- Small A.* (1909). *The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity.* Chicago: The University of Chicago Press.
- Tribe Keith.* (1986). *Governing economy. The Reformation of German Economic Discourse 1750–1840.* Cambridge: Cambridge University Press.

А.Я. Рубинштейн
Институт экономики РАН

ПОЧЕМУ ОДНИ ТЕОРИИ НЕ ПОЛУЧАЮТ
ПРИЗНАНИЯ, А ДРУГИЕ ИМЕЮТ УСПЕХ:
«МЕРИТОРНЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ» Р. МАСГРЕЙВА
И «ЛИБЕРТАРИАНСКИЙ ПАТЕРНАЛИЗМ»
Р. ТАЛERA*

Вряд ли кто-то решится утверждать, что некоторые научные теории исходно несут в себе ген истинности, а другие, не имея нужной хромосомы, обречены на забвение. История мысли говорит об обратном: свидетельствуя в пользу принципа фальсификации, она указывает на отсутствие непогрешимых концепций. Так почему же тогда одни теоретические построения приобретают сторонников, последователей и даже успешно применяются на практике, а другие находятся под огнем критики или вовсе оказываются незамеченными?

Может быть, дело в исходных предпосылках? Но здесь далеко не все ясно, потому как и сами предпосылки не могут считаться истиной в последней инстанции. Нет достаточных объяснений и в смене парадигм, отличающих старые и новые теории, ибо еще больше вопросов вызывает разная «судьба» близких по методологии и историческому времени теоретических концептов. С учетом такого видения и в этой оптике в докладе будут проанализированы в сравнении почти забытая «меритория» Ричарда Масгрейва и весьма популяр-

* Настоящий доклад является сокращенной версией одноименной статьи, подготовленной для «Экономического журнала Высшей школы экономики» (ej.hse.ru).

ный ныне «либертарианский патернализм», один из авторов которого Ричард Талер удостоен Нобелевской премии 2017 г.

В рамках сопоставительного анализа обсуждаются истоки и предпосылки указанных теорий, характерный для каждой из них дизайн государственного вмешательства, а также критика мериторного и либертарианского патернализма. Обосновывается вывод о том, что обе теории опираются на одни и те же исходные предпосылки, предполагают фактически одинаковые цели вмешательства государства в потребительский выбор индивидуумов.

В методологическом плане опорой для каждой из них послужил отказ от абсолютизации рациональности поведения индивидуумов. Но если Масгрейв, почти «стесняясь», обосновывал мериторный патернализм, стараясь не представлять вмешательство государства в нежелательном свете (Рубинштейн, 2010. С. 45–46), то поведенческие экономисты и непосредственно Талер произвели «настоящий переворот в нормативном экономическом анализе, полностью отбросив антипатерналистскую установку» (Капелюшников, 2013а. С. 68). Более того, Талер и его коллеги постарались преподнести патернализм в «белых одеждах» либерализма, убеждая себя и экономическое сообщество, что «либертарианский патернализм – это не оксюморон» (Sunstein, Thaler, 2003).

При этом любой патернализм – мериторный, либертарианский или асимметричный (Camerer et al., 2003), остается патернализмом, который по природе своей «отбирает» часть свобод индивидуума. В этом смысле «подталкивание» (nudge) людей к принятию верных, с точки зрения патера, индивидуальных решений мало чем отличается от стимулирующих механизмов мериторики.

Показано, что в указанных теориях больше общего, нежели различного. Отличает их лишь институциональный дизайн «подталкивания» (nudge): в одном случае речь идет о создании экономических стимулов для правильного индивидуального выбора, в другом – манипулировании «опцией по умолчанию», где используется арсенал психологических средств.

Как же случилось, что близкие по исходным посылкам и методологии теории, наконец, по характеру критических замечаний, совершенно по-разному воспринимаются сообществом экономистов? Почему мериторика осталась фактически в прошлом, а идеи поведенческой теории быстро получили признание и, став частью мейнстрима, применяются в различных разделах экономической науки и практики, где отклонение от нормативных стандартов, так же как и в мериторике, служит основанием патерналистских действий государства?

Конечно, надо учитывать, что сравниваемые теории разделяет почти половина столетия. За этот период экономическая наука и экономическое сообщество изменились качественно. Можно говорить, наверное, об эмпирическом сдвиге в экономических исследованиях, о накопленном огромном эмпирическом материале и новых возможностях его обработки (big data). Всего этого во времена Масгрейва просто не было и, наоборот, стало одним из оснований поведенческой и экспериментальной экономики, из которых, собственно, и вырос либертарианский патернализм. По-видимому, объяснением его успеха служит и то обстоятельство, что «поведенческая экономика способствовала обретению экономической теорией статуса «экспериментальной науки», помогая ей избавиться от застарелого комплекса неполноценности перед естественными дисциплинами» (Капелюшников, 2013а. С. 12).

Однако относится это к поведенческой экономике в целом, ставшей частью основного русла экономической теории. При этом негативная коннотация патернализма и, пусть не классический либерализм, но все же философия экономической свободы по-прежнему сохраняются в экономической науке. Так почему же прилагательные «либертарианский» и «асимметричный», в отличие от «мериторного», послужили оправданием патернализма в его прямых нарушениях свободы потребительского выбора индивидуума? Наконец, почему один из уязвимых элементов поведенческой экономики — экспериментальные демонстрации коллекции аномалий поведения людей, подвергаясь регулярной кри-

тике экономистов, стал одновременно визитной карточкой и пропуском либертарианского патернализма в современный мейнстрим?

Остается предположить, что права Дейдра Макклоски, и причины данного феномена кроются в «риторике», в словарных средствах убеждения экономического сообщества (Макклоски, 2015). Опираясь на этот вердикт и используя категории «мысли и язык», присущие концепции Людвиг Витгенштейна, ответы на поставленные вопросы можно найти в «фоновом пространстве значений». Так, цитируя Витгенштейна, А. Ронкалья подчеркивает, что существует не один тип языка, но «бесчисленное множество таких типов — бесконечно разнообразны виды употребления всего того, что мы называем «знаками», «словами», «предложениями». И эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, наоборот, возникают новые типы языка или, можно сказать, новые «языковые игры», а другие устаревают и забываются» (Витгенштейн, 1994. С. 90).

Судя по всему, «языковая игра», присущая теории Масгрейва, устарела и потому оказалась в числе «забытых», а концепция Талера и его коллег, рожденная поведенческой экономикой, соответствует новой языковой игре, ключевыми элементами которой остается слово «либерализм» и речевые конструкции, соответствующие языку и терминологии основного русла экономической теории — «риторике мейнстрима».

Именно данная речевая конструкция — либертарианский патернализм, несмотря на то, что это оксюморон, создала иллюзию свободы индивидуума и оказалась в границах доминантной модальности фонового пространства мейнстрима, что, собственно, и определило успех либертарианского патерналиста у экономистов и его привлекательность для политиков. В этом смысле речевые конструкции, относящиеся к бюджетной политике, процессам распределения и перераспределения с целью реализации мериторных потребностей общества, плохо вписываются в фоновое пространство значений современной экономической теории, даже в ситуации,

когда сама бюджетная политика является неотъемлемым элементом практики современного государства.

Иначе говоря, сконструированный Талером оксюморон стал речевой конструкцией — языковой игрой, которая в глазах многих исследователей создала иллюзию примирения индивидуалистического характера господствующей экономической теории и свободы потребительского выбора индивидуумов с фактическим вмешательством государства в этот выбор.

Перефразируя Норта, можно сказать — слово имеет значение. Но дело не только в этом. Хочу обратить внимание и на другой аспект научного дискурса. По-видимому, мы наблюдаем очередной этап эволюции государства (*Ананьин и др.*, 2018. С. 42–63), его перерастания из государства благосостояния в патерналистское государство (*Капелюшников*, 2013с, С. 28–32) и, главное, изменение в этой эволюции самой парадигмы патернализма. Речь идет о смысловой трансформации данного понятия: от негативной коннотации, характерной для патриархального содержания патернализма, как системы отношений, основанной на подчинении индивидуумов патеру, заботящемуся об их счастье и указывающему, что надо для этого делать, до более сдержанного отношения к вмешательству государства в индивидуальный выбор индивидуумов.

В этой эволюции «отсутствие необходимой теоретической санкции долгое время сдерживало «врожденные» патерналистские устремления современных государств. ... Ситуация изменилась, когда поведенческая экономика такую санкцию предоставила» (там же. С. 44). Не менее важен и тот факт, что поведенческие экономисты, а вслед за ними и авторы либертарианского патернализма, в своей языковой игре придали государственному вмешательству интеллектуальную респектабельность. В тоже время речевые конструкции мериторики не вписываются в языковую игру мейнстрима с его негативным отношением к патернализму.

Сделаю еще одно замечание в отношении главной предпосылки сравниваемых теорий. Дело в том, что наблюдае-

мое изменение парадигмы патернализма непосредственно связано с признанием возможности «поведенческого провала» — нерационального поведения индивидуумов, наносящего ущерб своему благосостоянию. Рассматривая подобные ситуации, современная теория акцептировала вмешательство государства. Иначе говоря, признание возможности нерационального поведения тождественно легитимации патернализма. В этом смысле и мериторный, и либертарианский патернализм соответствуют основным положениям теории опекаемых благ, определяющей патернализм как неотъемлемый элемент существования государства, с его позитивными и негативными последствиями вне зависимости от языкового оформления концепции государственного вмешательства (Рубинштейн, 2018).

Что же касается сравнения мериторного и либертарианского патернализма, то соглашусь со справедливым замечанием А. Либмана: «Многие выводы современной поведенческой экономики в нормативном плане полностью идентичны утверждениям Р. Масгрейва, хотя это обсуждается гораздо реже, чем следовало бы» (Либман, 2013. С. 38).

ЛИТЕРАТУРА

Ананьин О.И., Воейков М.И., Гловели Г.Д., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (2018). На пути к новой экономической теории государства / Под ред. А.Я. Рубинштейна. М.: Институт экономики РАН.

Витгенштейн Л. Философские работы (Пер. с нем). Ч. I. М., 1994.

Капелюшников Р.И. (2013а). Поведенческая экономика и новый патернализм [Текст]: препринт WP3/2013/03 / Р.И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Капелюшников Р. (2013b). Поведенческая экономика и «новый» патернализм / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. №9. Ч. 1. С. 66–90.

Капелюшников Р. (2013с). Поведенческая экономика и «новый» патернализм / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. №10. Ч. 2. С. 28–46.

- Либман А.М.* (2013). Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 27–38.
- Макклоски Д.* (2015). Риторика экономической науки. М.: Изд-во Института Гайдара; Издательство «Международные отношения»; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Ронкалья А.* (2018). Богатство идей: история экономической мысли / под науч. ред. В.С. Автономова. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики».
- Рубинштейн А.Я.* (2010). Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М.: Экономика.
- Рубинштейн А.Я.* (2018). Теория опекаемых благ: учебник. СПб.: Алетейя.
- Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M.* (2003). Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and The Case for «Asymmetric Paternalism» // *University of Pennsylvania Law Review*. Vol. 151. No. 1.
- Sunstein C.R., and Thaler R.H.* (2003). Libertarian Paternalism Is Not an Oxymoron. *The University of Chicago Law Review*. Vol. 70. No. 4. Pp. 1159–1202.

О.А. Славинская

Институт экономики РАН,
Государственный институт искусствознания

НЕ ОТВЕРГНУТЫЕ, НО ПОЧТИ ЗАБЫТЫЕ ИТАЛЬЯНЦЫ

Так случилось, что государственная активность рассматривается обычно в контексте английской и немецкой традиций. При этом в английской традиции ключевое место занимала проблема коррекции провалов рынка в части предоставления общественных благ. Развиваясь с начала XVIII в., это направление исследований трансформировалось в итоге в современную теорию государственных расходов. В немецкой же традиции основной акцент был сделан на проблеме общественных потребностей (*Gemeinschaftbedürfnisse*). Причем данный вопрос поднимается уже в первых работах камералистов и получает свое развитие в 80–90-х гг. XIX в., когда финансовая наука (*Finanzwissenschaft*) достигает своего пика.

Помимо английского и немецкого вектора исследований государственной активности заметное место в истории экономической мысли принадлежит итальянской традиции, фокусирующей свое внимание на теории государства. Периодом расцвета итальянской науки о государственных финансах считается конец XIX — середина XX в., когда в основном и сформировалась эта уникальная теоретическая концепция. Следует отметить, что итальянцы рассматривали проблему государственных финансов не только как одну из областей

экономики, но и как самостоятельный объект, изучение которого должно охватывать проблемы экономики, политики, права и управления (Wagner, 2003).

Такой комплексный подход в итальянской традиции, по всей видимости, наследует идеи камералистов, которые разрабатывали близкие аспекты государственных финансов в период между 1500 и 1850 гг (Dittrich, 1974; Small, 1909; Tribe, 1984; Backhaus, Wagner, 1987). При этом у камералистов государство рассматривалось как мирный и продуктивный участник экономических отношений, действующий в соответствии с едиными для всех принципами, что отличалось от видения Смита государства как насильственной силы, вмешивающейся в экономический порядок (Wagner, 2003).

Итальянские ученые, отталкиваясь от идеи «государства», наряду с экономическими конструкциями также исследовали политические и социологические структуры (Fossati, 2010). При этом на ранней стадии у итальянских экономистов главенствовал утилитарный подход к государству, в соответствии с которым главной задачей было определение влияния государственной и фискальной политики на экономику страны (The history of economic thought: The Italian Tradition, 2019). В этих работах государство рассматривалось как институт, обеспечивающий повышение общего благосостояния, которое могло достигаться как путем прямого вмешательства в экономику, так и посредством изменения ее законов. К ключевым принципам итальянской традиции следует отнести определение полезности («счастья») в качестве главного критерия оценки государственной политики — социальное обеспечение является максимальным в том случае, когда общество достигает «наибольшего счастья наибольшего числа», которое должно стать формулой утилитарной социальной политики (ibid.).

К концу XIX в. итальянская школа «The Italian Fiscalist School» эволюционирует и, начиная с Франческо Феррары, Панталеони, Антонио де Вити де Марко, Уго Маццоло, Луиджи Эйнауди и других (в том числе, в частности, Парето

и Бароне), государство анализируется с точки зрения «продуктивного» производителя коллективных товаров и «оптимизирующего» агента (*ibid.*).

В настоящем исследовании сделана попытка показать историческую значимость и актуальность итальянской школы, ее вклада в теорию государственных финансов. При этом во второй половине XX-го столетия итальянская традиция, опирающаяся в основном на институциональные конструкции и «страдающая» ограниченной формализацией, уступает место англосаксонским методам экономического анализа, для которых характерно широкое применение математического инструментария (*Fausto, 2016*). Еще одной из причин снижения интереса к итальянскому методу исследования государственных финансов может считаться смещение экономического анализа в сторону политических и социальных подходов, обосновывающих вмешательство государства (*Conigliani, 1894; Murray, 1914*). Так, итальянцы утверждали, что для любой политической системы характерно господство сильного индивида над слабым, и потому во главу угла они ставят фактор взаимодействия в качестве главной характеристики государства (*Fossati, 2010*). При этом основной ролью государства остается предоставление общественных услуг населению и удовлетворение коллективных потребностей (*Fausto, 2016*).

Следует отметить, что, опираясь на теорию предельной полезности при анализе общественных благ, итальянские ученые подчеркивали — общественный выбор отличается от индивидуального. Признавая необходимость принуждения, когда государство стремится к максимизации уровня благосостояния, ведущие представители итальянской школы (Маффео Панталеони, Антонио Вити Де Марко, Уго Маццола, Энрико Бароне, Амикаре Пувиани, Джованни Монтемартини, Аугусто Грациани и Луиджи Эйнаути) в качестве ключевой обозначали проблему взаимоотношений между индивидом и институтами (*Fausto, 2016*). В этом, по-видимому, заключается особая ценность традиции в государственных финансах, которая вводит

элементы принуждения в рыночный механизм посредством государственного вмешательства (*ibid.*).

К этому добавим, что особенностью итальянской традиции при исследовании государственных финансов является совместное изучение расходной и доходной сторон бюджета (*Fasiani, 1932–1933; Buchanan, 1960b; Fausto, De Bonis, 2003*). Стоит подчеркнуть, что среди теоретиков (начиная со Смита и его последователей и вплоть до Пигу) более распространенным был подход к минимизации экономической роли государства, при этом признавалось, что оно должно вмешиваться в распределение ресурсов в определенных ситуациях для достижения эффективности и справедливости. С появлением новой теории государственных расходов в 1950-х гг. и особенно трудов Масгрейва (*Musgrave, 1937, 1939, 1959*) формируется и новый взгляд на позитивные функции государственного сектора в сфере распределения ресурсов и стабилизации экономики, в котором легко заметить «итальянские мотивы».

Итальянская традиция в сфере государственных финансов довольно сильно отличается от англосаксонского подхода (*Kayaalp, 1989. С. 163*) и обладает преимуществом более широкой трактовки налогообложения, которое предстает как эффективное решение проблемы обеспечения общественными благами населения. Налоги же выступают в роли цены общественных благ, которая уплачивается налогоплательщиком исходя из потребностей. Учитывая такой подход, отношения между налогоплательщиками и государством являются отношениями обмена, который, как подчеркивают итальянцы, очень трудно определить как добровольный (*Fausto, 2016*).

При этом итальянские ученые рассматривали вопросы государственных доходов и расходов не только с экономической, но и с политической точки зрения. Так, Грициотти утверждает, что «*Scienza delle Finanze* изучает принципы управления государственных расходов», в то время как «финансовая деятельность государства ставит перед собой цель повышение необходимых поступлений для финанси-

вания государственных расходов» (*Griziotti, 1929*) и имеет в основном политический характер, так как «предмет, процесс, цели финансовой деятельности имеют политический характер. Средства являются экономическими, но принципы распределения являются политическими» (*ibid.*).

Несмотря на то, что итальянские экономисты внесли значительный вклад в развитие теории государственных финансов, их исследования до сих пор остались не слишком известны. Выделим несколько причин, замедливших интеграцию итальянской традиции в мировую практику. Во-первых, это частично связано с языковым барьером (*Wagner, 2003*). Достаточно небольшое количество работ итальянских ученых о государственных финансах переведено на английский язык (*Buchanan, 1960a*). На английском языке есть работа (*De Viti De Marco, 1936*), а труды таких авторов, как Панталеони, Маццола, Монтемартини и Бароне, появились лишь конце 1950-х гг. (*Musgrave, Peacock, 1958*). Во-вторых, ряд авторов отмечает интеллектуальный вектор итальянцев, отличающийся от математической доминанты мейнстрима (*Wagner, 2003*).

Отметим, однако, что идеи итальянской традиции остаются актуальными и сегодня. Государство в трактовке итальянцев выступает как продуктивный участник экономических отношений, который, говоря современным языком, исходя из имеющихся ресурсов и целей, максимизирует и свою полезность. Можно считать, что идеи этого подхода проявились при разработке современной экономической теории государства (*Ананьин и др., 2018*) и, в частности, привели к появлению новой модели патерналистского государства — «play-maker» (*Гринберг, Рубинштейн, 2013; Rubinstein, 2016; Городецкий, Рубинштейн, 2017*). Другая ключевая идея итальянской традиции, связанная с тем, что государство при стремлении к максимизации уровня благосостояния общества может прибегать к принуждению (*Fausto, 2016*), нашла свое отражение в работах мериторного (*Musgrave, 1996*) и либертарианского патернализма (*Sunstein, Thaler, 2003, 2008*),

где допустимым считается вмешательство государства с целью максимизации общественного благосостояния.

Современным продолжением итальянского видения идеальной формы государства Де Вити является «философия сотрудничества» (Полтерович, 2016, 2017, 2018). Как подчеркивает Полтерович, «вместо «конца истории» ... предлагаемая теория предсказывает длительный процесс сокращения трансакционных издержек, порождаемых механизмами конкуренции и власти, при возрастании роли механизмов сотрудничества вследствие развития гражданской культуры и роста благосостояния, обусловленного технологическими и организационными инновациями» (Полтерович, 2018). В какой-то мере, опираясь на концепцию сотрудничества, развивался кооперативно-монополистический дуализм в теориях государства (Vichanan, 1960a). При этом Джеймс Бьюкенен считал, что именно «The Italian Fiscalist School» является интеллектуальным предшественником школы «общественного выбора» (The history of economic thought: The Italian Tradition, 2019).

В целом же в докладе будет показано, что итальянская традиция в области общественных финансов является не только предтечей известных теорий мериторных благ и общественного выбора, но и, сохраняя свою актуальность, имеет продолжение во многих современных теориях государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьин О.И., Воейков М.И., Гловели Г.Д., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (2018). На пути к новой экономической теории государства / Под ред. А.Я. Рубинштейна. М.: ИЭ РАН.
- Городецкий А.Е., Рубинштейн А.Я. (2017). Некоторые аспекты экономической теории государства. М.: ИЭ РАН.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (2013). Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир.
- Полтерович В.М. (2016). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. № 11. С. 5–23.

- Полтерович В.М.* (2017). Толерантность, сотрудничество, экономический рост // Вопросы экономики. № 11. С. 33–49.
- Полтерович В.М.* (2018а). К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. № 11. С. 5–26.
- Полтерович В.М.* (2018б). К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. №12. С. 77–102.
- Backhaus J.G., Wagner R.E.* (1987). «The Cameralists: A Public Choice Perspective» // Public Choice 53. Pp. 3–20.
- Buchanan J.M.* (1960a). «The Italian Tradition in Fiscal Theory». Pp. 24–74 of his *Fiscal Theory and Political Economy* (Chapel Hill: University of North Carolina Press).
- Buchanan J.M.* (1960b). «La scienza delle finanze»: the Italian Tradition in Fiscal Theory». In: *Buchanan J.M. Fiscal Theory and Political Economy. Selected Essays*, University of North Carolina Press, Chapel Hill. Pp. 24–74). Italian translation: «La scuola italiana di finanza pubblica». In: *M. FINOIA, Il pensiero economico italiano 1850/1950*, Cappelli, Bologna, 1980. Pp. 203–242.
- Conigliani Carlo* (1894). L'indirizzo teorico nella scienza finanziaria. *Giornale degli Economisti*, 105–29. Quotations from the 1993 English translation: Luigi Pasinetti (Ed.), *Italian Economic Papers: Vol. II. Theoretical Approaches in Public Finance*. Il Mulino: Oxford University Press. Pp. 27–43.
- De Viti De Marco A.* (1936). *First Principles of Public Finance*. London: Jonathan Cape.
- Dittrich E.* (1974). *Die deutschen und österreichischen Kameralisten*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Fasiani M.* (1932–1933). «Der gegenwärtige Stand der reinen Theorie der Finanzwissenschaft in Italien», *Zeitschrift für Nationalökonomie*, Band III, Heft 5. Pp. 651–691; Band IV, Heft 1. Pp. 79–107; Heft 3. Pp. 357–388. Italian translation quoted: «La teoria della finanza pubblica in Italia». In: *M. Finoia (a cura di), Il pensiero economico italiano 1850/1950*, Cappelli, Bologna, 1980. Pp. 117–202.
- Fausto D.* (2016). The legacy of Italian tradition in public finance. *Università di Napoli «Federico II»* 1, 42.
- Fausto D., De Bonis V.* (eds.) (2003). «The Theory of Public Finance in Italy from the Origins to the 1940s», *Il Pensiero Economico Italiano*, anno XI, n. 1.

- Fossati A.* (2010). The idea of State in the Italian tradition of public finance. *European Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 17. No. 4. Pp. 881–907.
- Griziotti B.* (1929). *Principi di politica, diritto e scienza delle finanze*. Padova: Cedam.
- Kayaalp O.* (1989). «Early Italian Contributions to the Theory of Public Finance: Pantaleoni, De Viti De Marco, and Mazzola». In: D.A. Walker (ed.). *Perspectives on the History of Economic Thought*. Vol. I. Edward Elgar, Aldershot. Pp. 155–166.
- Murray R.* (1914). *Principi fondamentale di Scienza pura delle Finanze*. Firenze: Carnesecchi. Musgrave R.A. (ed.), Peacock A.T. (ed.) (1958). *Classics in the Theory of Public Finance*. London: Palgrave Macmillan UK.
- Musgrave R.A.* (1937). The theory of public finance and the concept of «burden of taxation». PhD thesis. Harvard University.
- Musgrave R.A.* (1939). The voluntary exchange theory of public economy // *The quarterly journal of economics*. Vol. 53. No. 2. Pp. 213–237.
- Musgrave R.A.* (1959). *The theory of public finance: a study in public economy*. New York: McGraw Hill.
- Musgrave R.A.* (1996). Public Finance and Finanzwissenschaft Traditions Compared, in: *Finanzarchiv, N.F.* Vol. 53. Pp. 145–193.
- Rubinstein A.Y.* (2016). Theory of patronized goods. Liberal evolution of paternalism // *International Journal of Entrepreneurial Knowledge*. Issue 1. Vol. 4. Pp. 6–29.
- Small A.* (1909). *The Cameralists: The Pioneers of German Social Polity*. New York: Burt Franklin.
- Sunstein C., Thaler R.* (2003). «Libertarian Paternalism is Not an Oxymoron» // *University of Chicago Law Review*. Vol. 70. No. 4. Pp. 1159–202.
- Sunstein C.R., Thaler R.H.* (2008). *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. Yale University Press.
- The history of economic thought. Institute for New Economic Thinking: The Italian Tradition. www.hetwebsite.net/het/schools/italian.htm#fiscal, (дата обращения: 30.03.2019).
- Tribe K.* (1984). «Cameralism and the Science of Government» // *Journal of Modern History*. Vol. 56. Pp. 263–284.
- Wagner R.E.* (2003). Public Choice and the Diffusion of Classic Italian Public Finance, *Il Pensiero Economico*. No. 11. Pp. 271–82.

Д.П. Фролов

Волгоградский государственный технический университет

ВСПОМНИТЬ ВСЕ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ЗАБЫТЫХ ТЕОРИЙ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК*

В области экономики транзакционных издержек эволюционно накопилась масса догматических концепций и утверждений, получивших высокую устойчивость под влиянием эффекта *path dependence*. К ним относятся догма о транзакционных издержках как трениях, догма о непродуктивности транзакций как генератора потерь, стиглеровская теорема Коуза и логика минимизации транзакционных издержек, догма о приоритетности институтов обеспечения низкозатратных транзакций. Перечисленные догмы лежат в основе сложившейся традиции транзакционного анализа — парадигмы Коуза—Уильямсона — которая, в свою очередь, является фундаментом неоинституциональной теории. Поэтому сообществом новых институционалистов блокируются попытки серьезного пересмотра этой догматики, а в оригинальном институционализме транзакционная проблематика находится на периферии исследовательской программы.

Вместе с тем в истории экономики транзакционных издержек было как минимум три отвергнутых теоретиче-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-010-00832).

ских подхода, альтернативных доминирующей парадигме. Их возрождение могло бы придать транзакционному анализу импульс для перехода на качественно новый уровень осмысления институциональной реальности. Цель данного исследования — обоснование постинституциональной (т.е. альтернативной доминирующему институциональному дискурсу) перспективы развития экономики транзакционных издержек на основе возвращения к забытым теоретическим альтернативам, их переосмысления и синтеза. Используются подход институциональной социологии науки и методы историко-логического, сравнительно-исторического и конструктивно-критического анализа.

Во-первых, необходимо «реанимировать» теорию транзакций Дж. Коммонса. Начиная с Р. Коуза (*Coase*, 1937), экономика транзакционных издержек фактически двигалась в русле, заданном неоклассической теорией трений (*Hicks*, 1935), при этом парадоксальным образом используя транзакционную аргументацию для критики теоретических позиций неоклассиков. Трактовка транзакционных издержек как издержек эксплуатации экономической системы, препятствующих ее развитию и даже блокирующих его (*Arrow*, 1969. Р. 48), или как экономического эквивалента трения в механических системах (*Williamson*, 1985. Р. 19), по сути базировалась на одностороннем восприятии транзакций как диссипативного типа экономических действий, связанного с непродуктивными расходами. Напротив, теория Коммонса рассматривает транзакцию более широко — как многомерную, динамичную и междисциплинарную по своей природе единицу экономического анализа, как продуктивный тип коллективных действий (*Commons*, 1934). Однако этот подход остался частью славной истории становления институциональной экономики и был полностью вытеснен парадигмой Коуза—Уильямсона. Произошел откат от системного — в духе Коммонса — понимания транзакций, которые из фундаментальной единицы анализа превратились в генератор непродуктивных расходов и потерь.

Во-вторых, нуждается в переосмыслении теория транзакционного сектора Дж. Уоллиса и Д. Норта, в частности, их концепция транзакционных услуг и видов деятельности. Эта теория, к сожалению, оказалась в процессе ее эволюции редуцирована к методической рамке для измерения уровня транзакционных издержек в мезо- и макроэкономических системах, а вся ее мощная инновационность оказалась выхолощенной. Провозглашенный Уильямсоном слоган «экономические институты капитализма имеют своей главной целью и эффектом экономию на транзакционных издержках» (*Williamson, 1985, P. 17*) подвел черту под формирование минимизационной логики в транзакционном анализе и его нормативной программе. По существу же теория Уоллиса—Норта предполагала переосмысление транзакций как содержания транзакционных видов экономической деятельности, связанных с обеспечением эффективных взаимодействий и объективно требующих определенных затрат (транзакционных издержек) для производства качественных транзакционных услуг. Теория транзакционного сектора находилась в жесткой оппозиции доминирующей парадигме, поскольку имплицитно отвергала минимизационную логику. Однако после ряда попыток (*North, Wallis, 1988, 1994*) ее авторы фактически прекратили сопротивление парадигме Коуза—Уильямсона, а Норт даже (периодически) использовал догму о минимизации транзакционных издержек в своих теоретических работах.

В-третьих, важно начать системное развитие и эмпирическое тестирование теории транзакционной ценности. Ведь помимо своего непосредственного результата любая транзакция сопровождается созданием целого ряда дополнительных полезных эффектов. Совокупность прямых и косвенных эффектов транзакций Э. Заяц и Ц. Олсен назвали транзакционной ценностью (*Zajac, Olsen, 1993*). Они применяли свой подход только к микроуровню, но у него явно имеется потенциал масштабирования и распространения на любые уровни и масштабы транзакционной деятельности. Перенос

акцента транзакционного анализа с издержек на ценность, создаваемую в ходе транзакций, позволяет объяснить многие явления, выходящие за узкие рамки минимизационной логики. Экономия на транзакционных издержках не должна становиться самоцелью институциональных реформ и регулятивных политик. Не меньшее, а, скорее, большее значение имеет генерирование транзакционной ценности для всей экосистемы участников транзакций — именно такова главная функция и экономических институтов современного капитализма.

Объединение триады альтернативных теорий с элементами парадигмы Коуза—Уильямсона позволит перейти к развитию объединенной теории транзакционного анализа. Ее можно называть постинституциональной, поскольку она категорически дистанцируется от догматики как новой, так и оригинальной институциональной экономики в части транзакционных издержек и их взаимосвязи с институтами. С точки зрения постинституциональной парадигмы, транзакция представляет собой продуктивный тип действий, генерирующий транзакционную ценность в форме прямых и косвенных полезных эффектов для участников взаимодействия. Транзакционные услуги, специалисты, организации, индустрии и секторы объективно требуют определенного (нормального) уровня затрат, т.е. транзакционных издержек и инвестиций. Аналогично, любые экономические институты для качественного осуществления своих функций нуждаются в оптимальном, а не минимальном уровне затрат. Минимизация транзакционных издержек как нормативное правило для менеджеров, администраторов, законодателей, судей и политиков нуждается в серьезном пересмотре и ограничении области применения.

ЛИТЕРАТУРА

- Arrow K.J.* (1969). The Organization of Economic Activity: Issues Pertinent to the Choice of Market versus Non-market Allocation // The Analysis and Evolution of Public Expenditure: The PPB system. Washington: U.S. Government Printing Office. Vol. 1. Pp. 47–65.
- Coase R.H.* (1937). The Nature of the Firm // *Economica*. 4(16). Pp. 386–405.
- Commons J.R.* (1934). *Institutional Economics: Its Place in Political Economy*. New York: Macmillan.
- Hicks J.R.* (1935). A Suggestion for Simplifying the Theory of Money // *Economica*, 2. Pp. 1–19.
- North D.C. and Wallis J.J.* (1994). Integrating Institutional Change and Technical Change in Economic History: A Transaction Cost Approach // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 150(4). Pp. 609–624.
- Wallis J.J. and North D.* (1986). Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970 // *Long-Term Factors in American Economic Growth* / S.L. Engerman, R.E. Gallman (eds.). Chicago: University of Chicago Press. Pp. 95–162.
- Wallis J.J. and North D.C.* (1988). Should Transaction Costs be Subtracted from Gross National Product? // *The Journal of Economic History*, 48(3). Pp. 651–654.
- Williamson O.E.* (1985). *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets and Relational Contracting*. New York: The Free Press.
- Zajac E.J. and Olsen C.P.* (1993). From Transaction Costs to Transactional Value Analysis: Implications for the Study of Interorganizational Strategies // *Journal of Management Studies*, 30(1). Pp. 131–145.

А.Г. Худокормов
МГУ им. М.В. Ломоносова

ТЕОРИИ ПОЛУЗАБЫТЫЕ, НО ПОЛЕЗНЫЕ СЕГОДНЯ

Предложение подготовить доклад по забытым теориям вызвало у автора воспоминания о трех источниках: 1) индийской Артхашастре; 2) планах Р. Оуэна и П.-Ж. Прудона по организации банков «справедливого обмена»; 3) концепции Л. Вальраса по установлению экономического равновесия через процедуру «нащупывания» (*tâtonnement*).

Нельзя сказать, что указанные источники напрочь забыты историками экономических учений. Напротив, упоминания о каждом из них содержатся в любом солидном учебнике. Но для большинства ученых эти три эпизода в эволюции мировой экономической мысли представляют только исторический интерес. Мы же попытаемся доказать, что все они крайне актуальны, так как помогают решать насущные проблемы сегодняшнего дня.

Начнем с Артхашастры, книги по экономике и политике Древней Индии, авторство которой приписывается брахману Каутилье, советнику царя Чандрагупты — создателя одного из первых паниндийских государств IV–III вв. до н.э. (возможно, что Артхашастра создана на несколько веков позже) (Мировая экономическая..., 2004. С. 35).

По содержанию это сочинение многогранно. Зарубежный политолог Майкл Лейбих характеризует Артхашастру

как «энциклопедический труд», посвященный государственному управлению, экономике, праву, внешней политике и разведке (erazvitie.org/article/arthashastra_uchebnik_po_politike). Но мы ограничимся только одним аспектом этого труда: Артхашастра является первым исследованием, специально посвященным борьбе с чиновничьей коррупцией.

В разд. 26 (гл. 8) «Возвращение дохода, похищенного чиновниками» Каутилья выделяет ровно сорок способов (средств) хищений из государственной казны (см.: Артхашастра..., 1959. С. 71). Среди прочих фигурируют следующие:

- то, что подлежит осуществлению, не осуществлено;
- то, что осуществлено недостаточно, представляется осуществленным обильно;
- дела мало, а представляется будто бы много;
- сырые материалы, за которые уплачено, не вносятся в казну;
- высокоценное замещается малоценным;
- увеличивается цена вещи.

Автор предлагает увеличить список Каутилья сорок первым правилом: если жена чиновника до получения им поста была обыкновенной женщиной, а после назначения внезапно стала «талантливой бизнесвумен», мультимиллионершей или даже обладательницей миллиардов, то...

В следующем разд. 27 (гл. 9) под названием «Испытание чиновников», в частности, говорится: «Подобно тому как нельзя распознать, пьют ли воду плавающие во глубине вод рыбы..., так и невозможно узнать присваивают ли... богатство чиновники, приставленные к выполнению дел» (там же. С. 45). Отсюда Каутилья делает вывод: поймать чиновника на воровстве прямо и непосредственно, как правило, не удастся: «Можно узнать путь летящих в небе птиц, но не путь действующих чиновников, имеющих скрытые намерения» (там же). Значит, согласно Каутилье, следует использовать косвенные методы доказательства коррупции — обнаружение чрезмерных трат чиновника и его семьи, признаков жизни в роскоши, не соответствующей чиновничьему жалованию и т.д.

Каутилья советует царю чаще перемещать чиновников с места на место, чтобы предотвратить образование коррумпированных сообществ (мафиозных клик). Данный способ антикоррупционной борьбы весьма активно использовался в послевоенной Италии. Задолго до этого его применял фактический руководитель французского государства кардинал Ришелье (1585–1642).

Не все методы борьбы с коррупцией, выделенные Каутильей, пригодны для современной практики. Индийский философ предлагает, в частности, вознаграждать доносчиков частью имущества, конфискованного у казнокрадов, организовать шпионскую сеть для слежки за высшими должностными лицами государства. Подобные методы опробовал в свое время Наполеон Бонапарт, затем — более поздние диктаторы. Но они не принесли успеха: доведенная до логического конца система тотальной слежки не просто аморальна, она не эффективна. Ведь если все друг за другом следят, кто тогда будет трудиться? И потом: тотальная слежка создает атмосферу всеобщей подозрительности, вражды, а это неизбежно скажется на экономической деятельности.

Критические замечания не исключают высокой оценки идей Каутильи. Индийский мудрец, судя по всему, понимал, что полное искоренение коррупции вряд ли возможно: «Подобно тому как нельзя не воспринять мед или яд, если они находятся на языке, так и имущество царя не может быть, хотя бы и в малости, присвоено ведающим (этим) имуществом» (Артхашастра..., 1959. С. 75).

Однако он не только первым показал опасность этого негативного явления, но и наметил действенные шаги по его ограничению.

Несколько слов скажем теперь об эпизоде из истории экономической мысли начала XIX в.

Роберт Оуэн (1771–1858) и Пьер-Жозеф Прудон (1809–1865) считали себя последователями великого английского экономиста, глашатая трудовой теории стоимости Давида Рикардо (1772–1823). Оба рассуждали при этом следующим

образом: пока науке не было известно, что стоимость товара определяется трудом, она (стоимость) определялась путем стихийного рыночного обмена. Но теперь в таком остром определении товарной стоимости нет необходимости. Пусть каждый производитель принесет изготовленный им товар в специально созданное учреждение — банк, или базар справедливого обмена. Особая комиссия на научной основе оценит стоимость товара в часах рабочего времени и выдаст владельцу соответствующее количество трудовых квитанций. На эти квитанции (меновые свидетельства, бонны) труженик сможет получить на складе банка, или базара необходимую ему вещь по трудовому эквиваленту. Неравновесие спроса и предложения, сплошь и рядом возникающее в стихийном обмене, будет раз навсегда устранено и заменено эквивалентным справедливым обменом.

«Базар справедливого обмена» Р. Оуэна лопнул, просуществовав около двух лет. «Банк обмена», или «Народный банк» Прудона обанкротился после двух месяцев. Ошиблись оба: и Оуэн, и Прудон принимали за субстанцию стоимости частный труд сапожника, портного, бочара, шорника и т.д. Именно частный труд они измеряли в часах рабочего времени, принимая их за меру стоимости. Между тем субстанцией (наполняющей материей) стоимости является не частный, а общественно необходимый труд, обязательно удовлетворяющий насущную потребность людей, представленную платежеспособным спросом. Вовсе не каждая произведенная вещь является продуктом общественно необходимого труда. Этот факт эмпирически знаком любому предпринимателю, который наблюдает случаи банкротств, в том числе на стадии экономического подъема. Пусть произведенный товар внешне не плох. Совсем не факт, что он найдет своего покупателя. И тогда банкротство его производителя неизбежно.

В условиях товарного производства, когда производители работают на неизвестный рынок, некоторая доля частного труда неизбежно выпадает из эквивалентного обмена, не

получает общественного признания в качестве труда, необходимого обществу, и не производит в силу этого стоимости. Это и случилось со временем с банком (базаром) справедливого обмена. На его складах скапливалась товарная заваль, которую никто не хотел брать. Более того, некоторые агенты рынка стремились внести в систему базара неходовые товары, а с его складов забрать то, что рынок еще брал. Отсюда — практическое банкротство затеи Оуэна и Прудона, как следствие банкротства теоретического.

Зачем автор так долго толкует про дела минувших дней? Затем, что сходные теоретические ошибки были свойственны и более позднему научному сообществу в рамках политической экономии социализма.

Вспомним, как работала вся наша промышленность группы Б. Если бы она была представлена передовыми предприятиями, способными удовлетворять наш потребительский спрос по количеству и качеству, тогда все было бы в относительном порядке. Потребители по системе Интернета заказывали бы предприятиям товары определенного качества по установленной заранее цене, как это имеет место сейчас в системе почтовой, заказной торговли. Общественная потребность в таком товаре была бы гарантирована априори, еще до начала процесса производства.

Но ведь наша легкая промышленность работала совершенно иначе. Она нацелилась на удовлетворение неизвестного ей потребителя. Пока в течение 1930–1940-х гг. у нас не хватало всего любая произведенная вещь, любой товар могли найти своего покупателя. Но со временем требования публики возросли. Решающими факторами сбыта стали качество, стиль, фасон, мода. А легкая промышленность в значительной мере гнала прежний количественный вал, который уже никто не хотел брать.

Но, а что же политическая экономия социализма?

Она исходила из того, что продукция группы Б планировалась, причем в масштабе всего общества. Значит затраты труда, попавшие в план, априори считались непосредственно

общественными, т. е. представляли труд, производивший стоимость. На деле заваль, не находившая спроса, содержала лишь бросовый частный, а не общественно необходимый труд. Такой труд в очень большой мере производил бесполезные вещи, т. е. сам был бесполезен и не представлял никакой стоимости.

Чем дальше, тем больше. Наше общественное хозяйство превращалось в огромный «банк справедливого обмена». Производство в конечном счете всегда связано с потреблением. Если легкая промышленность (швейная, обувная) производит заваль, то бесполезны затраты на энергию, сырье, материалы, которые использовались в ее производстве. И тут не помогали паллиативы в виде магазинов уцененных товаров. А ведь все работники швейной и обувной промышленности получали у нас заработную плату. Ее получали и производители станков для легкой промышленности, и металлурги, и машиностроители, эти станки производившие, и так далее по цепочке, вплоть до производителей первичного сырья и энергии.

Такая система могла держаться за счет относительной самостоятельности тяжелой промышленности по сравнению с легкой, за счет реализации промежуточной продукции (нефть, газ, древесина) на мировом рынке. Но тянуть бесконечно она уже не могла и под грузом всеобщего недовольства рухнула. Видимо, переходить к смешанной планово-рыночной системе следовало задолго до того, как были исчерпаны резервы старой модели, т. е. где-то в 1960-х гг. Вернуться к некоторому подобию нэпа, а затем создать модель, напоминающую модель современного Китая, но уже с советской спецификой.

Сейчас, конечно, легко рассуждать, но лучше поздно, чем никогда.

В заключение несколько строк надо уделить вальрасовскому *tâtonnement*, т. е. нащупыванию. В модели Вальраса в роли агента, тестирующего цены, выступает аукционщик. Именно он предлагает варианты цены. Если при объявлен-

ной цене спрос больше предложения, цену следует повысить, если ситуация обратная, цена должна быть снижена, и так до достижения равновесия.

Примитивный, незатейливый механизм ручного управления рынком.

Но иногда, в критических ситуациях, он может оказаться полезным. Вспомним последние, предновогодние дни 2014 г. Тогда в нашей стране резко обрушилось равновесие на рынке валюты. Центральный Банк России в ночь на 16 декабря поднял ключевую ставку на 6,5 пунктов, до 17% годовых.

Но паники на валютном рынке это не предотвратило, а сверхдороговизна кредита нанесла оглушительный удар реальному сектору.

Мы помним, что в обменных пунктах курс российской валюты падал до 110 руб./долл. и ниже. Думается, в этой ситуации больше помогло бы *tâtonnement* Вальраса, т. е. непосредственное тестирование валютного курса. Интуитивно было ясно, что новый курс установится где-то между 55 и 65 руб./долл. Эти рубежи и следовало «нащупывать» Центральному банку. А затем, после рассеивания панических ожиданий, вновь вернуться к обычной торговле валютой.

ЛИТЕРАТУРА

Артхашастра или наука политики (1959) / Пер. с санскрита. М.-Л.: Изд-во АН СССР.

Мировая экономическая мысль: сквозь призму веков. В 5 т. (2004) / Сопред. ред. колл. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Т. 1. М.: Мысль.
erazvitie.org/article/arthashastra_uchebnik_po_politike.

Н.А. Шапиро

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена

РОССИЙСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ В КОНТЕКСТЕ НАРРАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Тема предполагаемого доклада находится в русле трудно-решаемой решаемой проблемы национальной идентификации российского общества. В качестве источника идентификации предлагается рассмотреть российскую классическую политэкономия и процесс ее формирования, который практически завершился в 70-х гг. XIX в., в период реформ Императора Александра II (1856–1881), в нарративном контексте.

В логике истории экономических учений тема национальных школ (французской, немецкой, российской и др.) следует после освоения английской классики. Как правило, данная тема не вызывает особого академического интереса, в лучшем случае используется для квалификационной работы, но не рассматривается как нечто важное в решении актуальной проблемы национальной идентификации. Теория классической российской политэкономии является, по сути, и забытой, и отвергнутой в современном экономическом дискурсе.

Подтверждением этому может служить тот факт, что прошедший 2018 г. был годом 200-летнего юбилея Российского Императора Александра II (1818–1881), который остался практически обойденным вниманием экономистов, в отличие, например, от юбилея К. Маркса (1818–1883).

Реформы в годы правления Александра II обеспечили отмену крепостного права, начало демократии, самоуправления и независимой судебной практики, относительную свободу прессы и подготовку общественного сознания к необходимости принятия конституции. Реформа затронула внутренние устои общества. В результате российское общество стало более динамичным, чем в дореформенный период. А отечественная интеллигенция стала влиять на общественное мнение. Как отмечают современные отечественные историки, реформами Александра II была создана та современность, в которой мы продолжаем жить сегодня (Яковлев, 2018. С. 7). На вызовы тех реформ российское общество еще не нашло всех ответов, включая использование радикальных практик социалистического социализма.

Безусловно, что идеи К. Маркса определили интеллектуальный профиль советских политэкономов в XX в. и продолжают волновать самые продвинутые умы отечественных экономистов до сих пор (Автономов и др., 2018). Но именно в период реформ Александра II, к 1870 г., сформировалась российская политэкономия (Бутовский А.И., Горлов И.Я, Вернадский И.В. и др.) в своем классическом статусе оригинального экономического учения, содержащего конфликт между философским идеализмом общинных форм хозяйства и политическим рационализмом рынка (Цвайнерт, 2008. С. 148).

Нарратив является относительно новым методологическим инструментом, который вышел на междисциплинарную арену из недр литературоведческих исследований, где нарративный дискурс представляется как фокус преломления повествуемой действительности сквозь призму определенной точки зрения (Андреева, 2006. С. 57).

Категория «нарратив» определяется неоднозначно, но общим моментом большинства определений можно считать то, что это форма особого последовательного толкования текста /или действительности, имеющего отличие от аутентичных, первоначальных смыслов. Акцент на точке зрения, воздействию которой подвергся базовый текст (в данном

случае английская классика), позволяет: 1) идентифицировать особенности восприятия реальности; 2) считать методологические возможности нарратива релевантным инструментом для реализации целей данного исследования.

В настоящее время считается логичным рассматривать возможность порождения знаний в нарративных моделях. Нарративная модель порождения знаний оказалась востребованной не только в естественных, но и социальных науках, как показывает опыт, для целей идентификации.

Публикации последних лет являются подтверждением методологических возможностей нарратива в междисциплинарных исследованиях проблем идентификации. Экономическая теория не является исключением. Так, поисковый запрос «Нарратив» по тематике «Экономика. Экономические науки» за 2015–2019 гг. в e-library указывает на более чем 120 статей и книг на русском языке, без учета прочих изданий. Понятие нарратива применяется, например, в маркетинге (Дзен нарратив) и в исследованиях по институциональной экономике. Об этом достаточно подробно можно прочесть в работе российских авторов (*Вольчик, Маслюкова, 2018*). Наиболее ранним удачным опытом использования методологии нарратива считается работа Дж. Акерлофа и Р. Шиллера (*Акерлоф, Шиллер, 2011*), посвященная выявлению правил структурирования социальных взаимодействий глобального капитализма.

Обращаясь в этом контексте к английской классической политэкономии и ее распространению в России, следует отметить, что период прямого английского влияния на академическую российскую аудиторию продолжался с начала XIX в. недолго. Уже в 1840–1850 гг. четко прослеживается влияние французских экономистов Ж.Б. Сея, Ф. Бастиа, Б.Ш. Дюнуайе. Ж.Б. Сей для России был намного авторитетней А. Смита. (Это можно объяснить значительным упрощением изложения идей Смита, а потом, по этой же причине, и отторжением в силу радикальности их восприятия.) В версии читаемых лекций по политэкономии российские профессора «смешивали»

французов со «старшей» исторической школой Германии, где проводилась критическая линия в отношении абстракций английских классиков, представленная в учебнике К.Г. Рау. Это факт был в свое время отмечен Блюминым И.Г. (Блюмин, 1940) и воспроизведен Й. Цвайнертом (*Цвайнерт*, 2008. С. 133).

Опуская подробности анализа работ А.И. Бутовского, И.Я Горлова, И.В. Вернадского, как наиболее типичных представителей российской академической науки в 1840–1870 гг., отметим, что российская классическая политэкономия рождалась в нарративе противоречий политического рационализма и «естественного порядка» английских классиков.

Если национальные школы политической экономии Франции или Германии, США адаптировали идеи английской классики к реальным особенностям экономической политики (протекционизма) своих стран, то русская классическая политэкономия искала компромиссы между рынком и романтическими идеями крестьянской общины или утопическими идеями социализма. Практически «примерял» Россию с грядущим либеральным рыночным порядком и утопический коллективизм (*Шаниро*, 2018). Но ни первое, ни второе состояние не было российской реальностью.

Развитие академической экономической науки в последующие десятилетия (1880–1890-х гг.) показало, что в общении с Западом (Дж. С. Милль, молодая историческая школа, К. Маркс) избирательно принимались только те теоретические положения, которые можно было вписать в российскую социологическую концепцию, позволяющую воспользоваться техническим прогрессом Запада без развития капитализма («эксцентрической фазы»).

Таким образом, можно сделать вывод, что в контексте нарративного анализа российской классической политэкономии российское общество не идентифицируется с западными ценностями, а желаемые ценности являются ирреальными. Возникает проблема: как развиваться при отсутствии национальной идентичности?

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С., Аузан А.А., Григорьев Л.М., Колганов А.И., Нуреев Р.М., Худокормов А.Г., Шаститко А.Е., Курдин А.А. (2018). Роль изучения «Капитала» К. Маркса в формировании российских экономистов (круглый стол в МГУ им. М.В. Ломоносова) // Вопросы экономики. № 8. С. 102–117.
- Акерлоф Дж., Шиллер Р. (2011). *Spiritus Animalis*, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М.: Альпина Бизнес Букс.
- Андреева В.А. (2006). Литературный нарратив: текст и дискурс: Монография. СПб.: Норма.
- Блюмин И.Г. (1940). Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М.
- Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. (2018). Нарративы, идеи и институты // Terra Economicus. 2018. Т. 16. № 2. С. 150–168.
- Цвайнерт И. (2008). История экономической мысли в России. 1805–1905 / Йоахим Цвайнерт М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Шатино Н.А. (2018). Нарратив в академической экономической науке и высшем образовании во времена Александра II. В кн.: Александр II: два века в памяти России (1818–2018) / Сост. и гл. ред. В.В. Яковлев, отв. ред. Т.В. Вольская. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. С. 392–393.
- Яковлев В.В. (2018). Два века неразрывной связи: Александр II и Россия. В кн.: Александр II: два века в памяти России (1818–2018) / Сост. и гл. редактор В.В. Яковлев, отв. ред. Т.В. Вольская. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена.

Я.С. Ядгаров

Финансовый университет при Правительстве РФ

ЗАБЫТАЯ И ОТВЕРГНУТАЯ КОНЦЕПЦИЯ
МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННОЙ
ПОЛИТЭКОНОМИИ РОДОНАЧАЛЬНИКА
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА
С. СИСМОНДИ

С. Сисмонди (1773–1842) – французский экономист, родоначальник альтернативного классической политической экономии направления экономической мысли – экономического романтизма. В своих «Новых началах политической экономии» (1819), критикуя либеральные основания творческого наследия Смита – Рикардо, он привнес в политическую экономию принципиально новую концепцию, которая более чем через 100 лет (вплоть до кейнсианской революции) забвения стала основой морально-нравственной концепции современной экономической науки.

Содержащиеся на страницах его «Новых начал» новации, раскрывающие сущностные аспекты введенной им в научный оборот морально-нравственной концепции, тесно связаны с выдвинутыми в ней реформаторскими идеями, обуславливающими бескризисное развитие и социальную направленность экономики посредством государственного регулирования рыночного механизма хозяйствования, и базируются они на нижеследующих авторских постулатах.

Во-первых, уже в предисловии к вышеупомянутой книге С. Сисмонди заявляет современному ему научному экономическому сообществу, что со всей убежденностью апеллирует

«ко вмешательству власти в дело регулирования богатства» с тем, чтобы не сводить «всю политическую экономию к простому... принципу *laissez faire*» (Сисмонди, 1937. Т. 1. С. 133), и что он намерен внести значительные изменения в «систему Адама Смита» (там же. С. 141), поскольку, в отличие от своего кумира, считает для себя принципиальным то, что «рост богатства является не целью политической экономии, а лишь средством для обеспечения всеобщего счастья» и что «само по себе увеличение богатства и населения есть лишь абстракция...» (там же. С. 134, 143).

Во-вторых, в противовес приверженцам принципов *laissez faire* в первых главах своего главного сочинения С. Сисмонди выражает убежденность в том, что материальное благосостояние людей, зависящее от государства, «составляет предмет политической экономии». Вот почему эта наука, уверен он, указывая «правительству правильную систему управления народным богатством», является «важной отраслью науки о счастье народа» (там же. С. 148).

В-третьих, согласно Сисмонди, из выделяемых им трех школ (меркантилистов, экономистов-физиократов, Адама Смита) адепты первых двух рассматривали материальное благосостояние людей как предмет политической экономии в рамках односторонней системы (меркантилисты — в торговле, физиократы — в земледелии), а смитовская школа пыталась «создать априорную теорию, с тем чтобы потом пристегнуть к ней факты» (там же. С. 164–165). Отсюда очевидна и его убежденность в том, что «вообще в политической экономии следует беречься ...абсолютных предположений, точно так же, как и абстракций», ибо «всякая абстракция всегда есть заблуждение» (там же. С. 291).

В-четвертых, С. Сисмонди полагает, что поскольку политическая экономия — это наука, изучающая «управление народным богатством», постольку формулирование ее сущности должно вбирать в себя еще и такие аспекты, как:

- «политическая экономия наука не просто расчета, а наука моральная. Она вводит в заблуждение, когда

оперируешь голыми цифрами, и ведет к цели лишь тогда, когда приняты во внимание чувства, потребности и страсти людей» (там же);

- «политическая экономия в значительной мере нравственная наука, ...она должна предвидеть, что может оказать влияние на их страсти, ...обеспечить бедняку гарантии против всеобщей конкуренции» (*цит. по: (Ядгаров, 2012. С. 218)*).

Что же обусловило длительную отверженность концепции морально-нравственной политической экономии С. Сисмонди? Почему в советской экономической литературе а затем, явно и неявно, и в постсоветской, в духе марксистско-ленинского учения, упоминается, как правило, некая возглавляемая С. Сисмонди «мелкобуржуазная политическая экономия» либо «мелкобуржуазная экономическая мысль»?

Одна из причин данного обстоятельства во многом обусловлена неординарными оценочными суждениями о личности и творческих, в том числе реформаторских, новациях автора «Новых начал» в ряде сочинений К. Маркса. В частности, К. Маркс в работе «К критике политической экономии» утверждает, что воспринимает С. Сисмонди не столько в качестве оппонента классической политической экономии, сколько в качестве одного из ее завершителей во Франции, в то время как Д. Рикардо — в Англии. Поэтому, по Марксу, «если в лице Рикардо политическая экономия беспощадно делает свои конечные выводы и этим завершается, то Сисмонди дополняет этот итог, представляя на себе самом ее сочинения» (*Маркс, 1961. С. 47*).

Двойственное отношение к С. Сисмонди не менее отчетливо проявляется и в «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркса, где отмечается, с одной стороны, что «Сисмонди глубоко чувствует, что капиталистическое производство само себе противоречит», но, с другой — речь идет о том, что «для Сисмонди кризисы являются не случайностью, а существенными проявлениями имманентных противоречий, разражающихся в бурной форме через определенные периоды» (*Маркс,*

1964. С. 51–52). Аналогично двойственная марксова оценка в адрес автора «Новых начал» обнаруживает себя и в послесловии от 1873 г. ко второму изданию I тома «Капитала», в котором говорится, что Д. Рикардо – это «последний великий представитель английской классической политической экономии», а с С. Сисмонди лишь «начинается критика буржуазной политической экономии» (Маркс, 1961а. С. 14).

И только многим позднее, после свершения в экономической науке «кейнсинской революции», оценочные суждения в отношении нововведений С. Сисмонди, включая его концепцию морально-нравственной политической экономии, претерпели существенные изменения. Как замечает в этой связи, к примеру, видный историк экономической мысли современности М. Блауг, «Новые начала» оказали «глубокое влияние на работу Т. Мальтуса “Принципы политической экономии (Principles of Political Economy, 1820)”». Обусловлено это, по Блаугу, тем, что оба эти сочинения содержат «один и тот же акцент на том, что мы назвали бы в наше время недостаточным совокупным спросом». Но, тем не менее, заключает он, «на самом деле, дух кейнсианства в работе Сисмонди значительно сильнее, чем в работе Мальтуса» (Блауг, 2005. С. 275). А по мнению нобелевского лауреата по экономике П. Самуэльсона, «каждая эпоха порождает людей, мечтавших о более совершенном мире, о мире, в котором альтруизм заступил место эгоизма, а равенство или совместное владение собственностью заступили бы место неравенства». И именно С. Сисмонди в числе таких наиболее «известных имен XIX века» проявил себя тем, кто «был убежден в том, что капитализм будет периодически страдать от недопотребления и недостаточной покупательной способности» (Самуэльсон, 1992. Т. 2. С. 342).

Выводы

1. Родоначальник экономического романтизма С. Сисмонди в своем лучшем в творческом отношении сочинении «Новые начала политической экономии» (1819) ввел в научный оборот избыточную доказательными критиче-

скими суждениями в адрес апологетов идеологии экономического либерализма и неординарными социально ориентированными реформаторскими умозаключениями концепцию морально-нравственной политической экономии, которая вплоть до кейнсианской революции была фактически предана забвению.

2. В рамках этой концепции им сформулированы неоспоримые аргументы о недостижимости автоматической саморегулируемости рыночной системы хозяйствования и обоснована целесообразность перманентного регулирования последней иницируемые и реализуемые «сверху» (государством) экономическими реформами, способными обеспечить ведущую роль в экономике малого бизнеса.

3. Опираясь на данную концепцию, автор «Новых начал» в контексте моральных и нравственных политэкономических ценностей противопоставил собственное видение научно-практических проблем политической экономии и реализации предлагаемого реформаторского проекта против абсолютизации принципов экономического либерализма ради формирования нециклической бескризисной социально ориентированной хозяйственной системы и достижения социальной справедливости в обществе.

4. Несомненное историческое значение концепции морально-нравственной политической экономии С. Сисмонди заключается также в том, что:

- опираясь на ее постулаты, Дж.М. Кейнс и его многочисленные адепты (и оппоненты) в период после мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. привнесли в современную экономическую науку многообразные альтернативные теории государственного регулирования экономики;
- концептуальное новаторство данного родоначальника экономического романтизма стало отправной точкой для многих поколений исследователей после него в поисках ими путей реализации таких реформаторских мероприятий, которые бы обеспечили ведущую

- роль в хозяйственной жизни мелкого товарного производства, различных форм малого бизнеса;
- указанная концепция автора «Новых начал», позволяющая признать движущей силой и организующим началом предстоящих социально-экономических преобразований (реформ) программные указания и предписания «сверху», т. е. государства (правительства), убеждает научное экономическое сообщество в том (говоря словами С. Сисмонди), что «лучше направленные частные интересы сами исправят то зло, которое они же причинили обществу» (Сисмонди, 1937. Т. 2. С. 176).

ЛИТЕРАТУРА

- Блауг М. (2005). 100 великих экономистов до Кейнса / Пер. с англ. под ред. А.А. Фофонова. СПб.: Экономическая школа.
- Маркс К. (1961а). Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат.
- Маркс К. (1961б). К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат. С. 1–167.
- Маркс К. (1964). Теория прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. III. М.: Политиздат.
- Самуэльсон П. (1992). Экономика. В 2 т. М.: Алгон.
- Сисмонди С. (1937). Новые начала политической экономии, или о богатстве в отношении к народонаселению. В 2 т. М.: Гос. социально-эконом. изд-во.
- Ядгаров Я.С. (2012). История экономических учений: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М.

Francois Allisson
University of Lausanne Centre Walras-Pareto

THE ROLE OF NIKOLAY SIEBER
IN EARLY RUSSIAN MARXISM

Plekhanov is widely considered as the father of Russian Marxism, with the formation of the Emancipation of Labour group. On his side, Sieber is often relegated to a subaltern role of first propagandist of Marx in Russia, if not of a liberal critic of Marx. It is however possible to take an alternative view: Nikolay Sieber (1844–1888) could in fact be considered as the first genuine Russian Marxist – more Marxist than Marx himself. This is not an issue of who comes first in historiography. This alternative view reevaluates the theoretical and historical impact of Sieber’s 1871 dissertation, “David Ricardo’s Theory of Value and Distribution”, with an emphasis on four dimensions: the relationships between Marx and Sieber, the perception the link between Ricardo and Marx, the role of Hegelian dialectics, and the study of the Russian economy. This is done with a particular historical context in mind – that of early Marxism and revolutionary circles in Europe in the 1870s and 1880s. The materials found in the archives – in Russia, in Switzerland, in the Ukraine and in Netherlands – in the framework of a collective project, with Raskov, Shirokorad, D’Onofrio and Dubyansky, participate to this new view on the role of Sieber in early Russian Marxism. Eventually, the best characterisation of Sieber is perhaps as a Russian Engels.

REFERENCES

- Aksel'rod P.B.* (1923). *Perezhitoe i peredumannoe*. Berlin: Izd. Z. I. Grzhebina.
- Allisson F.* (2016). N. I. Ziber – Vljatel'nij uchenyj-odinochka // *Terra Economicus* 14 (4).
- Allisson F.* (2015). *Value and Prices in Russian Economic Thought: A Journey inside the Russian Synthesis, 1890–1920*. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Bühler, Roman, Heidi Gander-Wolf, Carsten Goebrke, Urs Rauber, Gisela Tschudin, and Josef Voegeli.* (1985). *Schweizer in Zarenreich. Zur Geschichte Der Auswanderung Nach Russland*. Zürich: Verlag Hans Rohr.
- Bunge N.Kh.* (1869). “Osnovanija Politicheskoi Èkonomii: Potrebnosti, Proizvodstvo, Razdelenie Truda, Obmen, Dokhody i Ikh Naznachenie.” *Universitetskie Izvestie (Kieva)* 12-1-2-3-4: 1–35, 1–34, 1–19, 1–39, 1–12.
- Cekhanoveckij G.M.* (1866). “Kratkij Obzor Politicheskoi Èkonomii” *Universitetskie Izvestie (Kieva)* 3 and 4: 1–44 and 1–33.
- Chuprov A.I.* (2009). *Rossiya Vchera i Segodnya*. Moskva: Russkij Mir.
- Dubyansky A.N.* (2016). Зибер и Воронцов о капиталистическом пути развития России // *Terra Economicus* 14 (4): 107–118.
- Janzhul I.I.* (2005). *Vospominaniâ I. I. Ânzhula o Perezhitom i Vidennom v 1864–1909 Gg.* In *Izbrannye Trudy*, edited by M. G. Pokidchenko and E.N. Kalmychkova, 29–356. Rossijskaâ Èkonomicheskâ Mysl'. Moscow: Nauka.
- Kleinbort L.N.* (1923). *Nikolai Ivanovich Ziber*. Petrograd: Kolos.
- Kulyabko-Koreckij N.G.* (1931). *Iz Davnikh Let: Vospominaniya Lavrista*. Moskva: izd. Polit-katorzhan.
- Marx Karl.* (1873). Afterword to the Second German Edition. In: *Capital: A Critique of Political Economy. Volume I: The Process of Capitalist Production*, 16–26. New York: The Modern Library.
- Masoero A.* (1995). “Paysages sociaux et itinéraires de formation: Les voyages d'études des économistes russes à l'étranger, années 1860 et 1870.” *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants* 36 (1): 7–35.
- Naumov D.B.* (1930). *Nikolaj Ivanovich Ziber Iz Istorii Ehkonomicheskoi Mysli Na Ukraine i v Rossii*. Kiev: izd. «Proletarii».
- Pokidchenko M.* (2017). *Plekhanov kak istorik obshchestvenno-ekonomicheskoi mysli. Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 18(4).
- Polyanskij F.Y.* (1965). *Plekhanov i Russkaya Ehkonomicheskaya Mysl'*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

- Raskov D.E.* (2016). N. I. Ziber kak kabinet'nyj èkonomist-antropolog. *Terra Economicus* 14 (4).
- Raskov D.E.* (2018a). Kem byl N.I. Ziber? Kontekst intellektual'noj biografii // *Voprosy èkonomiki*. No. 4. Pp. 111–128.
- Raskov D.E.* (2018b). Networks, Fields, and Political Economy in Fin-De-Siècle Russia: The Life and Work of Nikolai Sieber. In: *Jeffrey K. Hass, Re-examining the History of the Russian Economy. A New Analytic Tool from Field Theory*, Chap. 5. Pp. 97–125. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Remy Johannes.* (2007). The Value Circular and Censorship of Ukrainian Publications in the Russian Empire (1863–1876): Intention and Practice. *Canadian Slavonic Papers* 49 (1–2): 87–110.
- Reuel' A.L.* (1956). N.I. Ziber Kak Nauchnyj i Obshestvennyj Dejatel' v Rossii 70-Ikh i Nachala 80-Kh Godov XIX Veka. In: *Russkaja Èkonomičeskaja Mysl' 60-70-Kh Godov XIX Veka i Marksizm*. Moskva: Gospolitizdat.
- Rezul' Ja.G.* (1931). N. I. Ziber (Bibliografija). *Katorga i Ssylka* 7: 142–74.
- Romanovich-Slavatinskij A.B.* (1903). *Golos Starogo Professora Po Povodu Universitetskih Voprosov*. 2nd ed. Kiev.
- Shirokorad L.D.* (2018). N. Ziber i K. Marks v Istorii dorevoljucionnoj rossijskoj èkonomičeskoj mysli // *Voprosy èkonomiki*. No. 4. Pp. 95–110.
- Sieber N.I.* (1871). *Teoriâ Cennosti i Kapitala Rikardo s Nekotorymi Iz Pozdnejših Dopolnenij i Raz'âsnenij*. Kiev: Univ. Izd.
- Sieber N.I.* (1883). *Očerki pervobytnoj èkonomičeskoj kul'turoj*. Moscow: K.T. Soldatenkov.
- Sieber N.I.* (1885). *David Rikardo i Karl Marks v ih obshestvenno-èkonomičeskikh issledovanijah*. St. Petersburg: Tip. M.N. Stasjulevich.
- White James D.* (2018). *Marx and Russia*. London: Bloomsbury.

Gilles Jean-Pierre CAMPAGNOLO

CNRS /AMSE (Centre National de la Recherche Scientifique /
Aix-Marseille School of Economics, Aix-Marseille Université)

THE CASE OF CARL MENGER AND HIS DISCIPLES
IN FRANCE: HOW HARDLY AUSTRIAN ECONOMICS
SPREAD THERE

Father of the “Austrian” Marginalist revolution and founder of the so-called “Austrian School of economics”, Carl Menger had a mixed reception in different periods of French economics. Somehow welcomed in the early days, he was rather forgotten later on. Even his major works were not published in translation until recently (his major methodological treatise, the *Investigations* of 1883 was only fully translated and commented in 2011 by the author of this paper). Why is there such a situation in France? This extends to Menger and to his disciples. The presentation bears on the French context.

In comparison to other countries, the case of France will be detailed, showing how later Austrians (like Friedrich Hayek) found a limited audience. This comparative study of economic ideas in France must start with the reception of the views by the founder and the role and impact of adopting/adapting or rejecting his views by French scholars. What place was there in the French academia for their ideas?

From Carl Menger to a “Frenchified” Charles Menger, how did Austrian economic thought disseminate in France? I shall recall the Belle-époque and an astonishing letter by Charles Rist for the Jubilee of Menger, whose works lacked a translation, which he deplored. I will use material from the archives.

Later, other Austrian members found new horizons, often in Western democracies, where they spread their views from the new academic positions they tried hard to get. France was then a haven for writers, however, France was little praised by economists. Economists whose input enhanced economic thought in different countries, to begin with the United States, did not favor France and therefore we seek the French scholars who got interested in Austrian ideas, from the origins to later periods.

The Austrian School in France is thus an issue of how “pure economics” might replace political economy while not giving space to subjective analysis. In the Interwar, with 1938 Paris Congress of “liberal thinkers, also comparing issues in philosophy as the Vienna Circle became known.

How were Austrian theories of ‘pure science’ received in Paris from the Vienna 1900, at a time of ‘Crossroads’ until nowadays through the Post-War and Cold War, until a revival since the 1990s and a mitigated rethink of economic ideas after 2008.

As a panoramic view, the French academia overall missed the “Austrian revolution” in economic thought. But it was not altogether so from the start. This situation was not only due to favoring more reference to works by French Léon Walras (in Lausanne), and we should explore the reasons why, around 1900, Menger had French readers from the higher academic circles and was valued for his new economic themes while later (and with a couple of exceptions) there was silence around Austrian views during the “short” twentieth century – if we identify it to the period 1918–1989. It is only recently, from the 1990s on – somehow differently after the 2008 so-called “Great Recession” – that scholars had more interest to study the Austrian school.

The theoretical background is provided by the theory of productive reception. One should say how institutions (private or public, legally registered or informal) gather all sorts of means and “spread the word”. This type of inquiry is pursued in

comparative sociology of economics and economic philosophy may help identify views that were adopted in relationship with such and such institutions and funding bodies. I shall present how the original Austrian framework impacted one setting, as it failed to fully take the import, the case of France.

REFERENCES

- Audier S.* (2008). *Le Colloque Lippmann: aux origines du néo-libéralisme*. Lormont: Les Bords de l'Eau.
- Caldwell B.* (1984). *Praxeology and its Critics. History of Political Economy*, 16/3. Pp. 363–379.
- Campagnolo G.* (2006). “Only extremists make Sense”: Rothbard et l'école austro-américaine dans la dispute sur l'herméneutique. Lyons: ENS-Editions.
- Campagnolo G.* (2008a). *Carl Menger, Entre Aristote et Hayek : aux sources de l'économie moderne*. Paris: CNRS Éditions.
- Campagnolo G.* (2008b). *Carl Menger. Discussed on the Basis of New Findings*, Francfort/Main & Vienna: Peter Lang.
- Campagnolo G.* (2009). *Origins of Menger's Thought in French Liberal Economists // Review of Austrian Economics*, 22(1). Pp. 53–79.
- Campagnolo G.* (2011a). *Recherches sur la méthode dans les sciences sociales et en économie politique en particulier, a full translation of the Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Ökonomie insbesondere by Carl Menger introduced, annotated and commented*. Paris: EHESS Editions.
- Campagnolo G. & Tosi G.* (2011b). “L'origine de la monnaie: une relecture à partir de la traduction française de *On the Origin of Money* (1892). In: *Campagnolo G. (Ed.) Existe-t-il une doctrine Menger?* Aix-en-Provence: Publications Universitaires de Provence. Pp. 203–237.
- Campagnolo G.* (2011c). *Introduction in Campagnolo (ed.), Existe-t-il une doctrine Menger? Aux origines de la pensée économique autrichienne*, Aix-en-Provence, Presses Universitaires de Provence (in French). Pp. 5–34.
- Campagnolo G. & Vivel C.* (2012). *Before Schumpeter: forerunners of the theory of the entrepreneur in 1900s German political economy – Werner Sombart, Friedrich von Wieser // The European Journal of the History of Economic Thought*, 19(6). Pp. 909–944.
- Fillieule R.* (2010). *L'école autrichienne de pensée économique*. Lille : Presses du Septentrion.

- Gide Ch. & Rist Ch.* (1909). *Histoire des doctrines économiques*. Paris: Dalloz.
- Gloria-Palermo (2014). *L'école autrichienne d'économie*. Paris: La Découverte.
- Hayek F. von. (1944). *Road to Serfdom*. London (1st ed.). Chicago: Chicago University Press (2nd ed.)
- Magnan de Bornier, "Comparing Menger and Böhm-Bawerk on Capital Theory" in Campagnolo, G. Carl Menger. *Discussed on the Basis of New Findings*, Francfort/Main & Vienna, Peter Lang, 2008. Pp. 217–232.
- Menger C. (1871). *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*. Vienna: Wilhelm Braumüller.
- Menger C. (1871/1951/1981). *Principles of Economics* (translated by J. Dingwall & B. Hoselitz). New York, NY: New York University Press.
- Menger C. (1883). *Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Ökonomie insbesondere*. Leipzig: Duncker & Humblot.
- Menger C. (1883/1963/1985). *Investigations into the Method of the social sciences with special reference to economics* (translated by J. Nock, edited by L. White). New York, NY: New York University Press.
- Menger C. (1883/2005). *Carl Menger Izbrannie Raboty*. Moscow: izdatel'skii dom territoria budushevo.
- Menger C. (1883/2011). *Recherches sur la méthode dans les sciences sociales et en économie politique en particulier* (a full translation of the *Untersuchungen* introduced, annotated and commented by Gilles Campagnolo). Paris: EHESS Editions.
- Menger C. (1892a). *La monnaie mesure de valeur*. *Revue d'économie politique*, 6. Pp. 159–175.
- Menger C. (1892a/2005). *Money as Measure of Value* (a full translation of Menger's essay *La monnaie mesure de valeur* introduced, annotated and commented by Gilles Campagnolo) // *History of Political Economy*, 37(2). Pp. 233–261.
- Menger C. (1892b). *On the Origin of Money* // *The Economic Journal*, 2(6). Pp. 239–255.
- Menger C. (1892b/2011b). *Sur l'origine de la monnaie* (a full translation of Menger's essay *On the Origin of Money* by G. Campagnolo). In: G. Campagnolo (Ed.) *Existe-t-il une doctrine Menger?* Aix-en-Provence: Publications Universitaires de Provence. Pp. 239–275.
- Rist Ch.* (1903). *Un nouveau livre d'Anton Menger* // *Revue d'économie politique*, 17. Pp. 888–912.
- Rist Ch.* (1904). *Économie optimiste et économie scientifique I* // *Revue de métaphysique et de morale*, 12. Pp. 643–663.

- Rist Ch.* (1907). Économie optimiste et économie scientifique II // Revue de métaphysique et de morale, 15. Pp. 596–619.
- Streissler E.* (1990). Carl Menger on economic policy: the Lectures to Crown Prince Rudolf. In: Caldwell B. (ed.). Carl Menger and his Legacy in Economics. History of Political Economy, 22 (suppl.). Pp. 31–68.
- Streissler E.* (1994). Lectures to Crown Prince Rudolf by Carl Menger. Aldershot: Edward Elgar.
- Vaughn K.* (1994). Austrian economics in America. The Migration of a Tradition. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Weber M.* (1919/1992). Wissenschaft als Beruf. In Wolfgang Mommsen (Ed.). Weber, Max, Gesamtausgabe. Bd. 17 Wissenschaft als Beruf. Tübingen: Mohr Siebeck.

Николай Ненов Неновски

Университет Пикардии им. Жюль Верна, Амьен, Франция

РАССЧИТЫВАТЬСЯ БЕЗ ДЕНЕГ:
НАТУРАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО
БУХУЧЕТА ПО О. НЕЙРАТУ И А. ЧАЯНОВУ
(Calculating Without Money: In Kind Accounting
according to O. Neurath and A. Chayanov)

Построение безденежной экономики долгое время рассматривалось не только как «утопическое» решение социального неравенства и проблем, но и как способ борьбы с экономической неэффективностью (Аисиу, 1908). В 1920-х гг. дискуссии о возможностях вычисления и учета при социализме были фундаментальными. С тех пор данная тема неоднократно изучалась (см, например: (Lavoie, 2015 [1985], De Soto, 2010)), а сегодня снова стала актуальной, особенно в условиях массового развития цифровых и децентрализованных технологий.

В этом докладе рассматривается модель натуральной экономики и безденежного счетоводства, предложенная российским экономистом А. Чаяновым, в частности, в его книге 1920/21 (и трудах некоторых из его сотрудников – А. Вайнштейна, Г. Петухова, Н. Мацкевича, Ф. Термитина). Делается это в сравнительной перспективе с Отто Нойратом, одним из самых оригинальных, но отвергнутых мыслителей начала XX в. (Mardellat, 2018). Работы Нойрата были популярны в большевистской России (см. например: (Нейрат, 1919)). Кроме того, сравнивается «натуральное» предложение Чаянова с существовавшими в то время в Советской России

(1918–1921) альтернативными «энергетическими» и «трудовыми» решениями, такими как у М. Смит, С. Клепикова, А. Вайнштейна, Х. Креве, С. Струмилина, и В. Сарабьянова.

Появление всех этих безденежных моделей рассматривается в историческом контексте, относительно роли военной экономики, коммунистической идеологии и т.д. Кроме того, по моему мнению, Чаянов сформулировал ряд современных методов оценки эффективности и бенчмаркинга, таких как непараметрические модели DEA (Data Envelopment Analysis), за полвека до их появления в середине 70-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Бруцкус Б.* (1922). Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // *Экономист*, 1 (I–IV), 2 (V–VI), 3 (VII–X).
- Вайнштейн А.* (1920). Методология учета крупных предприятий // *Народное хозяйство*. №15–16. С. 48–51.
- Вайнштейн А.* (1921). Библиография вопросов безденежного учета. В кн.: *Методы безденежного учета хозяйственных предприятий*, Труды Высшего Семинария с.-й. экономики и политики при Петровской С.-Х. Академии. Вып. № 2. С. 91–98.
- Геринг С.* (1904). Логика экономии. Основные экономические понятия с энергетической точки зрения. СПб.: тип. К.Ф. Далина.
- Клепиков К.* (1921). Опыт построения системы хозяйственных измерителей в промышленности // *Народное хозяйство*. № 3. С. 36–45.
- Наше денежное обращение. Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. / Под ред. Л. Юровского (1926). М.: Финансовое издательство НКФ СССР.
- Нейрат О.* (1919). Основы международного товарообмена // *Народное хозяйство*. №1–2. С. 4–10.
- Новожилов В.* (1924). Пределы инфляции. В кн.: *Штейн В.*, под ред., *Финансы и денежное обращение в современной России*. Ленинград–Москва: изд-во «Петроград». С. 83–121.
- Смит М.* (1921). К вопросу об измерении трудовой стоимости // *Народное хозяйство*. №3. С. 25–35.
- Чаянов А.* (1921). Понятие выгоды социалистического хозяйства (Опыт построения счетоводства социалистического хозяйства). В кн.: *Методы безденежного учета хозяйственных предприятий*, Труды

- Высшего Семинария с.-й. экономики и политики при Петровской С.-Х. Академии. Вып. № 2, 5–76.
- Штокман* (1914). Политико-экономические этюды. Ценность с энергетической точки зрения. СПб.: изд. М.В. Попова.
- Юровский А.* (2008). Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи / Под. ред. Ю. Голанда. М.: Экономика.
- Аусу М.* (1908). Les systèmes socialistes d'échange. Paris: Félix Alcan Editeur.
- De Soto J.H.* (2010). Socialism, Economic Calculation and Entrepreneurship, Cheltenham: Edward Elgar.
- Hayek F.* (2015 [1937]). Collectivist Economic Planning, edited with an Introduction and Collected Essays by F. A. Hayek, Ed. L. v. Mises Institute.
- Lavoie D.* (2015 [1985]). Rivalry and central planning. The Socialist calculation debate reconsidered, Mercatus Centre, George Mason University, Arlington.
- Nenovsky N.* (2016). The Soviets monetary experience (1917–1924) through the perspective of the discussion on unity and diversity of money, MPRA Paper No. 79864.
- Neurath O.* (2004 [1919, 1916, 1925]). Economic Writings Selection 1904–1945. Eds. T. Uebel and R. Cohen. New York: Kluwer Academic Publishers.
- Mardellat P.* (2018). L'économie de guerre et la possibilité du calcul économique socialiste : L'enjeu de la controverse entre Neurath-Weber, paper presented at the conférence Journées d'études « Les économistes et la guerre », Ecole militaire, Paris décembre.

ЧАСТЬ II

А.С. Архипова

НИУ «Высшая школа экономики»

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИЙ
МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА
В РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
(конец XIX – начало XX в.)

В конце XIX в., по словам Н.Д. Кондратьева, «Россия вплеталась тесными нитями в сеть мирового хозяйства, обнаруживая мощные и яркие признаки капиталистического развития». Тогда же и русская экономическая мысль перестала ограничиваться освоением общетеоретических категорий, выработанных западной экономической наукой, и дискуссиями о степени применимости этих категорий к русскому национальному хозяйству. Появился интерес русских ученых к систематическому исследованию процессов, происходивших в зарубежных экономиках, в первую очередь – в промышленных странах-лидерах (Англии, Франции, США, Германии), и к анализу структуры межстрановых экономических отношений.

В докладе А.И. Чупрова «О характере и причинах современного промышленного кризиса в Западной Европе» (1889) анализ общемировой ситуации «Длинной депрессии» (1873–1895) был дан в контексте процессов, которые в современной литературе называются «ранней глобализацией», или «первой волной глобальной интеграции». Чупров оперировал категориями, распространенными в современном макроэкономическом анализе, такими как безработица, ставка процента, объем торговли ценными бумагами и др., а также анализиро-

вал ситуацию на товарном, денежном и финансовом рынках, отчетливо отделяя их друг от друга, но при этом обращая внимание на взаимное влияние протекающих на них процессов. По-видимому, впервые в русской экономической мысли Чупров использовал категорию «научно-технический прогресс». Ученый обобщил последствия главных технических усовершенствований того времени (океанический и рельсовый паровой транспорт, телеграф, телефон и др.) для размещения крупного производства и установления более прямых связей между производителями и потребителями в мировом масштабе, а заодно – и для «разнузданной спекуляции», которая в «сцеплении» с НТП провоцировала мировой кризис.

Из разгоряченной полемики 1890-х гг. о перспективах капиталистической формы производства в специфических российских условиях выросли и снискавшие международную известность исследование М.И. Туган-Барановского о периодических кризисах в мировой промышленности (1894), и фундаментальный сравнительный анализ С.Н. Булгакова аграрной эволюции стран-лидеров мирового хозяйства (1899). Опираясь на свое исследование аграрного вопроса, С.Н. Булгаков затем (1906 г.) предложил первую в русской экономической литературе типологию моделей капитализма по таким критериям, как стартовые условия, значимость внешних рынков и пространственных факторов, особенности формирования трудовых ресурсов и накопления капитала. Он выделил такие типы капитализма, как первенствующий, с «односторонним развитием экспортирующей индустрии за счет земледелия» (Англия), евроконтинентальный – с гораздо большей значимостью внутреннего рынка (Германия и Франция), переселенческий – с наличием большого массива свободных земель (США) и поздний бюрократический (Россия).

Автором первой в России книги, специально посвященной мировому хозяйству, был А.А. Исаев (*Исаев*, 1910). Хотя он не претендовал на теоретическую оригинальность, новым в его исследовании был выход за рамки проблематики про-

мышленных стран-лидеров и постановка вопроса о возможности преуспевания в мировом хозяйстве стран, лишенных изобильных минеральных ресурсов для роста тяжелой промышленности, как Италия или Япония, и «малых народных хозяйств» вроде Швейцарии или Швеции. Исаев обосновывал возможность компенсации отсутствия залежей полезных ископаемых капиталистическим развитием за счет специализации на изящной продукции (мебель, часы) и инвестиций в сферу туризма (особенно в Италии и Швейцарии).

Представителями особого направления в исследовании закономерностей мирового хозяйства, основанного на концепциях финансового капитала, империализма и классовой борьбы пролетариата, были российские политэкономы-марксисты: Н. Бухарин, В. Ульянов-Ленин, М. Павлович (Вельтман) и др. После 1917 г. марксистское направление анализа мирового хозяйства вытеснило все остальные, а само оно было втиснуто в рамки формационного подхода и концепции «общего кризиса капитализма». Оно было представлено как работами партийных руководителей, так и экономистов Социалистической (затем Коммунистической) академии и созданного в 1927 г. Института мирового хозяйства и мировой политики (директор Е. Варга).

Под натиском коммунистической идеологии не смогло устоять возникшее в 1920-е гг. длинноволновое направление в исследовании закономерностей мирового хозяйства, оформленное в работах Н.Д. Кондратьева. Он поставил вопрос о больших циклах конъюнктуры именно в масштабах мирового хозяйства (1922), а затем систематизировал «эмпирические правильности» и выдвинул гипотезу об эндогенном механизме длинных волн мирового хозяйства (1924). Причем среди «эмпирических правильностей» на первое место Кондратьев поставил появление новых «стран молодой капиталистической культуры» на каждой новой длинной волне мирового хозяйства. В ходе обсуждения гипотезы больших циклов конъюнктуры С.А. Первушин выдвинул плодотворную идею о периодических гигантских структурных сдвигах

в мировом хозяйстве (1928), но развить эту идею в тех идеологических условиях не удалось.

Конечно, концепции мирового хозяйства русских экономистов конца XIX — начала XX в. в основном устарели, но многие поставленные в них вопросы не утратили актуальности. Например: «сцепление» НТП со спекуляциями как фактор, провоцирующий кризисы мирового масштаба; значение наделенности природными ресурсами для стран-лидеров и ниш для «малых народных хозяйств» на мировом рынке; типология моделей капитализма; гигантские структурные сдвиги и конъюнктурные большие циклы в мировом хозяйстве; борьба за мировую инфраструктуру и конкуренция топливных субститутов и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Булгаков С.Н. (1906). Краткий очерк политической экономии. М.: Общественная польза.
- Бухарин Н.И. (1923). Мировое хозяйство и империализм. Пг.: Прибой.
- Иванов И. (1923). Мировое хозяйство, как единый производственный организм // Вестник Социалистической академии. Вып. 6.
- Исаев А.А. (1910). Мировое хозяйство. СПб.: типо-лит. Шредера.
- Кондратьев Н.Д. (1990). Михаил Иванович Туган-Барановский // Истоки. Вып. 2. М.: Экономика.
- Кондратьев Н.Д. (2002). Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика.
- Павлович М.П. (1925). Собрание сочинений. Том II. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. Л.: Госиздат.
- Первушин С.А. (1929). Экономические барометры и пути конъюнктурного прогноза // Плановое хозяйство. № 6.
- Чупров А.И. (1889). О характере и причинах современного промышленного кризиса в Западной Европе. Речь на торжественном собрании Московского Университета 12 января 1889 г. М.: Унив. Тип.

А.В. Бузгалин

МГУ им. М.В. Ломоносова

ЗАКАТ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА:
ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОТВЕТ
НА ВЫЗОВЫ XXI В.

В докладе показано, что закат неолиберализма и нарастание новой консервативной волны объективно обусловлены. Господствующая в настоящее время модель позднего капитализма, которая привела к господству рынка симулякров, финансиализации и стагнации («новая нормальность»), не может обеспечить прогресс производительных сил, которые стоят на пороге не просто очередной технологической революции, но качественного изменения — генезиса экономики, в которой определяющую роль будет играть не репродуктивный, а творческий труд. Не реиндустриализация, а грядущая креативная революция обуславливает необходимость как минимум глубокого реформирования господствующей в настоящее время социально-экономическую системы. Отсутствие этих изменений чревато консервативным регрессом экономики и общества. В докладе, с опорой на обновленную классическую марксистскую методологию, обоснован этот вывод и систематизированы главные направления реформирования системы экономических отношений, отвечающих на вызовы, возникающие в связи с прогрессом производительных сил.

Автор опирается на методологию классической политической экономии, которая позволяет дать ответы на вопросы:

1) о природе и закономерностях возникновения, развития и заката системы производственных отношений так называемой рыночной экономики (капитализма);

2) о содержании и формах системы производственных отношений так называемой рыночной экономики, в том числе раскрыть:

- основы ценообразования (проблема издержек) и проблемы снятия рыночного ценообразования (цена как норматив, а не результат стихийного соотношения спроса и предложения);
- исторически-конкретную сущность «экономического человека», причины и пределы товарного и денежного фетишизма;
- причины и природу вещиизма и общества потребления, общества симулякров;
- экономическую природу и роль государства в капиталистической экономике на разных этапах ее развития;
- природу, функции и закономерности обращения денег, в том числе «формулу» количества денег в обращении;

3) о природе позднего капитализма затрагивающего:

- стимулы, специфику и пределы развития капиталом современных производительных сил, в том числе природу так называемой «экономики знаний», «креативной экономики», «человеческого капитала», «социального капитала» и т. п., пределы интеллектуальной частной собственности;
- природу и противоречия глобального капитала (геоэкономический дискурс противоречия труда и капитала; природа и причины глобальных проблем и т.п.);
- причины возникновения, природу, формы противоречия социализации капитализма, в том числе противоречия капитала и наемного труда и пути его снятия (социальные реформы и революции);
- закономерности воспроизводства, в том числе кризисов и цикличности, концентрации и централиза-

ции капитала («слияния и поглощения»), неравенства и бедности, экономические основы социальной структуры современного капитализма;

- природу и противоречия, а также причины генезиса и заката экономик «реального социализма» и природу новых посткапиталистических экономических форм (экономика солидарности, викиномика, сору left...).

Неолиберальный тип позднего капитализма возник в конце XX в. в качестве реакции на вызовы производительных сил, своими корнями уходящих в предшествующий тип капитализма (преимущественно социал-демократический) и «реального социализма». Именно эти производительные силы – продукт НТР – привели передовые страны к такому типу экономики, где человек может взять на себя функции по преимуществу творческой деятельности, в результате чего излишним становится наемный труд, а следовательно – и капитал как его alter ego.

На определенном этапе существующие социально-экономические отношения не смогли обеспечивать дальнейшие качественные сдвиги в научно-техническом прогрессе, и реальностью стала стагнация обеих мировых систем (неолиберального капитализма и «реального социализма»).

В силу определенных причин в обоих «мирах» реакцией на эту необходимость стала не прогрессивная революция, а реверсивная социальная инволюция: победила неолиберальная модель позднего капитализма (в странах бывшей мировой социалистической системы – периферийного и полупериферийного типа).

Результатом победы этой модели стало замедление прогресса человеческих качеств и материального производства, с одной стороны, и развитие в первую очередь производительных сил, которые способствовали ускоренной аккумуляции капитала в непроизводительных секторах, – с другой. Основными сферами роста, как известно, оказались финансовый сектор, торговля и маркетинг, различные формы посредничества, услуг для бизнеса, досуга и т. п.

Концентрация креативного потенциала преимущественно в этих секторах вызвала трансформацию основного направления эволюции производительных сил. На протяжении более четверти века качественные изменения последних были направлены на: а) создание, хранение и передачу информации и б) создание и навязывание потребителю симулятивной новизны (маркетинг, реклама, пиар и другие сферы «креативного бизнеса»). Эти, адекватные задачам прогресса преимущественно финансового капитала, производительные силы вызвали пусть медленные, но все же изменения в материальном производстве и человеческих качествах. Несколько десятилетий спустя наиболее развитые экономики на новом уровне и теперь уже, похоже, гораздо серьезнее, столкнулись с той же, что и в 1980-е гг., проблемой: массовый творческий труд возможен и необходим, а современные формы капитала, прежде всего финансового, не могут обеспечить его достойное (вызывающее активный прогресс производительности труда и человеческих качеств) использование и сами переживают период стагнации.

На наш взгляд, для ответа на современные вызовы в социально-экономической сфере речь должна идти о гораздо более глубоких изменениях, нежели дополнение существующей неолиберальной модели позднего капитализма (с его гегемонией финансового капитала) обновленным промышленным сектором при некотором сдвиге баланса сил от транснационального капитала бесполезного сектора к национальному капиталу реального сектора. Главная проблема в данном случае — изменения системного характера, причем, прежде всего, в производственных отношениях и, как следствие, институтах, которые станут адекватным ответом на изменения в производительных силах, на переход от общественного производства, основанного на преимущественно репродуктивном труде (в том числе индустриальном) к производству, основанному на массовой креативной деятельности, причем не в бесполезном, а в реальном секторе — в креатосфере.

Перед поздним капитализмом возникает вызов: или, как минимум, смена модели развития, или тупик, выход из которого будет либо революционным, либо контрреволюционным. Ни консервация status quo, ни простой возврат назад, к социал-демократической модели «славных 1960-х», этой проблемы не решат.

Речь, тем самым, идет как минимум о реформировании, которое станет своего рода «отрицанием отрицания» социал-демократических сдвигов второй половины XX в. и сможет решить (на время — капитализм не вечен) задачи, неотрегулированные 30 лет назад. Главная из них — перенаправить использование творческого потенциала человечества на создание условий развития, ориентированного на приоритетное решение социальных, гуманитарных, культурных и экологических проблем.

В рамках системы отношений тотального рынка и гегемонии финансового корпоративного капитала такое изменение может быть только частичным, неполным и противоречивым. Причем даже такое реформирование хотя и возможно, но маловероятно, ибо реформы должны быть глубокими, требующими значительного перераспределения экономико-политической власти и богатства от корпоративного капитала к обществу. Эти реформы должны интенсифицировать (а не тормозить, как в последние десятилетия) начавшийся в XX в. процесс частичного привнесения в систему производственных отношений позднего капитализма ростков, элементов, переходных форм пострыночных и посткапиталистических отношений. Эти элементы могут частично и на время компенсировать неадекватность существующих капиталистических отношений объективно сформировавшейся потребности в новом качестве технологического, человеческого и социального развития и приблизить человечество к посткапиталистической эре.

ЛИТЕРАТУРА

- Бузгалин А.В. (2017). Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. № 7. С. 43–53.
- Возрождение России. № 1. С. 17–21.
- Глазьев С.Ю. (2010). Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика.
- Гринберг Р.С. (2017). Экономика мира и России: тренды, шансы, риски. М.
- Клейнер Г. (2017). От «экономики физических лиц» к системной экономике // Вопросы экономики. № 8. С. 56–74.
- Ленчук Е.Б. (2016). Курс на новую индустриализацию – глобальный тренд экономического развития // Проблемы прогнозирования. №3. С. 132–143.
- Пороховский А.А. (2016). Политическая экономия в XXI веке: системный подход в решении проблем современной экономики // Вопросы политической экономии. № 4. С. 8–22.
- Arthur Ch.J. (2002). The new dialectic and Marx's capital. Leiden–Boston: Brill.
- Galbraith J.K. (2012). Inequality and instability: A study of the world economy just before the great crisis. London: Oxford University Press.
- Harvey D. (2014). Seventeen contradictions and the end of capitalism. Oxford University Press.
- Kotz D.M. (2015). The rise and fall of neoliberal capitalism. Cambridge, Mass. and London, England: Harvard University Press.
- Schwab K. (2017). The fourth industrial revolution. New York: Crown Business.

Ю.В. Вымятина

Европейский университет в Санкт-Петербурге

MODELLING INFLATION PERCEPTIONS:
APPLYING ALLAIS' METHOD TO SOVIET
HYPERINFLATION OF 1921–1924
AND POST-SOVIET PERIOD OF 1991–2017

Motivation and brief literature review

Nowadays one of the most often found monetary arrangements is inflation targeting by the Central Bank. According to a recent IMF review, 40 CBs are on proper inflation targeting, and a number of others are on the way to it (IMF, 2018). This makes inflation expectations one of the most important issues for policy-makers. However, inflation expectations are difficult to measure, and existing techniques based on surveys are often criticized. While new methods of extracting inflation expectations are suggested (e.g. *Goloschapova and Andreev, 2017*), it might be a good idea to look back at the alternative suggested in 1950s by Maurice Allais. Though his Nobel prize was for his pioneering contributions to the theory of markets and efficient utilization of resources, one of his ideas that might be still relevant today, was modelling what he called 'inflation perceptions' under various dynamics of price level, including hyperinflations.

This latter feature makes the approach suggested by Allais even more appropriate to various situations when a country had a (relatively) recent episode of hyperinflation in its history. Traditionally, hyperinflations are studied on their own with a special attention paid to modelling money demand in some specific way. While inflation expectations are needed for modelling money demand during hyperinflations, most papers follow, in a more or less sophisticated version, the idea suggested by Cagan

in his seminal 1956 paper, according to which inflation expectations are adaptive and, for empirical purposes, can be expressed as exponential averaging of historic growth rates of prices. It has been shown later that this ad hoc formulation could be reduced to rational expectations under certain conditions – ‘one essential condition is the presence of feedback from inflation to subsequent rates of money creation’ (*Sargent and Wallace, 1973*). After that empirical literature on hyperinflation was mostly trying to check the assumption of rational expectations using more and more advanced econometrics (e.g. *Christiano 1987, Taylor and Phylaktis 1992, Engsted 1993*). However, all these studies viewed hyperinflations as separate and rather isolated episodes in the economic history, following Cagan’s statement that ‘relation between monetary factors can be studied therefore in what almost amounts to complete isolation from the real sector of the economy’ (*Cagan, 1956*. Pp. 25).

Allais’ contribution in this respect is two-fold. First of all, he considers hyperinflations as part of the continuous history in which economic agents do not just switch to a new currency and forget hyperinflation episode, but retain a long-term memory of hyperinflation that might for decades influence monetary policy and inflation expectations of the populace. On the basis of this reasoning Allais suggests a special technique of dealing with this issue by considering two types of time – calendar time and psychological time. Calendar time is what we are used to and it is measured in normal units of time – a month, a year, etc. Psychological time reflects the fact that nominal variables do matter (which is a second important contribution of Allais). Namely, psychological time is related to how a representative economic agent might perceive the timing of his economic activity and it is in accordance with the price level changes. If the price level changes very little, psychological time pace is close to the calendar time. When prices change very often, economic agents have to reconsider their decisions much more often, which leaves them with the impression that the time has been compressed, and in a unit of calendar time they live several

units of psychological time. This approach allows for modelling inflation expectations consistently throughout both periods of high inflation and low inflation (and even deflation), and also accounts for the fact that economic agents have memory of past price changes, and the more drastic price changes used to be, the longer it takes for them to die out. Allais' method application to cases of hyperinflation in Russia in 1920s and 1990s

We use Barthalon's (2014) reconstruction of Allais' method to produce inflation perceptions for two cases of hyperinflation in Russian history – Soviet hyperinflation of 1920s and Russian hyperinflation of 1990s. In Allais' formulation, demand for money can be seen as: $M_D(t) = k(t)D(t)$, where $M_D(t)$ is demand for nominal money at time period t , $k(t)$ is 'Cambridge k ', which is an inverse of the velocity of money and is time-varying, and $D(t)$ is total nominal spending at time t . Allais relates $k(t)$ – desired nominal money balances relative to total spending – to the variable $Z(t)$ which he calls 'the coefficient of psychological expansion'. This coefficient represents present value of past nominal growth rates of the variable in question (exponential averaging). $Z(t)$, in turn, depends on the variable $\chi(t)$ representing time-varying rate of memory decay. The relation between $k(t)$ and $Z(t)$ is inverse, making $Z(t)$ analog of discount factor. In a stable environment the duration of memory will be longer (and the rate of memory decay will be lower) than in unstable environment when experience from a very distant past will be much less relevant than from the most recent episodes.

On the basis of these ideas by Allais, Barthalon formulates the set of recursive equations that allows for a simple algorithm to construct inflation perceptions (Barthalon, 2014. Pp. 76–77). This system ensures that 'forecasts' or 'perceptions' are formed only for the next period. This makes sense from the psychological point of view – more or less reliable forecast can be made one step ahead, while further forecasts have to wait until more information is known. Comparing Allais' mechanism for the formation of inflation perceptions with the rational expectations

idea we can see that Allais comes close to it – past information (though on just one parameter – past nominal growth rates) is utilized in his mechanism, but the more distant past bears lower weight, which seems logical.

We have applied Allais' method of modelling inflation 'perceptions' to various indicators of inflation for Russia of 1920s and for Russia of 1990s. We have found out that the method works reasonably well in the meaning that modelled inflation 'perceptions' do adjust to the changing level of actual inflation. The higher is the level of actual inflation, the higher is the accuracy of modelled inflation 'perceptions'.

For the Soviet inflation of 1920s we have comprised several inflation series using various statistical sources to check if the results are robust, and also to account for potential inaccuracies in inflation measurement in those years. For the two currencies – hyperinflationary Sovznak and stable chervonets – we produced three inflation indicators (for each currency) to check for consistency.

For the inflation indicators of 1920s (unit of account – Sovznaki) it has been found that inflation perceptions were underestimating inflation more often than overestimating it. Among the possible explanations of this fact are: late availability of information on actual inflation and a better knowledge of price changes of a product in which particular economic agents trade. The latter hypothesis has been confirmed by modelling inflation perceptions for separate goods during 1920s.

For the inflation indicators of 1920s (measured in chervonets) and for inflation indicators of 1990s it has been found that inflation perceptions systematically 'overshoot' actual inflation. This can be explained by the fact that inflation erodes purchasing power of money, and an estimate of the rate of memory decay about this shows that in both cases it would take more than 40 years to make economy to forget about the past hyperinflation episodes (providing no new periods of high inflation).

The dynamics of inflation perceptions based on Allais' method correlates closely with the dynamics of inflation

expectations measured for the Bank of Russia, suggesting that the method is potentially useful in terms of providing data for the forward-looking models.

However, there are several questions that have to be considered: the issue of seasonality in inflation data, the issue of information available to economic agents when forming inflation perceptions, the issue of relating the process of inflation perceptions process to money demand, and relations of the latter with money supply.

REFERENCES

- Bartalon E.* (2014). *Uncertainty, Expectations and Financial Instability: Reviving Allais' Lost Theory of Psychological Time*. New-York: Columbia University Press.
- Cagan P.* (1956). The monetary dynamics of hyper-inflation, in *Studies in the quantity theory of money*, ed. Milton Friedman. Chicago: University of Chicago Press.
- Christiano L.J.* (1987). Cagan's Model of Hyperinflation under Rational Expectations // *International Economic Review*, 28(1). Pp. 33–49.
- Engsted T.* (1994). The Classic European Hyperinflations Revisited: Testing the Cagan Model Using a Cointegrated VAR Approach // *Economica, New Series*, 61(243). Pp. 331–343.
- Goloschapova I., Andreev M.* (2017). Estimation of inflation expectations of Russian population by using machine learning methods // *Voprosy Ekonomiki*. No 6. Pp. 71–93. (in Russian).
- IMF (2018). *Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2017*, April 30. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Phylaktis K., Taylor M.P.* (1992). The Monetary Dynamics of Sustained High Inflation: Taiwan, 1945–1949 // *Southern Economic Journal*, 58(3). Pp. 610–622.
- Sargent T.J., Wallace N.* (1973). Rational Expectations and the Dynamics of Hyperinflation // *International Economic Review*, 14(2). Pp. 328–350.

В.В. Дементьев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ВЛАСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В последние годы в экономической литературе появился целый ряд фундаментальных работ, в том числе представителей неоклассического и неинституционального направления, в которых распределение власти (и в частности, насилия) рассматривается как главный фактор, определяющий динамику и устойчивость экономического развития (*Acemoglu, Robinson, 2012*). В связи с этим возникает необходимость нового прочтения проблемы власти и переосмысление концепции экономической власти, ее роли и значения в экономическом анализе. В самом общем виде власть представляет собой определенный аспект в отношениях между людьми, который состоит в способности «одного человека или целой группы навязывать свои цели другим» (*Гэлбрэйт, 1976. С. 126*).

Власть представляет собой феномен экономической жизни общества, факт наличия которого не подвергается сомнению. Отношения между экономическими агентами, как и всякие социальные отношения, включают в себя властную составляющую. «Власть, — пишет Э.Тоффлер, — неизбежная часть процесса производства, и это истина для всех экономических систем, капиталистических, социалистических и вообще каких бы то ни было» (*Тоффлер, 2001. С. 53*). Таким же бесспорным фактом хозяйственной действитель-

ности является и то влияние, которое оказывает власть на экономическое поведение людей, его содержание и результаты. Б. Расселл отмечал, что власть является фундаментальным понятием в общественных науках в том же смысле, в каком энергия является фундаментальным понятием в физике (*Russell*, 2000. Р. 9).

В экономической теории к проблеме власти сложилось противоречивое отношение. На одном полюсе находятся экономисты, которые включают власть в предмет экономического анализа и рассматривают ее как фактор, который оказывает существенное влияние на хозяйственную жизнь общества. К. Rothschild характеризует этих экономистов как «power-minded economists and schools» (*Rothschild*, 1971. Р. 15). Сюда относятся представители марксистской школы, традиционного институционализма, теории хозяйственного порядка, социально-институциональной теории (французская школа).

В. Ойкен отмечал, что «первой задачей национальной экономики является открытие конкретных фактов, обоснующих экономическую власть, и исследование действительного влияния экономической власти» (*Ойкен*, 1996. С. 337). В работах Ф. Перру власть рассматривается как основополагающий принцип хозяйственной деятельности (*Perroux*, 1971; *Vocage*, 1985). Для институционалистов центральной экономической проблемой являются организация и контроль над экономикой, которые есть результат ее структуры власти (*Samuels*, 1989. Р. 110).

На другом полюсе — экономические концепции, отрицающие значение концепта «власть» для экономического анализа. Неоклассическая школа отрицательно относится к включению проблемы власти в предмет экономического анализа. Власть (принуждение) рассматривается как «посторонний фактор для производства», действие которого вызванное внешними для экономики силами, или как отклонение от нормального (естественного) состояния экономической системы. «В ортодоксальной неоклассической теории стандартная предпосылка состоит в том, — пишет П. Бардхан, — что

использование власти отсутствует у обеих сторон, добровольно вступающих во взаимодействие» (*Bardhan*, 1991. Р. 266).

Методологическим препятствием для включения проблемы власти в предмет экономического анализа являются поведенческие предпосылки неоклассической теории. Общее экономическое равновесие в модели Вальраса предполагает наличие равенства между экономическими агентами и, соответственно, отсутствие социальных ограничений для свободного выбора и добровольности в транзакциях между ними. Социальные препятствия для свободного обмена в виде принуждения в данной модели отсутствуют. Все транзакции свободны и добровольны. Момент неравенства и принуждения в обмене рассматривается как отклонение от нормального состояния, вызванное силами, внешними по отношению к экономической жизни. Феномен власти (в том числе монопольной рыночной) носит преходящий характер, значением которого можно пренебречь.

Пренебрежение проблемой власти в хозяйственной жизни имеет не только теоретические, коренящиеся в методологических основаниях неоклассической экономической теории причины, но и определенные идеологические. Либеральная доктрина превратилась в средство идеологического обоснования и хитроумного оправдания неограниченной экономической мощи, находящейся в распоряжении отдельных лиц. По этому поводу В. Ойкен высказался следующим образом: «Мы, экономисты, должны приподнять занавес, которым идеологии, отражающие интересы различных групп, прикрыли концентрацию экономической власти и борьбу за экономическую власть» (*Ойкен*, 1996. С. 251).

Экономический мир неоклассической теории как мир без власти и принуждения — не более чем утопия. Реальный экономический мир — это мир неравных (асимметричных) отношений, мир отношений между такими агентами, которые занимают неравные позиции в обмене и имеют неравные возможности подчинять (принуждать) друг друга. Равенство в экономической жизни, а равно и отсутствие вла-

сти, есть теоретическая абстракция и имеет место в реальной экономической жизни, скорее, как исключение, нежели как правило. В экономической системе доминируют отношения, включающие в себя власть и принуждение одного другим. В этом смысле не отсутствие власти, а именно ее наличие в отношениях между экономическими агентами можно рассматривать как «естественное состояние» экономической организации общества. Таким образом, экономическая система выступает как система власти. Власть существует не только «вне», «наряду» или «над» экономическими взаимодействиями (власть государства), власть — это еще и элемент, сторона, аспект, атрибут экономических взаимодействий: отношений обмена, найма, организации и управления производством; распределительные отношения также включают в себя властную составляющую. «Вся человеческая жизнь, — замечает Э. Тоффлер, — сводится скорее к “властным отношениям”, чем к “денежным отношениям”» (Тоффлер, 2001. С. 55).

Экономическую систему невозможно понять без объяснения того, кто, над кем, в какой мере и с какими целями осуществляет власть.

Противоречие между неудовлетворительным отражением проблемы власти в ортодоксальной экономической теории, с одной стороны, и очевидным значением фактора власти в хозяйственной жизни — с другой, порождают постановку вопроса о создании теории экономической власти (политической экономии власти) или, более широко, экономической теории, основанной на власти («power-based economic theory»).

При этом имеются достаточные основания согласиться с В. Ойкеном в том, что принципиальной несовместимости экономической теории и феномена экономической власти не существует. «Если экономическая теория разработана правильно, — пишет он, — то она не только совместима с проявлениями экономической власти, но и абсолютно необходима ... для познания феномена экономической власти» (Ойкен, 1996. С. 251–252).

Исследование проблем власти предполагает отказ от неоклассических предпосылок для базовой модели выбора экономических агентов и включение в поведенческую модель фактора неравенства, силы и, далее, ограниченной добровольности обмена. Для объяснения власти «недостаточно понять теорию добровольного обмена: мы должны также понять логику силы» (*Olson, 2000. P. 2–3*).

Эвристическая ценность политической экономии власти связана с тем, что реальный экономический мир — это мир неравных отношений по преимуществу. В экономической жизни отсутствуют такие механизмы, которые способствовали бы установлению равенства между экономическими агентами и исключению власти между ними. Поэтому именно неравенство можно рассматривать как «естественное состояние» экономической жизни. Можно согласиться с тем, что «экономическая реальность есть сеть, множество явных или скрытых властных отношений, сеть взаимодействий между неравными силами, т. е. доминирующими и доминируемыми (подчиненными) партнерами» (*Vosage, 1985. P. 30*). Равенство — есть идеальная мыслительная конструкция, причем такая, которая имеет ограниченную сферу применения. Поскольку, если механизмы, обеспечивающие действие тенденции к реализации данной конструкции в хозяйственной жизни, отсутствуют, то последняя, будучи перенесенная в сферу экономической политики, становится утопией. Таким образом, экономику целесообразно рассматривать как систему власти, которая характеризуется определенным ее распределением, иерархией и борьбой за власть, а также определенным равновесием власти.

Анализ феномена экономической власти должен способствовать поиску ответа на вопрос — в чем состоит общественно необходимый порядок власти: кто, над кем (чем), в каких пределах, какими методами и ради достижения каких целей должен осуществлять власть в экономической жизни общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Гэлбрэйт Дж.К. (1976). Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс.
- Ойкен В. (1996). Основы национальной экономики. М.: Экономика.
- Тоффлер Э. (2001). Метаморфозы власти. М.: ООО «Издательство АСТ».
- Acemoglu D.; Robinson J. (2012). Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty. New York: Crown Business.*
- Bardhan P. (1991). On the Concept of Power in Economics // Economics and Politics. Vol. 3. November. Pp. 265–277.*
- Bocage D. (1985). General Economic Theory of Fracois Perroux. Lahman: University Press of America.*
- Olson V. (2000). Power and Prosperity: outgrowing communism and capitalist dictatorships. New York: Basic books.*
- Perroux F. (1971). The Domination Effect and Modern Economic Theory // Power in Economics / Ed. by K.W.Rothschild. Harmondworth: Penguin books. Pp. 56–73.*
- Rothschild K. (1971). Introduction / Power in Economics / Ed. by K.W. Rothschild. Harmondworth: Penguin. Pp. 7–17.*
- Russell B. (2000). Power. London and New York: Routledge.*
- Samuels W. (Ed.) (1989). Economy as a System of Power. New Brunswick: Transaction Publishers.*

А.Н. Дубянский

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОЯВЛЕНИЕ ИДЕЙ КАМЕРАЛИЗМА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е.Ф. КАНКРИНА
НА ПОСТУ МИНИСТРА ФИНАНСОВ РОССИИ

Принято считать, что как экономическое учение и как разновидность экономической политики камерализм возник в Германии в середине XVII в., являясь немецкой разновидностью меркантилизма. Обычно под камерализмом подразумевают политику накопления денежных средств внутри государства для достижения экономической независимости и самообеспечения. При этом основной упор делается на стимулирование доходных статей бюджета. Для германских княжеств в XVII в. такая политика была особенно актуальна ввиду их сложного экономического положения и невозможности накапливать значимые денежные средства за счет налогов. Кроме того, камерализм может пониматься и как экономическое мировоззрение или идеология, а также он может рассматриваться и в качестве академической дисциплины, ориентированной на формирование соответствующей идеологии бюрократической элиты.

В России имплементация идеологии камерализма происходила подспудно в XVIII — начале XIX в. Термин меркантилизм в российских условиях для обозначения проводимой в стране экономической политики не использовался. В качестве наиболее яркого представителя этого направления экономической мысли в России можно назвать Е.Ф. Канкрин (1774–1845).

На посту министра финансов Российской империи в 1823–1844 гг. во времена правления императора Николая I Канкрин проводил камералистскую по своему содержанию денежно-кредитную политику. Это утверждение не разделяется большинством исследователей, считавших Канкрин в первую очередь практиком, но никак не теоретиком. Исключение составляет американский исследователь К. Мондэй (*Мондей*, 2018), однозначно считающий Канкрин камералистом.

Однако если судить по тем экономическим мероприятиям, которые инициировал Канкрин, то можно утверждать, что его экономическая политика всецело находится в русле меркантилизма. В качестве доказательства можно привести его позицию в денежно-кредитной политике, проводившейся в начале XIX в. в России. Следует отметить, что в это период в стране существовало параллельное денежное обращение, предполагающее одновременное обращение двух независимых валют, а именно — ассигнаций и серебряного рубля.

С точки зрения экономической теории и хозяйственной практики параллельное обращение является нарушением основополагающих принципов денежного обращения и, следовательно, должно быть искоренено. Действительно в России в результате параллельного обращения возникли так называемые простонародные лажи, приносившие немало неудобств для пользователей денег. В тот период в России наблюдались значительные трудности в осуществлении фискальных платежей в казну, потому что в обращении находилось два типа платежных средств: ассигнации и монеты из драгоценных металлов, а все платежи должны были проводиться только ассигнациями. В разных районах страны периодически происходило скачкообразное повышение курса ассигнаций на внутренних рынках, эти колебания курса получили название «простонародных лажей» (*Дубянский*, 2012).

Термин «лаж» происходит от итальянского слова *aggio* (ажжо), которое обозначает превышение рыночной цены валютных курсов, золота, векселей и других ценных бумаг над установленным номиналом.

Данное обстоятельство не смущало российского министра финансов, и он не предпринимал никаких мер для исправления существующего положения дел. Несмотря на тяжесть экономического положения, Канкрин не сразу приступил к реформе. Он считал, что вначале необходимо стабилизировать финансовое положение страны, накопить необходимые золотосеребряные резервы для укрепления рубля. Именно при Е.Ф. Канкрине в России появился бюджет в общепринятом смысле слова, т. е. финансовый план страны в виде баланса доходов и расходов. К слову сказать, в его бытность министром финансов бюджет, как правило, был бездефицитным, что в условиях России всегда было тяжело достигнуть. Главным средством борьбы с бюджетным дефицитом Канкрин считал сокращение государственных расходов. В первую очередь были урезаны завышенные запросы военных на бюджетные расходы.

Кроме того, Канкрин считал, что изменение денежно-кредитной сферы должно проходить в контексте общеэкономических реформ, а не быть самоцелью. Одним из самых действенных рычагов в экономических преобразованиях он считал политику протекционизма.

В результате такой «неправильной» экономической политики, но камералистской по своей сути, удалось аккумулировать собственные необходимые средства в серебре для проведения денежной реформы в 1839–1843 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Дубянский А.Н. (2012). Простонародные лажи в денежном обращении России в XIX веке // ЭКО. №10. С. 179–188.
- Мондей К. (2018). Камерализм как источник научного аппарата Е.Ф. Канкрин / Канкрин Е.Ф. Мировое богатство и национальная экономика. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

И.И. Елисеева

Социологический институт РАН,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет

**А.А. ЧУПРОВ:
ЗАРОЖДЕНИЕ СТОХАСТИЧЕСКОЙ
СТАТИСТИКИ**

Личность Александра Александровича Чупрова (1874–1926), его труды, влияние на развитие статистической науки, на учеников и коллег продолжают привлекать внимание по многим причинам. Прежде всего, это стремление воздать должное его вкладу в статистику, преодолеть в какой-то мере историческую несправедливость. Вторым немаловажным фактором выступают обстоятельства его жизни, которую Октябрьский переворот разделил на две части – жизнь в Отечестве (1874–1917) и жизнь в эмиграции (1917–1926). Признание заслуг А.А. Чупрова подтверждает публичное заседание, посвященное его памяти, которое было проведено Экономическим кабинетом С.Н. Прокоповича в Праге 27 апреля 1926 г. Материалы заседания были опубликованы в «Русском экономическом сборнике». Памятное заседание провела 23 мая 1926 г. Исполнительная комиссия статистических съездов. Торжественное заседание Совета экономического факультета Ленинградского политехнического института состоялось 30 мая 1926 г. Его материалы были опубликованы в «Известиях экономического факультета Ленинградского политехнического института» за 1928 г.

А.Ф. Иоффе сравнивал роль Чупрова в статистике с ролью А. Эйнштейна (1879–1955) в физике. Именно на долю А.А. Чупрова выпало осознание статистики как особой методологической дисциплины полулогического, полуматематического характера, призванной решать существенные проблемы научной методологии вообще. Ему принадлежат слова: «Стремление облекать научное знание в статистические формы – характерная черта нашего времени» (Чупров, 1960. С. 141).

А.А. Чупров поставил задачу синтеза научных направлений в статистике – английского и немецкого, островного и континентального, и не эклектически сочетать их, а обобщить их на почве целостной научной позиции. Позицией Чупрова была вероятностная точка зрения на теории статистики, или, как он стал называть ее позднее, следуя профессору В.И. Борткевичу, – стохастическая точка зрения на основы статистики. Ее суть состоит в том, что всякого рода наблюдаемые статистические числа рассматриваются как отображения лежащих в их основе априорных величин, искаженных более или менее случаем.

А.А. Чупрову удалось создать свою школу – группу молодых ученых, работавших над дальнейшим развитием и применением методов математической статистики. Жизнь Александра Александровича была подвигом самоотречения, самоограничения в целях служения науке. Стохастическая теория статистики А.А. Чупрова составила логико-философскую основу математической статистики, ее выделения в самостоятельную ветвь статистической науки.

ЛИТЕРАТУРА

Чупров А.А. (1960). Закон больших чисел и стохастико-статистическая точка зрения в современной науке // Чупров А.А. Вопросы статистики: Избр. статьи. М.

И.А. Киселев, В.Н. Покровский

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

РОЛЬ ОСНОВНЫХ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ФОНДОВ
ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ДЖОАН РОБИНСОН

Один из вопросов при обсуждении проблемы экономического роста в середине прошлого столетия был связан с ролью производственного оборудования в процессе производства стоимости (*Stiglitz, 1974; Lazzarini, 2011*). Какие величины являются характеристическими при включении производственного оборудования в теорию производства стоимости? Роберт Солоу, представляющий американский Кембридж, настаивал, что такой величиной является оценка стоимости производственного оборудования — производственный капитал K . Этой точке зрения оппонировала Джоан Робинсон из британского Кембриджа, указывая на активную роль производственного оборудования в процессе образования стоимости (*Robinson, 1953–1954*). Действительно, производственное оборудование устанавливается для того, чтобы выполнять определенные действия, облегчать определенную работу, и необходима какая-то характеристика активности существующего основного капитала, и не столь важно, сколько оборудования мы имеем, как то, какова польза от установленного. К сожалению, Джоан Робинсон не указала такую характеристику, в то время как ее оппоненты использовали капитал K , наряду с затратами труда L , как перемен-

ную при построении производственной функции, записав производство стоимости как $Y = Y(L, K)$. С существенными поправками представления Солоу нашли практическое применение при анализе экономического роста и сохранились до настоящего времени (*Aghion and Howitt, 2009*).

Рассуждения Робинсон можно формализовать, если ввести характеристику активности производственного оборудования как услугу капитала P (детали можно найти в монографии: (*Pokrovskii, 2018*)). Эту величину можно интерпретировать как работу производственного оборудования, замещающую усилия работающих, а производственную функцию можно записать как $Y = Y(L, P, \alpha)$, $L > 0$, $P > 0$, $0 < \alpha < 1$, в которую, наряду с производственными факторами L и P , входит технологическая характеристика эффективности использования производственных факторов α . Эта величина является характеристикой системы производства. В отличие от неоклассической теории, рассматриваемая формулировка представляет универсальный закон производства стоимости. Теория трудовой стоимости Смита–Маркса дополнена законом замещения, который утверждает, что при производстве стоимости работа сторонних сил природы посредством производственного оборудования замещает усилия людей; труд функционирует в комплексе – как труд плюс работа оборудования. Два фактора производства – трудозатраты и замещающая работа внешних источников энергии – взаимозаменяемы и, в этом смысле, являются эквивалентными, так что труд остается, в конечном счете, говоря словами Адама Смита, «единственно универсальной, так же как единственной точной мерой стоимости, или единственным стандартом, по которому мы можем сравнить стоимости различных товаров во все времена и во всех местах». При этом работа машин может цениться лишь постольку, поскольку они, замещая усилия людей, делают то, что желает человек.

По сравнению с неоклассическим подходом Солоу роль производственного оборудования, как фактора производства, пересмотрена. В традиционной, неоклассической тео-

рии капитал, как переменная, играет две различные роли: основной капитал, как стоимость наличного оборудования производства, и услуга капитала, как замещение труда. Следуя (Robinson, 1953–1954), необходимо рассматривать услугу капитала P как независимый фактор производства, в то время как основной капитал K является средством привлечения труда и энергетических носителей к производству. Усилия человека и замещающая работа внешних источников энергии являются при этом истинными и единственными источниками богатства. Тем не менее, теория может рассматриваться как обобщение и расширение неоклассического подхода.

Общая теория позволяет нам решить проблему «эндогенизации» технического прогресса и определить множитель, введенный для описания влияния технического прогресса, как функцию зависящего от времени отношения производственных факторов: $P/L: A(t) \sim (P/L)^\alpha, 0 < \alpha < 1$.

Безразмерное отношение замещающей работы к оценке трудовых усилий P/L определяет число «механических работников», приходящихся на одного «живого работника», и потому может быть удобной характеристикой технологического процесса. Так, например, это соотношение было больше десяти для производства США в конце прошлого века, в то время как для производства России эта величина достигла двух в конце 1980-х гг., но начала быстро уменьшаться после 1990 г. (Pokrovskii, 2018. Figure 2.9), что свидетельствует не только о количественной, но и технологической деградации общественного производства. Производительность труда определяется отношением производственных факторов P/L и технологическим индексом α , что отражено на рис. 7.6 для США и 8.9 для России в указанной монографии.

Теория позволяет определить энергетическое содержание денежной единицы постоянной покупательной способности как совокупную работу, необходимую для того, чтобы произвести продукты стоимостью в одну денежную единицу. Эта величина непостоянна. Оценка доллара США и российского рубля для конца прошлого столетия показывает

совпадение энергетического содержания денежных единиц при учете паритета покупательной способности (*ibid.* Section 11.3). Эти результаты позволяют ввести абсолютную энергетическую меру стоимости.

При рассмотрении динамики развития производственной системы теория определяет три моды развития, одна из которых (1) связана с внутренними ограничениями (недостаток инвестиций при избытии рабочей силы L и доступной энергии P). Две другие моды (2 и 3) связаны с ограничением одного из факторов производства — L или P — при избытии инвестиций. Известные короткие деловые циклы в общественном производстве США связаны с существованием альтернативных мод функционирования системы производства, в США реализуется только второй и третий случай, причем происходит смена типов развития через период времени около четырех лет (*ibid.* Section 5.4.2 и 6.6.2). В России, по-видимому, реализуется и первая мода, свидетельствующая о недостатке инвестиций.

Теория позволяет развить методы построения реалистических сценариев развития при учете технологических возможностей и доступности производственных факторов. Выпуск производственной системы универсальным образом связан с факторами производства L и P и технологическим индексом α ; перечисленные величины, в свою очередь, определяются инвестициями и технологическими характеристиками производственного оборудования. Задание доступности производственных факторов и предполагаемых технологических изменений определяет возможные сценарии развития производственной системы, как это продемонстрировано на примере производственной системы России в гл. 8 монографии (*ibid.*).

Использование общественных ресурсов лежит в основе технологической деятельности предприятий, и оценка эффективности такой деятельности определяется в конце концов тем, насколько разумно используются общественные ресурсы: природные, труд и производительная энергия. Существующая

система налогообложения по прибыли предприятий и доходу физических лиц не выглядит обоснованной и справедливой; налоги следует рассматривать как плату за использование общественных ресурсов, и в этом случае величины норм выплат не назначаются произвольно и не являются предметом торга между представителями общественного фонда и предпринимателями, а вычисляются на основе текущей макроэкономической ситуации по формулам, приведенным в разд. 13.2.4 монографии (*ibid.*). Преимуществами предлагаемого перехода от существующей схемы к принципу оплаты общественных ресурсов являются, во-первых, справедливость распределения выплат по предприятиям, во-вторых, упрощение контроля за сбором платежей в общественный фонд (поскольку используемые ресурсы легче учитывать, чем прибыль и доход), и, в-третьих, то, что такая система включает автоматический механизм выявления и исключения неэффективных собственников, что приведет к увеличению производительности труда.

В монографии содержится описание той картины, которая получается при должном развитии идей Джоан Робинсон, что позволяет более адекватно по сравнению с неоклассической теорией описать механизм производства стоимости и развития производства. Приходится сожалеть, что альтернативная теория не была оформлена ранее, и интерпретация стоимости производственного оборудования как фактора, производящего стоимость, при игнорировании его активной роли получила распространение. По представлениям Джоан Робинсон производственное оборудование выступает не только в пассивной роли, как оценка его количества K , но и в активной – совершаемой оборудованием работой P . Становится понятной роль энергии в общественном производстве, как универсального общественного ресурса наряду с традиционным общественным – рабочей силой.

ЛИТЕРАТУРА

- Aghion P., Howitt P.* (2009). *The Economics of Growth*. Cambridge: MIT Press.
- Lazzarini A.* (2011). *Revisiting the Cambridge capital theory controversies: a historical and analytical study*. Pavia: Pavia University Press.
- Pokrovskii V.N.* (2018). *Econodynamics: The Theory of Social Production*. The 3rd Ed. Dordrecht-Heidelberg-London-New York; Springer. www.springer.com/gp/book/9783319720739. Текст на русском: ecodynamics.narod.ru/production/rcontent.html.
- Robinson J.* (1953–1954). The Production Function and the Theory of Capital // *The Review of Economic Studies*. Vol. 21. No. 2. Pp. 81–106.
- Stiglitz J.E.* (1974). The Cambridge-Cambridge Controversy in the Theory of Capital: a View from New Haven: a Review Article // *Journal of Political Economy*. Vol. 82. Pp. 893–903.

Т. С. Малахова

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ВЛИЯНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ
НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ:
ОТ ПРИНЦИПОВ Г. МЮРДАЛЯ
ДО СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ

После распада колониальной системы странам мирового авангарда требовалось сохранить доминирующее положение по отношению к постколониальным (периферийным) странам. В ход должны были пойти уже не только военно-политические силы, но и экономические инструменты, которые могли бы привязать к ним периферийные страны. Несмотря на хищнический подход со стороны имперских стран того периода, фундаментальная наука не стояла на месте и ряд ученых, в том числе Г. Мюрдаль, заинтересовались объединительными процессами в мире. Начали появляться новые разработки и концепции в области интеграции, большинство которых было направлено на снижение неравенства между странами авангарда и периферии, сокращение издержек производства, повышение конкурентоспособности конечной продукции, защиту национальных интересов и т.д. Но, как показал зарубежный опыт, многие фундаментальные разработки, которые должны были дать положительный эффект от взаимодействия стран авангарда и периферии, интерпретировались совершенно по-другому, и преимущества от интеграции получали сугубо страны ядра (лидеры интеграционной группы).

В условиях формирования нового мирового экономического порядка интеграцию нельзя рассматривать под одним углом или в одной плоскости. Как показывает современная мировая практика, ситуация в области интеграции довольно противоречива. Те ученые, в частности Г. Мюрдаль, которые закладывали в своих концепциях основополагающий принцип интеграции, а именно формирование «базиса международной солидарности», в современных условиях практически не реализуется на практике (*Myrdal, 1956*). После распада колониальной системы развитые страны всевозможными способами стремились распространить свое влияние на развивающиеся страны. Разработка на тот период новых форм интеграции позволила им воплотить свои идеи в жизнь.

Представители рыночной школы (В. Рёнке, К.Г. Кассель, Р. Арон, Ж. Рюэфф, А. Предоль и др.) практически одни из первых постарались дать теоретико-методологическое обоснование региональной интеграции. Они предполагают, что рынок — это наилучший регулятор экономики в целом, при этом он не сможет заменить механизмы регулирования со стороны государства. Некое несоответствие реальной практики идеям рыночной школы сформировала рыночно-институциональная (неолиберальная) школа во главе с Ж. Вайлером, Б. Балассы, Г. Кремером, М. Аллэ, М. Портером и др. Представленные ученые не отрицают рыночный механизм региональной интеграции, но при этом в своих исследованиях делают акцент на важной роли координации экономической политики государств. Представители структурализма (Г. Мюрдаль, Ф. Перру, Ч. Киндлбергер, П. Майлз и др.) акцентировали внимание на том, что международное перемещение факторов производства приводит к неравномерному экономическому развитию отдельных стран в рамках интеграции и в итоге — к углублению социального расслоения стран. Интеграция, по утверждению ученых, должна улучшить общество стран-партнеров, обеспечивая социальное равенство, а также устойчивое развитие стран и регионов мира. Сторонники данного направления подчеркивают вну-

тренную противоречивость механизма интеграции, а также неравномерность экономико-политического развития стран в рамках интеграции, что приводит к социально-конфликтной ситуации. Яркие представители дирижистской (неокейнсианской) школы Р. Купер, Я. Тинберген и др. исходят из того, что экономика в процессе трансформирующейся институциональной среды нуждается в стабильном регулирующем влиянии со стороны государства (*Tinbergen, 1952*). Основоположником функционализма является английский социолог Д. Митрани. Функционалисты на раннем этапе ее развития практически полностью отрицали необходимость и полезность международных политических органов (*Малахова, 2016*).

На практике особую значимость приобрела стадийная теория интеграции известного американского ученого Б. Баласса. Она заключается в установлении этапов (форм) экономического объединения по следующей схеме: зона свободной торговли — таможенный союз — общий рынок — экономический и валютный союз — полная экономическая интеграция. На последней стадии начинается обсуждение проектов федеративного государства (*Balassa, 1982*).

В современных условиях внешнеэкономические отношения между странами авангарда и периферии становятся все более противоречивыми и неоднозначными. Проблема неравенства между этими группами стран всегда была довольно острой, и многие экономические школы пытались ее разрешить. Однако указанная проблема особенно обострилась после первой волны глобального экономического кризиса (2008–2011 гг.). Несмотря ни на что, страны авангарда посредством международных организаций и финансовых институтов продолжают продвигать принципы неolibеральной модели, которая в современных условиях по ряду причин оказалась нежизнеспособной. Многие страны периферии находятся на распутье во внешнеэкономическом и внешнеполитическом взаимодействии со странами авангарда. Большинство периферийных стран стремится посред-

ством интеграции подтянуться до уровня развитых стран, но достичь указанной цели им не удастся. Как показывает опыт Европейского союза, их внешнеэкономическое и торговое взаимодействие носит однобокий и неоднозначный характер.

На основе глубокого анализа научных трудов шведского экономиста Г. Мюрдаля были обозначены его принципы в рамках концепции международной экономической интеграции: формирование экономической интеграции на национальном, а затем на международном уровне; выявление *modus vivendi* (формы взаимных отношений); ликвидация международного экономического неравенства; формирование «базиса международной солидарности»; создание мирового государства под властью мирового правительства (*Myrdal, 1956*). На наш взгляд, необходимо разработать механизм смягчения внутренних противоречий между странами-партнерами и постараться дать возможность странам периферии встать на путь экономического развития, а не дальнейшей деградации (в особенности речь идет о Европейском союзе). Поэтому для решения указанной проблемы предлагается механизм внешнеэкономического сотрудничества в рамках ЕС – консолидация отраслевых кластеров.

Таким образом, сегодня можно уже делать промежуточные выводы, связанные с объединительными процессами в мире, ставить вопрос о трансформации имеющихся концепций и теорий, которые были разработаны в послевоенное время. С одной стороны, интеграция позволила защитить отдельные страны и регионы мира от имперского влияния сверхдержав после распада колониальной системы, с другой – некоторые страны, интегрируясь, попали в зависимое положение от стран авангарда. Поэтому, на наш взгляд, ни в коем случае интеграцию не стоит рассматривать в одной плоскости. Для кого-то она стала спасением, а для кого-то – ловушкой (*Малахова, 2018*).

ЛИТЕРАТУРА

- Малахова Т.С.* (2016). Трансформация внешнеэкономических связей мирового авангарда и мировой периферии: позиции России: монография / Т.С. Малахова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 35–37.
- Малахова Т.С.* (2018). Совершенствование форм внешнеэкономических отношений между странами: оценка интеграционных перспектив: монография / Т.С. Малахова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
- Balassa B.* (1982). *The Theory of Economic Integration*. Greenwood Press Reprint.
- Myrdal G.* (1956). *An International Economy: Problems and Prospects*. New York: Harper & brothers publishers.
- Timbergen J.* (1952). *On the Theory of Economic Integration // Les Cahiers de Bruges (Bruges Quarterly)*. Pp. 138–151.

А.А. Мальцев, М.А. Вялых

Уральский государственный экономический университет

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГАЛЬТОНА?
ИЛИ О ВЛИЯНИИ «ЦИФРОВОГО ПОВОРОТА»
НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ

В последние годы в историко-экономической литературе все чаще обсуждаются возможные последствия для экономической истории (ЭИ) так называемого «цифрового поворота» (ЦП), под которым обычно понимается активизация использования экономическими историками ГИС-технологий, оцифрованных микроданных, компьютерного анализа исторических текстов и архивных документов, а также других количественных методов исследования (см., подробнее, например: *(Johnson, 2018; Karlsson, 2019; Wehrheim, 2017)*).

ЦП, как и любое новое явление, вызывает достаточно противоречивые оценки. Одни специалисты горячо приветствуют его, усматривая в нем, прежде всего, резкое расширение исследовательских горизонтов (см., подробнее, например: *(Abramitzky, 2015)*). Другим немаловажным достоинством ЦП считается возможность укрепления репутации ЭИ в глазах представителей мейнстрима экономической науки, готовых вести профессиональный диалог лишь с теми исследователями, кто говорит на понятном для них языке точных наук (см., подробнее, например: *(Romer, 1994; Diebolt, Hauptert, 2018)*). Несмотря на это, некоторые эксперты высказывают серьезную обеспокоенность последствиями ЦП для ЭИ. Главную опасность они усматривают в том, что ЦП может привести к чрезмерному сужению исследовательской про-

блематики, утрате экономическими историками навыков работы с широким контекстом и окончательному поглощению ЭИ экономической теорией (см., подробнее, например: (Adelman, Levy, 2014; Boldizzoni, 2011; Temin, 2013)).

Для проверки обоснованности заявлений как о бесконечно благоприятном влиянии ЦП на ЭИ, так и о отрицательных последствиях ЦП, на наш взгляд, следует проанализировать результаты крупного экономико-исторического исследования, выполненного с использованием последних достижений ЦП. Удобный материал для такого изучения предоставляет очередная книга американского экономиста Грегори Кларка «Отцы и дети. Фамилии и история социальной мобильности» (Кларк, 2018).

Настоящий доклад связан с:

1) систематизацией аргументов Кларка, положенных в основу предложенных им «неизменных законов социальной мобильности», постулирующих, что меры политико-экономического характера никогда не оказывали значимого влияния на динамику социальной мобильности, на протяжении столетий отличающуюся удивительно низкими темпами;

2) выявлением особенностей доказательства Кларком неогальтоновского вывода о генетической обусловленности социального статуса;

3) анализом рекомендаций Кларка по повышению социальной мобильности;

4) рассмотрением возможностей посредством задействования результатов исследования Кларка проверить справедливость «Кривой Великого Гэтсби» (Kueger, 2012);

5) демонстрацией вклада «цифровых» методов изучения ЭИ в формулирование выводов Кларка.

ЛИТЕРАТУРА

- Кларк Г. (2018). Отцы и дети. Фамилии и история социальной мобильности. М.: Издательство Института Гайдара.
- Abramitzky R. (2015). Economics and the Modern Economic Historian // Journal of Economic History. Vol. 75. Issue 4. Pp. 1240–1251.
- Adelman J., Levy J. (2014). The Fall and Rise of Economic History. [permalink. gmane.org/gmane.science.economics.progressive-economists/90151](https://perma.link/gmane.org/gmane.science.economics.progressive-economists/90151).
- Boldizzoni F. (2011). The Poverty of Clio: Resurrecting Economic History. Princeton: Princeton University Press.
- Diebolt C., Hauptert M. (2018). We Are Ninjas: How Economic History Has Infiltrated Economics. Bureau d'Économie Théorique et Appliquée Working Paper. No. 2018. P. 25.
- Johnson N.D. (2018). Geospatial Information Systems / Blum M., Colvin C. An Economist's Guide to Economic History. L.: Palgrave MacMillan. Pp. 425–433.
- Karlsson T. (2019). Let's Make the «Digital Turn» a «Narrative Turn»! On the Gap Between Two History Disciplines and How to Bridge It. www.sociologiskforskning.se/scandia/announcement/view/66.
- Krueger A. (2012). The Rise and Consequences of Inequality in the United States. Remarks Delivered at the Center for American Progress. Washington D.C.
- Margo R. (2017). The Integration of Economic History into Economics. NBER Working Paper. No. 23538.
- Romer C.D. (1994). The End of Economic History? // Journal of Economic Education. Vol. 25. No. 1. Pp. 49–66.
- Wehrheim L. (2017). Economic History Goes Digital: Topic Modeling the Journal of Economic History. BGPE Discussion Paper No. 177.

И.С. Меньшиков, О.Р. Меньшикова
ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ: ТЕОРИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТ*

Взаимодействие экономических агентов, как правило, происходит в условиях асимметричного распределения информации. В этих условиях действия агентов могут до определенной степени выявлять имеющуюся у них частную информацию. Возникает этическая проблема: пытаться ли создать у партнеров ложное представление о ситуации или действовать честно, даже если это приведет к раскрытию частной информации. Индивидуально рациональное нечестное поведение приводит к снижению уровня доверия, а значит к падению экономической эффективности взаимодействия агентов.

В данном докладе этические аспекты экономической эффективности исследуются с помощью методов теории игр и поведенческой экономики на основе лабораторной игры «Рынок лимонов», которая является вариацией на классическую тему «Рынок подержанных автомобилей» (Akerlof, 1970). В Лаборатории экспериментальной экономики МФТИ в 2018–2019 гг. была проведена серия экспериментов, добровольными участниками которых стали студенты различных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №19-01-00296А).

факультетов, в подавляющем большинстве незнакомые с теорией игр и экономическими теориями.

Сценарий лабораторной игры «Рынок лимонов». Участники разбивались на пары, при этом они не знали, кто с кем играет. Один из участников получал роль продавца, а другой — покупателя. Случайным образом определялся тип автомобиля: хороший (Персик) или плохой (Лимон). Тип автомобиля становился известным продавцу, но не покупателю. Покупатель располагал только общедоступной информацией о вероятности Лимона (доле плохих автомобилей на рынке). Продавец, зная тип автомобиля, назначал цену, а покупатель, не зная тип автомобиля, мог согласиться на сделку или отказаться от нее. В случае отказа выигрыши обоих партнеров полагались равными нулю. В случае совершения сделки выигрыши сторон определялись обычным образом, с учетом цены и общеизвестной стоимости автомобиля данного типа для продавца и покупателя.

Лабораторная игра состояла из 6 серий по 20 попыток. Сначала роли и партнеры были фиксированы (не менялись от попытки к попытке) для двух вариантов вероятности Лимонов: малой и значительной. В следующих двух сериях роли были фиксированы, но партнеры менялись случайным образом. В последних двух сериях и роли, и партнеры были случайны.

В качестве поведенческой концепции равновесия для исследования данной лабораторной игры было выбрано равновесие дискретного отклика (QRE, Quantal Response Equilibrium) (McKelvey, Palfrey, 1998; Goeree, Holt, Palfrey, 2016), которое хорошо зарекомендовало себя в теоретических и прикладных исследованиях на стыке теории игр и экспериментальной экономики. Суть этой концепции состоит в регуляризации принципа наилучшего ответа Нэша заменой операции взятия максимума на гладкую операцию мягкого максимума, когда более удачные действия выбираются с большей вероятностью при заданном параметре рациональности агента. Выбор концепции QRE был обусловлен, в частности,

тем, что в рассматриваемой сигнальной игре существует множество равновесий (СБР, совершенных Байесовских равновесий, см. например в (Меньшиков, 2010)), а траектория QRE с возрастанием рациональности агентов от 0 до бесконечности позволяет выделить единственное равновесие.

Было показано, что в данной игре ни при какой вероятности Лимонов не существует «хорошего» выявляющего СБР, при котором продаются Персики. Зато всегда существует «плохое» выявляющее СБР, когда продавец действует честно (назначает низкую цену за Лимон и высокую за Персик), но покупатель соглашается только на сделку по низкой цене. При достаточно низкой вероятности Лимона существует еще скрывающее СБР, когда и Лимоны, и Персики продаются по высокой цене. Существуют еще гибридные равновесия, когда продавец Лимонов использует смешанную стратегию, назначая низкую и высокую цену за Лимон с определенными вероятностями. Доказано, что при стремлении к бесконечности параметра рациональности Лимона QRE выделяет гибридное СБР, наиболее выгодное продавцу.

При сопоставлении теории с результатами проведенных экспериментов, было показано, что в первых двух сериях, когда роли и партнеры фиксированы, результаты экспериментов слабо согласуются с QRE для однократного повторения данной сигнальной игры. Этого и следовало ожидать, поскольку при постоянстве партнеров в повторяющейся ситуации существуют естественные стимулы к честности продавца (назначению низкой цены за Лимон) и доверию покупателя (согласие на сделку по высокой цене). Если партнеры случайны, то уровни честности и доверия резко падают, причем результаты экспериментов оказываются хорошо согласованными с QRE.

Хотя на агрегированном уровне поведение участников эксперимента (кроме первых двух учебных серий) хорошо согласуется с QRE, индивидуальное поведение участников вряд ли можно описать каким-либо поведенческим равновесием. Частично поведение участников удастся предсказать на

основе психологического тестирования, которое проходят все они до лабораторной игры. Существенным, например, оказывается учет психологического пола по Сандре Бем (*Bem, 1974*). Так, маскулинные мужчины демонстрируют самый низкий уровень честности и доверия, достигая при этом наиболее высоких результатов в данной игре, при условии достаточного представительства в группе других типов (феминных мужчин, маскулинных женщин и феминных женщин). Эксперимент с участием только маскулинных мужчин предсказуемо привел к наименьшему суммарному выигрышу участников по сравнению со всеми другими проведенными нами экспериментами.

Проведенное лабораторное исследование приводит к мысли, что этические аспекты в экономике не менее важны, чем технологические. При том же уровне технологий, по нашему мнению, можно было бы добиться существенного роста экономики за счет повышения уровня доверия экономических агентов, а значит увеличения числа взаимовыгодных сделок и проектов.

ЛИТЕРАТУРА

- Меньшиков И.С.* (2010). Лекции по теории игр и экономическому моделированию. 2 изд. М.: ООО «Контакт Плюс».
- Akerlof G.* (1970). The Market for 'Lemons': Quality Uncertainty and the Market Mechanism // *Quarterly Journal of Economics*. The MIT Press. Vol. 84. No. 3. Pp. 488–500.
- Bem S.L.* (1974). The measurement of psychological androgyny // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. Vol. 42. No. 2. Pp. 155–162.
- Goeree J.K., Holt Ch.A., Palfrey Th. P.* (2016). Quantal Response Equilibrium. A Stochastic Theory of Games. Princeton University Press.
- McKelvey R.D., Palfrey T.R.* (1998). Quantal response equilibria for extensive form games // *Experimental Economics*. Vol. 1. Pp. 9–41.

П.А. Минакир

Институт экономических исследований ДО РАН

РОССИЙСКАЯ ШКОЛА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ: ЗАБЫТЫЕ ИЛИ УМАЛЧИВАЕМЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Среди множества проблем современной отечественной пространственной экономики, как ветви экономической науки и составной части всей системы социальных наук, существует и та, которая связана с осмыслением того опыта, который был накоплен нашими предшественниками.

Время, ушедшее на трансформации 1990-х гг., ресурсы, нерационально потраченные на достижение часто ложных целей и решение надуманных задач, обусловили отставание по целому ряду направлений, а желание «догнать и перегнать» привело к лихорадочному заимствованию не только технологий и материальных факторов, но и экономических концепций и моделей. И это — естественный процесс, неоднократно повторяющийся в истории и в России, и за рубежом.

Без заимствования идей и достижений, без облагораживания и корректировки с их использованием собственного опыта, добытого посредством собственных интеллектуальных усилий и достижений, движение вперед в лучшем случае затруднено, а в худшем может превратиться в движение вспять. Но важно не впасть при этом в спешку, которая приводит к забвению собственных идей, лежащих в основе доставшегося великим трудом и многими потерями опыта, к выхолащиванию богатой исторически и эмпирически конкретности ради возведения на пьедестал абстрактного и не

имеющего отношения к реальным особенностям реального общества всеобщего многообразия условий, культур, исторического опыта, антропологических особенностей, наконец,

«На новорасчищенной почве нельзя прямо сеять заимствованные из-за рубежа идеи, но можно продолжить работу ... Вы должны прежде всего работать своим умом, вместо пассивного усвоения плодов чужого ума. Эта работа должна быть направлена на проверку усвоенных нами чужих идей и на внимательное изучение действительности» (*Ключевский*, 1993. С. 472–473).

Изучение «действительности» предполагает выяснение и изучение ее источника, т. е. прошлого. Дефицит такого выяснения вообще становится проблемой. Но вдвойне проблемными являются систематизация и поиски классификационных ниш для концепций, идей и теорий, добытых и сформулированных на базе эмпирического изучения и конкретной российской (и советской) действительности. Даже в лучших опытах исследования экономической истории России (*Мау*, 2010; *Давыдов*, 2016) не следует искать самостоятельных сюжетов ни о пространственной организации экономики, ни об эволюции научных концепций и идей в этой сфере знания.

В кратком докладе приводятся лишь некоторые соображения относительно концепций и идей в области пространственной экономики, которые, по мнению автора, не потеряли своей актуальности до настоящего времени, но забвение и недооценка которых могут стать (а в некоторых случаях уже стали) причиной опасных, а возможно и необратимых искажений действительности — как отображаемой, так и проектируемой.

В докладе освещаются теории и концепции, ставшие основой для развития теоретико-прикладных исследований в области пространственной экономики.

1. Теория оптимального функционирования народного хозяйства, развивавшаяся в ЦЭМИ РАН во главе с академиком Н.П. Федоренко, основанная на теории оптимального функционирования иерархически организованных эко-

номических систем с инструментальным сопровождением в форме системы межотраслевых моделей. Краеугольным камнем этого подхода являлся постулат о возможности и необходимости достижения оптимального распределения ресурсов труда и капитала в соответствии с явно определенными потребностями в сфере производства и распределения в межотраслевом и территориальном аспектах.

2. Концепция оптимальных межрегиональных взаимодействий, развивавшаяся в рамках сибирской школы во главе с А.Г. Гранбергом (Новосибирск) на базе теории общего экономического равновесия с инструментальным сопровождением в форме системы межотраслевых межрегиональных моделей.

3. Концепция территориально-производственного комплексобразования, или ТПК (И.Г. Александров, Н.Н. Колосовский, М.К. Бандман). В рамках этой концепции ТПК различного масштаба рассматриваются как своего рода каркас экономического района, которые, в конечном счете, организуют экономическую деятельность периферии. До настоящего времени в районах пионерного хозяйственного освоения и районах монопродуктовой сырьевой специализации эта концепция более предпочтительна в сравнении получившей необычайно широкое распространение в отечественной литературе кластерной концепцией. ТПК имплантировала в систему государственного планирования и управления идеи агломерации. Особое значение в этой связи имеет вклад новосибирской школы (М.К. Бандман), которой, в частности, принадлежит концепция программно-целевых территориально-производственных комплексов.

4. Теория размещения производства, развивавшая концепцию штандорта и предложившая важное дополнение в форме акцентирования на «народнохозяйственном подходе» в противовес атомистическому подходу классических исследовательских программ. Двумя наиболее важными фрагментами, образующими специфику российской школы размещения, являются теория энергопроизводственного цикла Н.Н. Колосовского и теория дифференциальных затрат

В.В. Новожилова. Первая непосредственно связана с теорией экономического районирования — визитной карточкой отечественной школы пространственной экономики. Вторая — обеспечивает оценку общесистемных сравнительных эффектов вариантов размещения, в том числе и в рамках энергопроизводственных циклов. Теория энергопроизводственных циклов оказалась наиболее практически применимой, и именно она описывала наилучшим образом решения, которые принимались в области размещения начиная с конца 1920-х гг. и фактически по настоящее время.

5. Теория экономического районирования, особенности которой, обусловленные спецификой самого русского экономического пространства, замалчиваются, если не в академической, то в административно-управленческой среде точно. Достижения этой теории в общем виде сводятся к признанию экономических районов самоорганизующимися системами, находящимися в процессе постоянных изменений (А.Н. Челинцев, С.Н. Бернштейн-Коган), признанию иерархичности экономического пространства (П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко) и самих экономических районов (И.Г. Александров), существенности для формирования развития экономических районов не только экономических, но и неэкономических факторов природного и социального характера (А.Н. Челинцев, А.И. Скворцов, И.Г. Александров, Б.Н. Книпович).

6. Теория колонизации (А.А. Кауфман, Г.Ф. Чиркин, И.А. Ямзин, В.И. Вошинин), или социально-экономического развития районов нового освоения, которая определяла миграционную политику, политику размещения и инфраструктурного инвестирования новых и/или слаборазвитых и освоенных территорий Российской империи и СССР. Важнейшим инструментом практической реализации этой теории являлись комплексные экспедиции, которые проводились вплоть до середины 1980-х гг.

Ю.А. Плущевская

Центральный банк Российской Федерации

МАРКSOVA ТЕОРИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВЕННОГО КАПИТАЛА КАК ОСНОВА МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЦИКЛА

I. Проблема

Проблематика циклов в капиталистической экономике является центральной в экономической науке. Однако теории, составляющие ядро современного мейнстрима, не выявляют фундаментальные причины циклических колебаний, представляя их как случайные отклонения от долгосрочного тренда. Поэтому они обладают низкими аналитическими и прогностическими возможностями.

Альтернативу может составить теория воспроизводства К. Маркса. Согласно ей, экономические циклы присущи капиталистическому способу производства, так как порождаются его основным противоречием. Современные марксисты продолжают изучать проблематику циклов, однако результаты их исследований не находят широкого распространения.

Главная причина неприятия марксизма — идеологическая. Среди других — опора на политэкономический научный инструментарий, для которого характерно слабое использование математического аппарата, применение которого является требованием современной науки. В докладе представлена математическая модель экономического цикла, основанная на марксовой теории воспроизводства.

II. Подход к решению

Для построения модели применен подход, предложенный Р. Гудвином. Им сформулирована «модель классово́й борьбы», относящаяся к классу моделей Лотки–Вольтерры. Она описывает динамическое взаимодействие между безработицей и долей оплаты труда в совокупном доходе, которое имеет форму гармонических колебаний.

Однако из-за выбора переменных модель дает поверхностное объяснение причин цикла. Противоречие капитализма предстает и как конфликт между работниками и капиталистами по поводу распределения национального дохода, и как противоположность интересов занятых и безработных. В моделях последователей Р. Гудвина ключевые переменные модели оставались прежними.

Нами была предложена элементарная модель экономической флуктуации, примыкающая к классу моделей Лотки–Вольтерры. Главное ее отличие от «моделей классово́й борьбы» заключается в выборе переменных, которыми стали прибавочная стоимость и выпуск. Взаимодействие между ними отражает противоречие между стремлением капитала к бесконечному возрастанию и спросом, ограниченным потреблением наемных работников.

Решения модели описывают затухающие колебания прибавочной стоимости, капитала и выпуска. Модель носит абстрактный характер. Чтобы перейти к описанию цикла в реальной экономике, необходимо включить в анализ средства производства, кредит, а также распространить модель на случай открытой экономики. (Статья готовится к отправке в ЖНЭА.)

II.1. Учет средств производства

Средства производства составляют материальную основу оборота стоимости; срок службы основных средств отражает продолжительность цикла. Состав общественного продукта дополнен средствами производства, производительный капитал — постоянным капиталом. Общественное производство

делится на подразделения I и II, производящие средства производства и предметы потребления. В первом выделены два сегмента, в которых создаются основные и оборотные средства (If и Iw). Их стоимостной эквивалент – основной и оборотный капитал. В текущем обороте, продолжительность которого равна году, стоимость оборотных средств полностью переносится на стоимость готового продукта. Перенос стоимости запаса основных средств происходит в течение экономического цикла, состоящего из последовательности текущих оборотов, в которых происходит перенос потока стоимости в размере потребления основного капитала.

Рабочая сила подразделений II и I(Iw) непосредственно участвует в производстве предметов потребления и предъявляет на них спрос; их стоимость включает прибавочную стоимость.

В подразделении I(If) текущий оборот – один из этапов процесса создания новых основных средств. Его продукт – незавершенное производство, оно обретет потребительную стоимость в финальном обороте цикла. Производительный капитал подразделения I(If) финансируется за счет потока денежного капитала от подразделений II и I(Iw), генерируемого переносом части стоимости основных средств, созданных в предыдущем цикле, на стоимость предметов потребления. В этом размере работники подразделения I(If) потребляют жизненные средства. На макроуровне, в текущем обороте работники подразделения I(If) воспроизводят поток стоимости основных средств как часть стоимости предметов потребления. Новые основные средства будут применяться в следующем цикле; тогда же их стоимость, включая прибавочную, станет частью кругооборота.

Наше представление текущего оборота стоимости отличается от марксовой схемы воспроизводства в части оборота стоимости в подразделении I(If). Мы полагаем, что подразделение возмещает стоимость потребляемого основного капитала и создает прибавочную стоимость, которая материализуется в потребительной стоимости новых основных средств. В целом

меновая стоимость совокупного продукта в текущем обороте представима как сумма переменного капитала подразделений общественного производства и прибавочной стоимости.

Включение в рассмотрение средств производства не привело к изменению спецификации базовой элементарной модели, но оно позволило поместить модель в реальное время, привязав продолжительность цикла к сроку службы основных средств.

II.2. Учет кредита

Стремление капитала к неограниченному возрастанию реализуется через апробацию инноваций как материальной базы создания прибавочной стоимости. Это требует дополнительного денежного капитала, не ограниченного величиной прибавочной стоимости. Его источником является эмиссия кредитных денег.

Появление дополнительного источника прироста капитала приводит к изменению уравнения динамики переменного капитала.

Общий вид решений системы уравнений базовой модели остался прежним, изменения коснулись одного из ее параметров (математическое решение получено).

Легкость кредитной эмиссии порождает отрыв объемов и динамики денежного капитала от действительного (совокупности производительного и товарного капитала), что требует их раздельного анализа. Однако денежный капитал — это капитал вообще, и его движение подчиняется тем же законам, что и движение действительного.

Таким образом, модель экономического цикла должна включать в себя две системы уравнений общего вида: одну — для действительного капитала, другую — для денежного. Различия между ними определяются параметрами системы и начальными условиями.

Отношения уравнений для одноименных переменных двух систем будут описывать динамику цен на них.

II.3. Учет остального мира

Современные национальные экономики являются взаимосвязанными, и на течение цикла в каждой из них влияют циклы ее торговых партнеров. Спрос со стороны остального мира влияет на выпуск, внешние заимствования являются дополнительным источником прироста капитала.

Общий подход к моделированию открытой экономики заключается в том, чтобы выделить в динамике совокупного продукта компоненты, отражающие действие внутренних и внешних движущих сил цикла.

Следует задать два выражения — для выпуска, обслуживающего внутренний спрос, и для выпуска остальной экономики. Уравнением динамики продукта национальной экономики будет их сумма с весами, которые зависят от масштаба внешних влияний (такими, как доля экспорта в ВВП и зависимость от внешнего финансирования).

III. Основные полученные результаты

Марксова теория капиталистического воспроизводства должна стать основой создания моделей экономического цикла.

В качестве первого шага нами предложена базовая модель экономической флуктуации, относящаяся к классу моделей Лотки–Вольтерры, которая отражает динамическое взаимодействие между трудом и капиталом как основное противоречие капитализма. Для построения модели цикла в реальной экономике проведено исследование включения в базовую модель стоимости средств производства, кредита и влияния внешних циклов. В модель внесены необходимые модификации.

Следующим этапом исследований должна стать верификация теоретической модели на статистических данных.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. (1988). Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Издательство политической литературы.
- Маркс К. (1986). Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. М.: Издательство политической литературы.
- Плуцевская Ю. (2017). Версия элементарной неомарксистской модели экономических колебаний // Журнал Новой экономической ассоциации. №3 (35). С. 53–69.
- Enea S.F., Palasca S., Tiganas C. (2015). G-7 Countries – Advocates of the Global Business Cycle. *Procedia // Economics and Finance*. Pp. 193–200. creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0.
- Lopes A.M., Tenreiro Machado J.A., Huffstot J.S., Mata M.E. (2018). Dynamical Analysis of the Global Business-Cycle Synchronization. *PloS ONE*. doi.org/10.1371/journal.pone.019141.

Д.Е. Расков

Санкт-Петербургский государственный университет

АНТОНИО ДЖЕНОВЕЗИ —
ОСНОВАТЕЛЬ ПЕРВОЙ КАФЕДРЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ?

В докладе ставится вопрос — можно ли считать А. Дженовези основателем первой в Европе кафедры политической экономии? С формальной точки зрения в Германии и Швеции были прецеденты создания кафедр по экономическим наукам в более раннее время, начиная с 1727 г. Тем не менее, Дженовези в гораздо большей степени впитал и обобщил достижения многих передовых мыслителей того времени. Его главная работа — «Лекции о гражданской экономике» — в большей степени носит теоретический характер и даже задается вопросом о природе стоимости.

В докладе воссоздаются штрихи биографии Дженовези, разбираются основные элементы гражданской экономики, связанные с торговлей и роскошью. В контексте истории экономической мысли делается попытка охарактеризовать идеи Дженовези, соотнести их с различными школами и направлениями того времени: меркантилизмом, камерализмом, физиократией, энциклопедистами. При всей условности автор соглашается с тем, что мысль Дженовези можно назвать особой формой меркантилизма. Тем не менее, не меркантилизм, а эклектика наилучшим образом характеризует экономическое наследие Дженовези.

Многие энциклопедические словари сходятся в том, что Антонио Дженовези стал основателем первой кафедры поли-

тической экономии. «В Неаполе была учреждена первая в Италии кафедра политической экономии», и Дженовези стал первым ее профессором, — сказано в словаре Брокгауза и Эфрона (*Дженовези*, 1893. С. 536). В одиннадцатом издании Британники говорится о том, что Бартоломео Интьери в 1754 г. основал «первую итальянскую или европейскую кафедру политической экономии (коммерции и механики)», первым профессором которой стал Антонио Дженовези (*Genovesi*, 1911. P. 600). В 1970-х гг. советские историки сошлись во мнении, что Антонио Дженовези явился основателем первой в Европе кафедры политической экономии (*История...*, 1974. С. 260).

Похожей интерпретации придерживаются в Италии. В 1954 г. в провинции Кампания недалеко от Салерно, в городке Кастильоне-дель-Дженовези на доме, где Дженовези родился и вырос, появилась мраморная мемориальная табличка, гласящая, что он «впервые возвысил достоинство науки по проблемам производства и богатства. В 200-летие основания кафедры гражданской экономики в университете Неаполя». В этом свидетельстве важен не сам факт первенства учреждения кафедры политической экономии, поскольку, как далее будет сказано, сам по себе он может быть оспорен. Кроме того, была ли она именно политической экономии? Скажем, первая кафедра с именем «гражданская экономика» в названии была учреждена в Модене в 1772 г. Но именно Дженовези стал автором первого комплексного трактата на итальянском языке по политической экономии. Крайне важен и другой аспект: Дженовези был одним из первых, кто предпринял усилия, чтобы целенаправленно заниматься наукой о богатстве и торговле, возвысил достоинство той дисциплины, которую сейчас называют экономической наукой, а ранее чаще именовали политической экономией.

Антонио Дженовези, 300 лет со дня рождения которого отмечали в 2013 г., в 1754 г. возглавил кафедру политической экономии, а точнее — кафедру коммерции и механики (*di commercio e di meccanica*), которая была учреждена при

идейной и финансовой поддержке тосканского реформатора Бартоломео Интьери. Торговля и техника были двумя главными страстями дона Интьери, как иногда называл его Дженовези. Не подлежит сомнению, что этот год можно считать основанием неаполитанской школы гражданской экономики (*economia civile*), имевшей влияние не только в Италии, но и в Германии, Португалии, Испании и колониях. Очевидно, что гражданская (*civile*) экономика тождественна политической экономии, являясь латинской вариацией распространения масштаба от управления домом (оикономии) до города (полиса), страны, мира, от домостроя и агрономии к политической экономии и шире — экономической науке. В этом смысле использование в названии кафедры слова «коммерция» как раз говорит о глобальном и универсальном понимании экономики, поскольку именно внешняя, международная торговля — коммерция — и выводит экономику на национальный и мировой уровень. Вторая часть названия кафедры — «механика» — говорит об интенции рассматривать экономику не как часть этики и теологии, а как практику и технологию, искать собственные законы ее развития. В этом смысле, даже если первенство учреждения кафедры можно оспорить, то налицо масштабность и революционность как замысла, так и самого шага, связанного и с Просвещением, и с поиском независимым королевством Неаполя собственных источников развития, и с намерением Дженовези обособиться от этики и теологии, в которых он был не просто сведущ, но сам до этого возглавлял кафедру этики и участвовал в конкурсе на заведование самой престижной кафедры того времени — теологии.

Была ли кафедра, учрежденная Дженовези, первой? Как известно, Адам Смит работал на кафедре моральной философии университета Глазго. В англосаксонской традиции отдельные кафедры по экономике появляются достаточно поздно. Другой вопрос, что в Германии и Швеции университеты часто были призваны воспитывать профессиональных управленцев и бюрократов, и там достаточно рано появля-

ются кафедры, которые можно трактовать как политэкономические. Ряд университетов уже в первой половине XVIII в. открывает профессорские позиции по так называемым камеральным наукам, в рамках которых синтезируются знания об управлении единичным и народным хозяйством с такими дисциплинами, как право (прежде всего, полицейское право), финансы (наполнение казны), внутренняя и внешняя безопасность, демография, агрономия, рудное и фабричное дело и даже элементы медицины.

Начиная с 1754 г. Дженовези под аплодисменты и воодушевление публики начинает читать свои первые открытые лекции о торговле на итальянском языке. Лишь впоследствии добавилось расширение: «или О гражданской экономике». Полный курс был рассчитан на два года. Первый вариант текста лекций относится к 1757–1758 гг., он не публиковался Дженовези. Из рукописей видно, что по структуре он поначалу имел более практическую направленность и начинался сразу с вопросов торговли и положения Неаполя, позже структура менялась в сторону усложнения (*Venturi*, 1960. Pp. 511–513).

В 1765 г. в Неаполе выходит первый том, в 1767 – второй том «Лекций о торговле, или О гражданской экономике». Годом позже в Милане увидело свет издание, ставшее более распространенным, в которое, тем не менее, были внесены коррективы и добавления, что сделало гораздо более ценным второе неаполитанское издание 1768–1770 гг., по которому, учитывая его переиздание в 2013 г. в Милане, был выполнен русский перевод 2016 г. (*Дженовези*, 2016).

ЛИТЕРАТУРА

- Вернадский И.В.* (1849). Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX века. М.
- Вико Д.* (1994). Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев.
- Дженовези* (1893). // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 20. СПб. С. 536.

- Дженовези А. (2016). Лекции о торговле, или о Гражданской экономике. М.; СПб.
- Д'Онофрио Ф. (2015). Полезная история: о трехуровневой философии истории Антонио Дженовези // Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ. Спец. выпуск: Экономика и религия. М., СПб. С. 90–93.
- Драгонетти Дж. (1769). Рассуждение о добродетелях и награждениях, служащее последованием рассуждению о преступлениях и наказаниях. СПб.
- История зарубежной литературы XVIII века / Под ред. А.П. Неустроева, Р.М. Самарина. (1974). М.
- Мелон Ф. (1768). Политический опыт о коммерции. СПб.
- Филитов А. (2012). Полицейское государство и всеобщее благо. К истории одной идеологии // Отечественные записки. № 2. С. 328–340.
- Хиришман А. (2012). Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М.
- Шумпетер Й. (2001). История экономического анализа: в 3 т. СПб. Т. I.
- Bellamy R. (2014). Croce, Gramsci, Bobbio and the Italian Political Tradition. ECPR Press.
- Clendenning P.H. (1972). Eighteen Century Russian Translations of Western Economic Works // Journal of European Economic History. No. 1. Pp. 745–753.
- Custodi P. (1803–1804). Scrittori classici italiani di economia politica. Milano.
- De Ruggiero G. (1954). Il pensiero politico meridionale nei secoli XVIII e XIX. Bari.
- Fusco A.M. (1988). Il mercantilismo “rinnovato” di Antonio Genovesi // Rivista di politica economica. Serie III. No. 5. Maggio. Pp. 603–616.
- Fusco A.M. (2007). Intorno al mercantilismo di Antonio Genovesi // Genovesi A. Economista / a cura di B. Jossa, R. Patalano, E. Zagari. Napoli. Pp. 51–58.
- Genovesi Antonio (1911) // The Encyclopædia Britannica. Eleventh ed. Vol. 11. Cambridge; N. Y. P. 600.
- Genovesi A. (1977). Scritti. Illuministi italiani. Rifarmatori italiani / a cura di F. Venturi. Torino.
- Heckscher E. (1955). Mercantilism: in 2 vol. Second ed. Vol. 2. London.
- Magnusson L. (2017). Comparing Cameralisms: The Case of Sweden and Prussia // Cameralism in Practice. State Administration and Economy

- in *Early Modern Europe* / ed. by M. Seppel and K. Tribe. Woodbridge. Pp. 17–38.
- Reinert S.* (2011). *Translating Empire. Emulation and the Origins of Political Economy.* Cambridge; London.
- Robertson J.* (2005). *The Case for the Enlightenment. Scotland and Naples 1680–1760.* Cambridge.
- Schiera P.* (1968). *Il cameralismo e l'assolutismo tedesco.* Milano.
- Staplebroek K.* (2008). *Love, Self-Deceit, and Money. Commerce and Morality in the Early Neapolitan Enlightenment.* Totonto.
- Troisi M.* (1937). *La dottrina economica dell'abate A. Genovesi.* Roma.
- Venturi F.* (1960). Le “Lezioni di Commercio” di Antonio Genovesi. *Manoscritti, edizioni e traduzioni // Rivistastoricaitaliana.* Vol. LXXII. Fasc. III. Pp. 511–530.
- Venturi F.* (1977). *Nota introduttiva // Genovesi A. Scritti. Illuministiitaliani. Refarmatoriitaliani.* A cura di Franco Venturi. Torino. Pp. VII–XLVII.
- Villari L.* (1958). *Il pensiero economico di Antonio Genovesi.* Firenze.

Н.В. Смородинская, Д.Д. Катукнов
Институт экономики РАН

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭНДОГЕННЫХ МЕХАНИЗМАХ РОСТА: ОТ МОДЕЛИ РОМЕРА ДО ТЕОРИИ СЛОЖНЫХ СИСТЕМ

В докладе представлено аналитическое сравнение ключевых теорий экономического роста с точки зрения интерпретации ими инновационного процесса и соответствующих функций государства по его стимулированию. Основное внимание уделено эволюции тех теоретических воззрений, которые связывают устойчивый рост с эндогенным характером инноваций и повышением на этой основе совокупной факторной производительности (СФП) экономики (*Замулин, Сонин, 2019*). Хотя современный экономический мейнстрим признает инновационную активность основой для устойчивого развития систем в XXI в., он никак не раскрывает эндогенных механизмов инновационного типа роста (*innovation-driven growth*), характерного для формирующейся экономики знаний. Традиционная политика роста, восходящая к кейнсианским идеям стимулирования спроса и неоклассической теории *laissez-faire*, располагает в этой области такими моделями, которые либо вообще не относят инновации к непосредственным факторам производства (модель Солоу и другие модели экзогенного роста 1950–1960-х гг. (*Solow, 1956*)), либо недоучитывают нелинейные параметры инновационной среды, описанные как входящими, так и не входящими в мейнстрим экономистами институционально-

эволюционного направления (*Acemoglu et al.*, 2005; *Hanusch, Рука*, 2007; *Кирдина-Чэндлер, Маевский*, 2017). На этом фоне авторы показывают, как эндогенные модели шумпетерианского направления (Schumpeterian growth theory) (*Aghion et al.*, 2015), широко применяемые сегодня для оценки потенциала развития и передовых, и догоняющих экономик (EBRD, 2017), преодолевают концептуальные ограничения модели Ромера (Romer, 1990), отмеченной в качестве первой эндогенной модели Нобелевской премией (2018 г.), и как ограничения самой шумпетерианской теории роста (ШТР) преодолеваются экономической теорией сложности (complexity economics) – новейшим направлением теоретической мысли, претендующим на роль современной альтернативы традиционной economics (*Al-Suwailem*, 2011; *Elsner et al.*, 2014; *Смородинская*, 2017).

В XXI в. инновации создаются коллективно – в ходе интерактивной кооперации (коллаборации) участников бизнес-сетей, образующих экосистемы связей разной степени сложности (*Smorodinskaya et al.*, 2017). Для сохранения устойчивого роста странам теперь необходимо не просто иметь определенные передовые технологии, а опираться на непрерывную инновационную активность на уровне экосистем (*Russell, Smorodinskaya*, 2018). Это принципиально усложняет эндогенные механизмы саморазвития, делая задачу инновационного перехода одинаково актуальной для любых типов экономик.

Авторы анализируют современное понимание процессов креативного разрушения, составляющее центральную идею ШТР о создании безбарьерной среды для роста динамики оборота фирм и ресурсов. Снижение этой динамики фрагментирует экономику по линии нарастания межфирменных разрывов в производительности, что ведет к падению СФП и торможению роста. Фрагментация обычно сопряжена с переполнением рынков низкоэффективными компаниями (часто с госучастием), которые имеют морально устаревшие продукты и бизнес-практики, но не уходят с рынка из-за

низкой конкуренции и/или широкой господдержки (*Adalet McGowan et al.*, 2018). С этих позиций описаны причины «новой нормальности» и парадоксального снижения СФП в развитых странах (*Bergeaud et al.*, 2017) и проблема ловушки среднего дохода в транзитных экономиках (EBRD, 2017). Для поддержания роста страна должна иметь не доминирующее (как у кейнсианцев) и не минимальное (как у неоклассиков), а «умное» государство, которое не только гарантирует свободу конкуренции, но и устраняет любые возникающие в экономике барьеры, способные затормозить эффективную реаллокацию ресурсов (*Aghion, Roulet*, 2014).

Теория сложности шире учитывает нелинейную специфику цифровой реальности, при которой экономики теряют прежнюю равновесность и уже не поддаются традиционным методам госрегулирования, описанным в неоклассике (*Axelrod, Cohen*, 2000; *Al-Suwailem*, 2011). Эта теория нацеливает страны на непрерывное структурное усложнение производства и экспорта (наращивание доли более наукоемких и более доходных видов деятельности), поскольку именно так формируются эндогенные источники роста, придающие экономике динамическую устойчивость в условиях непрерывных и непредсказуемых перемен (*Jones, Olken*, 2008; *Hausmann et al.*, 2013). Неготовность и/или неспособность страны к функциональному усложнению производства чревата затуханием роста, причем в плане структурной политики эта задача носит системный характер и во многом зависит от целенаправленного организационного усложнения экономики по линии развития экосистем и кластерно-сетевой среды (UNCTAD, 2018).

В заключение авторы рассматривают международную исследовательскую инициативу ОЭСР «Новые ответы на современные вызовы», нацеленную на обновление традиционного экономического мышления (OECD, 2015).

ЛИТЕРАТУРА

- Замулин О.А., Сонин К.И.* (2019). Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года и уроки для России // Вопросы экономики. № 1. С. 11–36.
- Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.И.* (2017). Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // Журнал институциональных исследований. Т. 9. № 3. С. 7–23.
- Смординская Н.В.* (2017). Организационное усложнение экономических систем: становление гибридного сетевого порядка и новых подходов к развитию // Очерки по экономической синергетике / Отв. ред. В. И. Маевский, С. Г. Кирдина-Чэндлер, М. А. Дерябина. М.: ИЭ РАН. С. 83–97.
- Смординская Н. В., Катуков Д. Д., Малыгин В. Е.* (2019). Шумпетерианская теория роста в контексте перехода экономических систем к инновационному развитию // Journal of Institutional Studies. Т. 11. № 2. (в печати).
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A.* (2005). Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth. In: P. Aghion, S. N. Durlauf (eds.). Handbook of Economic Growth. Volume 1. Amsterdam: North-Holland. Pp. 385–472.
- Adalet McGowan M., Andrews D., Millot V., Beck T.* (2018). The Walking Dead?: Zombie Firms and Productivity Performance in OECD Countries // Economic Policy. Vol. 33. No. 96. Pp. 685–736.
- Aghion P., Akcigit U., Howitt P.* (2015). The Schumpeterian Growth Paradigm // Annual Review of Economics. Vol. 7. No. 1. Pp. 557–575.
- Aghion P., Roulet A.* (2014). Growth and the Smart State // Annual Review of Economics. Vol. 6. No. 1. Pp. 913–926.
- Al-Suwailem S.* (2011). Behavioural Complexity // Journal of Economic Surveys. Vol. 25. No. 3. Pp. 481–506.
- Axelrod R., Cohen M.D.* (2000). Harnessing Complexity: Organizational Implications of a Scientific Frontier. New York, NY: Basic Books.
- Bergeaud A., Lecat R., Cette G.* (2017). Total Factor Productivity in Advanced Countries: A Long-Term Perspective // International Productivity Monitor. No. 32. Pp. 6–24.
- EBRD (2017). Transition Report 2017-18: Sustaining Growth. London: European Bank for Reconstruction and Development.
- Elsner W., Heinrich T., Schwardt H.* (2014). The Microeconomics of Complex Economies: Evolutionary, Institutional, Neoclassical, and Complexity Perspectives. Amsterdam: Academic Press.

- Hanusch H., Pyka A.* (eds.) (2007). *Elgar Companion to Neo-Schumpeterian Economics*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Hausmann R., Hidalgo C.A., Bustos S., Coscia M., Simoes A., Yildirim M.A.* (2013). *The Atlas of Economic Complexity: Mapping Paths to Prosperity*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Jones B.F., Olken B.A.* (2008). The Anatomy of Start-Stop Growth // *Review of Economics and Statistics*. Vol. 90. No. 3. Pp. 582–587.
- OECD (2015). *Final NAEC Synthesis: New Approaches to Economic Challenges*. Paris: OECD Publishing.
- Romer P. M.* (1990). Endogenous Technological Change // *Journal of Political Economy*. Vol. 98. No. 5. Part 2. Pp. 71–102.
- Russell M.G., Smorodinskaya N.V.* (2018). Leveraging Complexity for Ecosystemic Innovation // *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 136. Pp. 114–131.
- Smorodinskaya N.V., Russell M.G., Katukov D.D., Still K.* (2017). Innovation Ecosystems vs. Innovation Systems in Terms of Collaboration and Co-creation of Value. *Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences*. hdl.handle.net/10125/41798.
- Solow R.M.* (1956). A Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 70. No. 1. Pp. 65–94.
- UNCTAD (2018). *World Investment Report 2018: Investment and New Industrial Policies*. New York, NY: United Nations.

С.В. Соловьева
МГУ им. М.В. Ломоносова

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ Т. С. ХАЧАТУРОВА И ПРИРОДНЫЙ КАПИТАЛ РОССИИ

Один из наиболее сложных вопросов экономики природопользования — экономическая оценка природных ресурсов. В докладе показано значение исследований академика Т.С. Хачатурова в области использования природных ресурсов, и, особенно, стоимостной оценки природных ресурсов. Академик Т.С. Хачатуров одним из первых исследовал проблемы экономической оценки природных ресурсов. Важность исследований для новейшей теории экономики трудно переоценить. В 1967–1969 гг. он обсуждал вопросы значения экономической оценки природных ресурсов, принципов и методов оценки на страницах журнала «Вопросы экономики». В дальнейшем им были организованы работы по оценке отдельных видов природных ресурсов: земель, минеральных, лесных ресурсов.

В докладе демонстрируется, насколько исследования Т.С. Хачатурова, связанные с оценкой природных ресурсов СССР, опередили время. В мировой научной литературе подобные оценки появились в 90-е гг. XX в. А. Кунт, К. Гамильтон, Дж. Диксон разработали расширенную концепцию национального богатства, включая природный и человеческий капитал, методологию стоимостной оценки национального богатства.

По мнению автора доклада, весьма актуально дальнейшее методологическое и практическое изучение природного капитала в российском контексте. В докладе продемонстрирована необходимость включения природного капитала в национальное богатство России, изучения структуры данного капитала, динамики его составляющих, факторного анализа его изменения.

Важно включение новых технологий, данных для мониторинга ценности и цены земли, воды, воздуха, дикой природы, в том числе для приоритизации программ, мероприятий, инвестиций, направлений политики в сфере природопользования. Новейшими задачами являются оценка продукции и услуг природы, экологических услуг, идентификация наиболее ценных, находящихся под угрозой природных ресурсов. Исследования экосистемных услуг природных территорий, которые проводятся в настоящее время, позволяют говорить о возможности включения новой составляющей в природный капитал страны.

Можно обозначить методологические и методические задачи по следующим направлениям:

- оценка продукции и услуг природы;
- оценка экологических услуг, чистого воздуха и воды, отдыха и туризма;
- управление природными активами с целью сохранения их качества и количества;
- развитие методов, технологий, данных для мониторинга ценности и цены земли, воды, воздуха, дикой природы и продуктов и услуг, которые общество получает;
- оценка экономической, социальной и культурной ценности природных ресурсов на локальном, региональном, национальном уровне ;
- идентификация наиболее ценных, находящихся под угрозой природных ресурсов;
- определение природоохранной политики, приоритизация программ, мероприятий, инвестиций, развитие ООПТ, «зеленого пояса» городов, «голубого пояса» прибрежных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобылев С., Зубаревич Н., Соловьева С.* (2015). Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития? // Вопросы экономики. № 1. С. 147–160.
- Бобылев С.Н., Минаков В.С., Соловьева С.В., Третьяков В.В.* (2012). Эколого-экономический индекс регионов РФ. М.: WWF России, РИА Новости.
- Вайцеккер Э., Ловинс Э., Ловинс А.* (2000). ФАКТОР ЧЕТЫРЕ. Затрат – половина, отдача – двойная. Новый доклад Римскому клубу / Перевод А.П. Заварницына и В.Д. Новикова под ред. академика Г.А. Месяца. М.: Academia.
- Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / Под ред. А.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации,
- Национальное богатство и национальный продукт. (2016). Книга III. К новому качеству экономического роста и справедливому распределению благ // Под ред. В.Н. Черковца. М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Сильвестров С.Н., Порфирьев Б.Н.* (2008). Национальное богатство: оценка и управление экономическим развитием // Под ред. С.М. Шахрая и Е.И. Ивановой. М.: Экономические науки.
- Соловьева С.В.* (2016). Идеи Т.С. Хачатурова и природный капитал России / Международная научная конференция «Ломоносовские чтения-2016». «Экономическая наука и развитие университетских научных школ» (к 75-летию экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова): Сборник статей. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 907–914.
- Хачатуров Т.С.* (1969). Об экономической оценке природных ресурсов // Вопросы экономики. № 1. С. 66–74.
- Хачатуров Т.С.* (1982). Экономика природопользования. М.: Экономика.
- Экосистемные услуги России: Прототип национального доклада. (2016). Том 1. Услуги наземных экосистем / Ред.-сост.: Е.Н. Букварёва, Д.Г. Замолодчиков. М.: Изд-во Центра охраны дикой природы.
- Arrow K.J., Dasgupta P., Goulder L.H., Mumford K.J., Oleson K.* (2012). Sustainability and the Measurement of Wealth // Environment and Development Economics 17. Pp. 317–353.
- Barbier E.B.* (2011). Capitalizing on Nature. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blum M., Ducoing C. and McLaughlin E.* (2016). A Sustainable Century? Genuine Savings in developing and developed countries, 1900–

2000. University of st. Andrews. Discussion papers in environmental economics. Paper 2016-15.
- Blum M., McLaughlin E., Hanley N.* (2013). Genuine savings and future well-being in Germany, 1850–2000. Stirling Economics Discussion Paper 2013-13.
- Dixon J., Scura L.F., Carpenter R.A. and Sherman P.B.* (1995). Economic Analysis of Environmental Impacts. Earthscan Publications, London.
- Ecosystems and Human Well-Being: Synthesis. Millennium Ecosystem Assessment. (2005). Island Press. Washington DC.
- Expanding the Measure of Wealth: Indicators of Environmentally Sustainable Development. (1997). World Bank.
- Hamilton K.* (2000). Sustaining Economic Welfare: Estimating Changes in Per Capita Wealth // Policy Research Working Paper. Ser. 2498 / World Bank; Washington DC.
- Hamilton K., Gang Liu.* (2013). Human Capital, Tangible Wealth, and the Intangible Capital Residual. Policy Research Working Paper 6391. The World Bank.
- Hamilton K., Hepburn C.* (2014). Wealth // Oxford Review of Economic Policy. Vol. 30. No. 1. Pp. 1–20.
- Inclusive Wealth Report 2012 (2012). Measuring Progress Toward Sustainability, in: Programme, U.N.E. (Ed.). United Nations. UNEP.
- Kunte Arundhati, Kirk Hamilton, John Dixon, Michael Clemens.* (1998). Estimating National Wealth: Methodology and Results. The World Bank. Environmental Economics Series.
- Lange Glenn-Marie, Quentin Wodon and Kevin Carey, eds. (2018). The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future. Washington, DC: World Bank.
- Mainstreaming Biodiversity for Sustainable Development, OECD Publishing. (2018). Paris.
- Ndjamé D., Marotta D., Melo J.de.* (2012). Natural Resource Abundance, Growth, and Diversification in the Middle East and North Africa: The Effects of Natural Resources and the Role of Policies. Washington, D.C.: World Bank.
- Pearce D., Atkinson G.* (1993). Capital theory and the measurement of sustainable development: an indicator of 'weak' sustainability // Ecological Economics. Vol. 8. No. 2. Pp. 103–108.
- Russi D. and ten Brink P.* (2013). Natural Capital Accounting and Water Quality: Commitments, Benefits, Needs and Progress. A Briefing Note. The Economics of Ecosystems and Biodiversity (TEEB).

System of Environmental-Economic Accounting 2012 – Experimental Ecosystem Accounting. (2014). European Commission, Food and Agriculture Organization, International Monetary Fund, OECD, United Nations, World Bank.

The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium. (2011). World Bank. Washington,

The Economics of Ecosystems and Biodiversity: Mainstreaming the Economics of Nature: A synthesis of the approach, conclusions and recommendations of TEEB. (2010). TEEB.

United Nations Statistical Division Database.

World Development Indicators Online Database

А.С. Стрекалова

Волгоградский государственный университет

ЭФФЕКТ PATH DEPENDENCE
В ИСТОРИИ ТЕОРИИ МОТИВАЦИИ:
ИЕРАРХИЯ МАСЛОУ VS ПИРАМИДА ГОБЛА*

Дискуссии о мотивации в маркетинге, менеджменте, управлении персоналом, государственном управлении, экономике труда и других областях прикладной экономической науки далеки от завершения. Доминирующий теоретический подход в этой области до сих пор не сложился. В настоящее время в теории мотивации существует множество течений, дополняющих или отвергающих друг друга. Но все они так или иначе базируются на фундаментальном принципе иерархии потребностей.

Родоначальником теории мотивации в ее академической форме, несомненно, является А. Маслоу со своей флагманской работой «Мотивация и личность» (*Maslow, 1954*). Несмотря на то, что теория мотивации в интерпретации Маслоу существует более полувека (а, может быть, и благодаря этому), появился целый ряд ложных интерпретаций и упрощений исходной концепции ее ранними последователями и противниками. На первые искажения наслаивались последующие, уводя теорию мотивации в сторону ее вульгаризации или, как минимум, размывания исходных принципов. Эффект path dependence, связанный с зависимостью от траектории прошлого развития, препятствует прогрессу теории мотивации.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области (проект № 18-410-340005).

Такая ситуация требует качественного переосмысления исторического пути данной теории и критики ее неадекватных визуализаций.

Метаанализ работ, непосредственно посвященных теории мотивации и базирующихся на ней (*Стрекалова*, 2016, 2017), позволил классифицировать наиболее крупные заблуждения в этой области. Детальное изучение первоисточников дало возможность выявить оригинальные идеи Маслоу и проследить их вульгаризацию, которая привела к «укоренению» двух комплексных теоретических мифов – наиболее распространенных, эволюционно сложившихся искажений теории мотивации.

Миф первый: «Пирамиду изобрел и графически изобразил сам А. Маслоу в своих ранних работах». Этот миф полностью опровергается на основании детального анализа работ (в том числе журнала записей, вышедшего уже после его смерти) самого автора теории мотивации (*Maslow*, 1943a, b, 1948a, b, 1954, 1970, 1979, 1987). Проведенное исследование показало, что прототип пирамидальной модели иерархии потребностей (далее – Пирамиды) принадлежит авторству Ф. Гобла (*Goble*, 1970. P. 51) – поклоннику и популяризатору идей А. Маслоу. Он изобразил ее в виде усеченной пирамиды исключительно в целях иллюстрации. Основание пирамиды начиналось с физиологических потребностей (воздух, вода, пища, жилище, сон и секс), следующий уровень – потребности в безопасности и уверенности, третий – потребности в любви и социальной принадлежности, затем – потребности в самоуважении и уважении других, а завершал пирамиду большой блок потребностей в самоактуализации, включавший 16 равноценных позиций. Каждый из уровней находился строго один над другим. Никаких комментариев и пояснений своей иллюстрации Гобл в тексте своей научно-популярной книги не давал. Позднее сделанное им популярное изложение теории мотивации попало в поле зрения лидера американской маркетинговой школы Ф. Котлера, который ее упростил, масштабировал и внедрил Пирамиду в учебники по маркетингу

и менеджменту, приписав авторство А. Маслоу (*Kotler, Keller, 2012. P. 161*). Таким образом, Пирамида трудами Ф. Гобла и Ф. Котлера прочно закрепились в учебниках и умах многих поколений экономистов. Но Маслоу никогда и ни в каком виде не изображал Пирамиду. Наверное, модель Гобла наиболее близка к оригинальным идеям Маслоу, поскольку метапотребности занимали около половины площади Пирамиды, но впоследствии все уровни стали изображаться равными по размеру.

Миф второй: «Пирамида базируется на строгой и жесткой иерархии потребностей». Такая детерминация коснулась не только учебников по экономике, маркетингу и менеджменту, но даже работ в области психологии (*Koltko-Rivera, 2006*). Этот миф вызван несколькими причинами. Во-первых, у подавляющего большинства ученых в принципе отсутствует понимание стиля работ А. Маслоу, в которых он всегда сначала выдвигал категоричный тезис, а затем комментировал и переосмысливал его, высказывая допущения и ограничения. Потому распространенная практика цитирования фраз, вырванных из контекста, часто приводила к искажению первоначального смысла, вложенного автором.

Во-вторых, не учитываются поздние работы Маслоу, в которых он не только переосмысливал свою теорию мотивации и давал пояснения дискуссионным вопросам, но и определял новые рубежи понимания человека, выходявшие за рамки *homo economicus* и иррациональных «гуманов» поведенческой экономики. Даже в своих ранних работах Маслоу говорил о том, что все потребности среднего члена общества в разной пропорции и удовлетворены и не удовлетворены (*Maslow, 1943a. P. 395*). Таким образом, никакого «восхождения» по уровням Пирамиды от одной потребности к другой только после полного удовлетворения предыдущей нет. Все они насыщаются параллельно. В более поздних работах Маслоу подчеркивал, что отношение к высшим ценностям как менее неотложным или насущным (по отношению к базовым) является лишь обобщенным статистическим утвержде-

нием и имеет исключения и ограничения (Маслоу, 2011. С. 362). Автор оригинальной теории мотивации посвятил свою научную деятельность изучению высших потребностей в самоактуализации у здоровых личностей, уделяя огромное внимание их метамотивации.

Самоактуализация — наиболее важная часть теории мотивации — не должна восприниматься как некий недостижимый, абстрактный, маленький треугольник на самой вершине Пирамиды. В развиваемой Маслоу теории метамотивации самоактуализация предстает многогранным понятием, включающем в себя стремление к истине, красоте, новизне, уникальности, справедливости, лаконичности, простоте, доброте, аккуратности, эффективности, любви, честности, невинности, порядку, элегантности, росту, чистоте, подлинности, покою, миру и др. (там же. С. 344). Автор подчеркивал, что потребность в самоактуализации не статична, она зависит от большого количества изменяющихся факторов (там же. С. 319), над которыми А. Маслоу лишь размышлял, но так и не дал полного ответа.

Возвращение к оригинальной теории мотивации в традиции Маслоу, свободной от заблуждений и «белых пятен», позволяет развить целый спектр теоретических и прикладных исследований. В целом необходимо активнее использовать оригинальные идеи Маслоу в области теории мотивации, забытые и подвергшиеся многим искажениям. Нужно раз и навсегда отказаться от самой идеи Пирамиды и перестать транслировать теорию мотивации исключительно с точки зрения иерархии различных видов потребностей. В оригинальной теории мотивации речь идет совсем не о статичной пирамиде с равнозначными уровнями жестко соподчиненных потребностей. Напротив, Маслоу говорил, скорее, об иерархическом континууме потребностей, с размытыми межуровневыми границами, с нелинейно взаимосвязанными группами потребностей. Изображать такую сложную систему в виде пирамиды бессмысленно, а делать на основе этой графической модели какие-то практические выводы — просто абсурдно.

ЛИТЕРАТУРА

- Стрекалова А.С.* (2016). Мифология пирамиды Маслоу // *Маркетинг в России и за рубежом*. № 6. С. 3–14.
- Стрекалова А.С.* (2017). Маркетинг территорий 3.0: идентификация новой концептуальной рамки регионального развития // *Журнал экономической теории*. № 3. С. 99–107.
- Goble F.G.* (1970) *The third force: the psychology of Abraham Maslow*. New York: Grossman.
- Koltko-Rivera M.E.* (2006). Rediscovering the Later Version of Maslow's Hierarchy of Needs: Self-Transcendence and Opportunities for Theory, Research, and Unification // *Review of General Psychology*. Vol. 10. No. 4. Pp. 302–317.
- Kotler P., Keller K.L.* (2012). *Marketing Management*. 14th ed. Upper Saddle River (New Jersey): Prentice Hall.
- Maslow A.H.* (1943a) *A Theory of Human Motivation* // *Psychological Review*. Vol. 50. No. 4. Pp. 370–396.
- Maslow A.H.* (1943b). *Preface to motivation theory* // *Psychosomatic Medicine*. Vol. 5. Pp. 85–92.
- Maslow A.* (1948a). Higher and lower needs // *The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied*. Vol. 25. Pp. 433–436.
- Maslow A.H.* (1948b). Some theoretical consequences of basic need-gratification // *Journal of Personality*. Vol. 16. No. 4. Pp. 402–416.
- Maslow A.H.* (1954). *Motivation and personality*. New York: Harper&Row.
- Maslow A.H.* (1970). *Motivation and personality*. New York: Harper&Row.
- Maslow A.H.* (1979). *The journals of A.H. Maslow* / R.J. Lowry, ed. Vol. 1–2. Monterey, CA: Brooks/Cole.
- Maslow A.H.* (1987). *Motivation and personality* / Frager R., Fadiman J., McReynolds C., Cox R. (eds.). New York: Addison-Wesley Longman.

В.А. Тамбовцев
МГУ им. М.В. Ломоносова

ОБИЛИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМОВ: К РАСЦВЕТУ ИЛИ КРИЗИСУ?

Разнообразие исследовательских подходов внутри научного направления, именуемого «институционализм», не раз отмечалось исследователями. Так, А. Харрис еще в 1932 г. писал о том, что например, различия между У. Митчеллом и Т. Вебленом или между К. Марксом и У. Митчеллом гораздо глубже, чем между ними как группой и остальными традиционными теоретиками экономики (*Harris, 1932*). К.П. Кокарев, проанализировав соотношение различных вариантов институционализма в политической науке, констатирует: «Институционализмы преимущественно существуют в различных дисциплинарных полях и не смешиваются систематически» (*Кокарев, 2014. С. 199*). М. Алвессон и др., обобщая исследования в области организационной теории, характеризуют институционализм как «необузданный», «слишком широкий, фрагментированный и сбивающий с толку» (*Alvesson et al., 2019. P. 119*). Вместе с тем П. Хмелевски предлагает рассматривать новый институционализм как «конкурентоспособную платформу для интеграции различных дисциплин в социальных науках» (*Chmielewski, 2010. P. 9*), а К. Менар и М. Ширли, говоря о будущем новой институцио-

нальной экономической теории, видят признаки становления новой парадигмы (Menard, Shirley, 2014).

Анализ показывает, что кроме давно существующих, признанных институциональных теорий – экономических (оригинальный институционализм и новая институциональная экономическая теория) (Hodgson, 2009), организационно-социологических (новый институционализм, new institutionalism) (Nee, 1998) и политологических (рационального выбора, исторический и социологический институционализмы) (Hall, Taylor, 1996) – в последние годы в литературе дали о себе знать еще более двух десятков институционализмов.

Как минимум о двух было заявлено в экономической теории (когнитивном (Ambrosino et al., 2018) и правовом (Deakin et al., 2017)), более чем о пяти – в организационной («мягком» (MacLeod, 2001); «институциональном процессуализме» (Barzelay and Gallego, 2006); риторическом (Green and Li, 2011); коммуникационном (Cornelissen et al., 2015); движимом практикой (Smets et al., 2017); сравнительном (Hottho, Saka-Helmhout, 2017)), и примерно о пятнадцати – в политической науке (актор-центрическом (Scharpf, 1997); дискурсивном (Schmidt, 2008); неолиберальном (Stein, 2008); феминистском рационального выбора (Driscoll and Krook, 2009); феминистском (Mackay et al., 2010); сетевом (Obanyan, 2012); пост-структуралистском (Moon, 2013); общественного интереса (Ginosar, 2014); критическом (Hall et al., 2014); онтологическом (Hay, 2016); радикальном (Hall et al., 2016); эволюционном (Fürstenberg, 2016); нарративном (Nielsen, 2016); либеральном (Johnson and Heiss, 2018); новом политическом (Hysing and Olsson, 2018); территориальном (Beck, 2019)).

Если исходить из концепции исследовательских программ И. Лакатоша, эта картина напоминает ситуацию, сложившуюся на закате геоцентрической системы Птолемея, когда рост числа точных наблюдений за движением планет обнаруживал все больше противоречий с ее теоретическими предсказаниями. В ответ на эти несоответствия сторонники системы Птолемея, стремясь сберечь ее «твердое ядро»,

предлагали все новые и новые дополнительные деференты, эпициклы и эксцентрики. Иначе говоря, рост числа институционализмов может свидетельствовать о кризисе институционализма как масштабной междисциплинарной исследовательской программы.

Вместе с тем умножение институционализмов можно трактовать и совсем иначе — как свидетельство расцвета этой программы, осваивающей все новые и новые области в жизни общества и экономики. Для того, чтобы понять, какая из этих гипотез в большей мере соответствует действительности, необходим анализ содержания недавно возникших институционализмов. Предметом такого анализа, по нашему мнению, должны быть вводимые их сторонниками дополнительные предпосылки — методологические и онтологические (поведенческие). Если дополнительные предпосылки отражают какие-то стороны объекта анализа, ранее остававшиеся без внимания, при следовании базовым предпосылкам соответствующей теории-«прародителя», — налицо подтверждения развития последней, а не защиты от противоречащих фактов. Напротив, если предпосылки новых теорий имеют характер *ad hoc*, т.е. не связаны с особенностями объекта исследования, — налицо признаки выстраивания линий обороны вокруг подвергаемого сомнению «твердого ядра» теории-«прародителя».

Предварительный анализ показывает, что внутри каждой из дисциплин — экономики, социологии и политической науки — основная часть заявивших о себе институционализмов включает новые предпосылки предметно-специфического характера, что не дает оснований говорить о близящемся кризисе институциональной междисциплинарной исследовательской программы.

ЛИТЕРАТУРА

- Кокарев К.П. (2014). Институционализм: Сад расходящихся исследовательских тропок. МЕТОД; Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. № 4. С. 192–202.
- Alvesson M., Hallett T. & Spicer A. (2019). Uninhibited Institutionalisms // *Journal of Management Inquiry*, 28(2). Pp. 119–127.
- Ambrosino A., Fontana M., Gigante A.A. (2018). Shifting boundaries in Economics: the Institutional Cognitive strand and the Future of Institutional Economics // *Journal of Economic Surveys*, 32(3). Pp. 767–791.
- Barzelay M. and Gallego R. (2006). From “New Institutionalism” to “Institutional Processualism”: Advancing Knowledge about Public Management Policy Change // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, 19(4). Pp. 531–557.
- Beck J. (2019). Territorial Institutionalism – Capturing a Horizontal Dimension of the European Administrative Space // *Journal of Borderlands Studies. Latest Articles*.
- Chmielewski P. (2010). New Institutionalism: a Platform for Productive Integration in Social Sciences // *Warsaw Forum of Economic Sociology*, 1(1). Pp. 9–88.
- Cornelissen J.P., Durand R., Fiss P.C., Lammers J.C., Vaara E. (2015). Putting Communication Front and Center in Institutional Theory and Analysis // *Academy of Management Review*, 40(1). Pp. 10–27.
- Deakin S., Gindis D., Hodgson G.M., Huang K., Pistor K. (2017). Legal institutionalism: Capitalism and the constitutive role of law // *Journal of Comparative Economics*, 45(1). Pp. 188–200.
- Driscoll A. and Krook M.L. (2009). Can There Be a Feminist Rational Choice Institutionalism? // *Politics & Gender*, 5(2). Pp. 238–245.
- Fürstenberg K. (2016). Evolutionary institutionalism // *Politics and the Life Sciences*, 35(1). Pp. 48–60.
- Ginosar A. (2014). Public-Interest Institutionalism: A Positive Perspective on Regulation // *Administration & Society*, 46(3). Pp. 301–317.
- Green S.E., Jr. and Li Y. (2011). Rhetorical Institutionalism: Language, Agency, and Structure in Institutional Theory since Alvesson 1993 // *Journal of Management Studies*, 48(7). Pp. 1662–1697.
- Hall K., Cleaver F., Franks T., Maganga F. (2014). Capturing Critical Institutionalism: A Synthesis of Key Themes and Debates // *European Journal of Development Research*, 26(1). Pp. 71–86.
- Hall J., Dunlap A., Mitchell-Nelson J. (2016). Subreption, Radical Institutionalism, and Economic Evolution // *Panoeconomicus*, 63(4). Pp. 475–492.

- Harris A.L.* (1932). Types of Institutionalism // *Journal of Political Economy*, 40(6). Pp. 721–749.
- Hay C.* (2016). Good in a crisis: the ontological institutionalism of social constructivism // *New Political Economy*, 21(6). Pp. 520–535.
- Hodgson G.M.* (2009). Institutional Economics into the Twenty-First Century // *Studi e Note di Economia*, 14(1). Pp. 3–26.
- Hotho J., Saka-Helmhout A.* (2017). In and Between Societies: Reconnecting Comparative Institutionalism and Organization Theory // *Organization Studies*, 38(5). Pp. 647–666.
doi.org/10.1080/08865655.2018.1530608.
- Hysing E. and Olsson J.* (2018). New Political Institutionalism. In: Hysing E. and Olsson J. *Green Inside Activism for Sustainable Development: Political Agency and Institutional Change* (pp. 23–45). Cham: Springer.
- Johnson T. and Heiss A.* (2018). Liberal Institutionalism, In: Weiss T. G. and Wilkinson R. (Eds.). *International Organization and Global Governance*, (pp. 123–134) 2nd ed., London: Routledge.
- Mackay F., Kenny M. and Chappell L.* (2010). New Institutionalism Through a Gender Lens: Towards a Feminist Institutionalism? // *International Political Science Review*, 31(5). Pp. 573–588.
- MacLeod G.* (2001). Beyond soft institutionalism: accumulation, regulation, and their geographical fixes // *Environment and Planning A*, 33(7). Pp. 145–1167.
- Menard C., Shirley M.M.* (2014). The future of new institutional economics: from early intuitions to a new paradigm? // *Journal of Institutional Economics*, 10(4). Pp. 541–565.
- Moon D.S.* (2013). 'Tissue on the bones': Towards the development of a post-structuralist institutionalism // *Politics*, 33(2). Pp. 112–123.
- Nee V.* (1998). Sources of the New Institutionalism. In: M. Brinton and V. Nee (Eds.). *The New Institutionalism in Sociology* (pp. 1–16). NY: Russell Sage.
- Nielsen K.* (2016). Failure in Emerging Adulthood: Narrative Agency in Career, Practice, and Care Institutions among Poor and Working-Class Women. osf.io/preprints/socarxiv/42mju.
- Obanyan A.* (2012). Network Institutionalism and NGO Studies // *International Studies Perspectives*, 13(4). Pp. 366–389.
- Scharpf F.W.* (1997). *Games real actors play: actor-centered institutionalism in policy research*. Oxford: Westview Press.
- Schmidt V.A.* (2008). Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // *Annual Review of Political Science*, 11. Pp. 303–326.

- Smets M., Aristidou A. & Whittington R. (2017).* Towards a practice-driven institutionalism. In: Greenwood R., Oliver C., Lawrence T. B. & Meyer R. (Eds.). *The Sage handbook of organizational institutionalism*. 2nd ed. London: Sage. Pp. 384–411
- Stein A.A. (2008).* Neoliberal Institutionalism. In: Reus-Smit C. and Snidal D. (Eds.). *The Oxford Handbook on International Relations*. New York: Oxford University Press. Pp. 201–221.

И.Г. Чаплыгина
МГУ им. М.В. Ломоносова

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ К. ВОЛЬФА НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Исследование посвящено теоретическим истокам отечественной экономической мысли и ее особенностям. Для любой экономической мысли важное значение имеет интеллектуальная среда, в которой она формируется. Немалую роль здесь играют доминирующие философские направления. Представление о мире, его движущих силах, роли и предназначении человека, характере законов и допустимых мыслительных конструкциях, в которые они могут быть облачены, статусе теорий и возможности раскрыть истину — эти аспекты общего мировоззрения неизбежно оказывают влияние и на особенности экономического мышления любой эпохи.

Российская экономическая мысль обладает целым рядом особенностей, истоки которых уходят далеко в века. Одним из периодов, оказавших, на наш взгляд, влияние на всю дальнейшую историю науки, является XVIII в. и, в частности, период правления Екатерины Великой, когда под влиянием ее увлечения европейскими философами в России начинают активно знакомиться с современными тому времени идеями европейских мыслителей. Это приводит не только к заимствованиям, но дает импульс для развития собственных научных школ.

В отношении экономической теории в этот период считается, что большое влияние как на политику самой

Екатерины, так и на общественные взгляды оказывает камерализм. В частности, это влияние сопряжено с увлечением философской и общественной мыслью Кристиана Вольфа. Будучи одним из наиболее влиятельных германских философов, он завоевал популярность и в России, в том числе благодаря работам своего популяризатора Фридриха Баумейстера, труды которого привозились и затем переводились в России.

Чем вызван интерес к влиянию этого философа на русскую интеллектуальную историю? Известно, что Вольф был последователем и интерпретатором философии Лейбница. В работах ряда авторов, достаточно разных, например, Карла Прибрама и Петера Козловски, анализировавших особенности истории европейской экономической мысли, выделяются три отличающиеся друг от друга традиции: «островная», восходящая к эмпиризму Френсиса Бекона; «континентальная», находившаяся под сильным влиянием картезианства; германская, на формирование которой оказало влияние своеобразие философии Лейбница. В литературе встречаются тезисы, что взгляды этого немецкого мыслителя повлияли на формирование исторического направления, в том числе и экономической мысли. Насколько оправданны аналогичные суждения в отношении особенностей российской экономической мысли — это и есть главный вопрос данного исследования.

Задача доклада — показать, каковы особенности камерализма в России и как это связано с влиянием идей К. Вольфа на русскую интеллектуальную культуру XVIII в.: повлияло ли это на формирование традиции активного государственного воздействия на экономику и на национальное своеобразие экономического уклада России.

К 10-летию
ЖУРНАЛА НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА: ЗАБЫТЫЕ И ОТВЕРГНУТЫЕ ТЕОРИИ

ПРОГРАММА

1-й Октябрьской международной научной
конференции по проблемам
теоретической экономики
(Москва, 3–5 октября 2019 г.)

3 октября, четверг, первая половина дня

9.30–10.00	РЕГИСТРАЦИЯ	
10.00–10.15	ОТКРЫТИЕ	
СЕССИЯ 1	ЧТО ПРИНИМАЕТ И НЕ ПРИНИМАЕТ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ	
Часть 1	<i>Модератор: РУБИНШТЕЙН А.Я.</i>	
10.15–10.35	Автономов В.С.	Кто, как и почему отвергает экономические теории
10.35–10.55	Ананьин О.И.	Экономическая наука: развилки и тупики развития
10.55–11.15	Кошовец О.Б.	Отвергая «субъективизм», забывая «объективность»: экономическая наука и стандарты научности
11.15–11.45	Дискуссия	
11.45–12.00	Кофе-брейк	
Часть 2	<i>Модератор: АВТОНОМОВ В.С.</i>	
12.00–12.20	Рубинштейн А.Я.	Почему одни теории не получают признания, а другие имеют успех: «мериторный патернализм» Р. Масгрейва и «либертарианский патернализм» Р. Талера
12.20–12.40	Худокормов А.Г.	Теории полузабытые, но полезные сегодня
12.40–13.00	Славинская О.А.	Не отвергнутые, но почти забытые итальянцы
13.00–13.30	Дискуссия	
13.30–14.30	Обед	

3 октября, четверг, вторая половина дня

СЕССИЯ 2		ЗАРУБЕЖНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
Часть 1		<i>Модератор:</i> МАКАШЕВА Н.А.
14.30–14.50	Campagnolo Gilles Jean-Pierre	The Case of Carl Menger and his disciples in France: how hardly Austrian economics spread there
14.50–15.10	Ковалёв А.В.	Второе издание «Оснований...»: была ли трансформация взглядов Менгера?
15.10–15.30	Заостровцев А.П.	Радикальная политическая экономия Ганса-Германа Хоппе
15.30–16.00	Дискуссия	
16.00–16.15	Кофе-брейк	
Часть 2		<i>Модератор:</i> ЗАОСТРОВЦЕВ А.П.
16.15–16.35	Гловели Г.Д.	Протоанализ национальной конкурентоспособности в «Политической арифметике» У. Петти
16.35–16.55	Ядгаров Я.С.	Забытая и отвергнутая концепция морально-нравственной политэкономии родоначальника экономического романтизма С. Сисмонди
16.55–17.15	Борох О.Н.	Юань Сяньнэн и поиск истоков китайской экономической мысли
17.15–17.45	Дискуссия	
17.45–19.00	Презентация книги	Ронкалья Алессандро «Богатство идей: история экономической мысли»

4 октября, пятница, первая половина дня

10.00–10.15	РЕГИСТРАЦИЯ	
СЕССИЯ 3	ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: НОВОЕ ИЛИ ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ	
Часть 1	<i>Модератор:</i> АНАНЬИН О.И.	
10.15–10.35	Полтерович В.М.	Петр Кропоткин, философия сотрудничества и цифровая революция
10.35–10.55	Кирдина-Чэндлер С.Г.	«Анархический коммунизм» П.А. Кропоткина и «теория государственной социалистической собственности» А.В. Венедиктова
10.55–11.15	Павленко Ю.Г.	Институциональные основания государства в контексте наследия Т. Веблена, Дж.К. Гэлбрейта, Т.Х. Маршалла
11.15–11.45	Дискуссия	
11.45–12.00	Кофе-брейк	
Часть 2	<i>Модератор:</i> ПОЛТЕРОВИЧ В.М.	
12.00–12.20	Гринберг Р.С.	Возрождение идеи социальной рыночной экономики: устойчивый тренд или временный феномен?
12.20–12.40	Покидченко М.Г.	Камерализм – забытая концепция или путь в будущее
12.40–13.00	Расков Д.Е.	Переводы Юсти: рецепция камерализма в России XVIII в.
13.00–13.30	Дискуссия	
13.30–14.30	Обед	

4 октября, пятница, вторая половина дня

СЕССИЯ 4		ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ
Часть 1		<i>Модератор:</i> МИНАКИР П.А.
14.30–14.50	Николай Ненов Неновски	Рассчитываться без денег: натуральные модели социального бухучета по О. Нейрату и А. Чаянову
14.50–15.10	Остапенко В.М.	Естественная и нейтральная ставки процента в истории макроэкономики
15.10–15.30	Капанина М.А.	У истоков эволюционной экономики: сравнение анализа эффекта масштаба и эволюции форм промышленности А. Корсаком и А. Маршаллом
15.30–16.00	Дискуссия	
16.00–16.15	Кофе-брейк	
Часть 2		<i>Модератор:</i> ГРИНБЕРГ Р.С.
16.15–16.35	Демьяненко А.Н., Минакир П.А.	Теория экономического ландшафта А. Лёша: неожиданная реинкарнация в Стратегии пространственного развития РФ
16.35–16.55	Бураков Н.А.	Новая экономическая география: упущенные возможности
16.55–17.15	Миряков М.И.	Реформирование пенсионных систем в конце XX – начале XXI в.: отвергнутые теории
17.15–17.45	Дискуссия	
17.45–19.00	Презентация книги	Рубинштейн А.А. «Теория опекаемых благ»

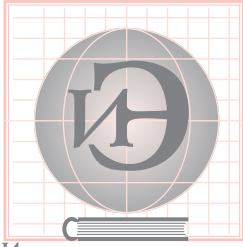
5 октября, суббота, первая половина дня

10.00–10.15	РЕГИСТРАЦИЯ	
СЕССИЯ 5	РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ	
Часть 1	<i>Модератор:</i> МИНАКИР П.А.	
10.15–10.35	Allisson Francois	The Role of Nikolay Sieber in Early Russian Marxism
10.35–10.55	Нуреев Р.М.	Концепция азиатского способа производства: причины отторжения при социализме
10.55–11.15	Шапиро Н.А.	Российская классическая политэкономия в контексте нарративного исследования
11.15–11.45	Дискуссия	
11.45–12.00	Кофе-брейк	
Часть 2	<i>Модератор:</i> ГЛОВЕЛИ Г.Д.	
12.00–12.20	Галеев А.В., Мельник Д.В.	Ю. Жуковский: интерпретации теории Рикардо
12.20–12.40	Гущина Е.Э., Вымятина Ю.В.	Осмысление трудов М.И. Туган-Барановского с позиции неортодоксальной экономической теории
12.40–13.00	Дмитриев А.Л.	Попытки «статистификации» экономической теории в России в начале XX в.
13.00–13.30	Дискуссия	
13.30–14.30	Обед	

5 октября, суббота, вторая половина дня

СЕССИЯ 6		ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МЫСЛИ
Часть 1		<i>Модератор: ДМИТРИЕВ А.А.</i>
14.30–14.50	Капелюшников Р.И.	«Мрачная наука»: приключения концепта
14.50–15.10	Арсланов В.В.	Дебаты о протекционизме, академическая конкуренция и институционализация британской экономической науки
15.10–15.30	Ореховский П.А.	Экономический национализм и «коллективное бессознательное» экономической теории
15.30–16.00	Дискуссия	
16.00–16.15	Кофе-брейк	
Часть 2		<i>Модератор: ХУДОКОРМОВ А.Г.</i>
16.15–16.35	Белянова Е.В., Макашева Н.А.	Конструктивистский проект «Эконометрика–1930»: реализация невозможного?
16.35–16.55	Фролов Д.П.	Вспомнить все: возрождение забытых теорий трансакционных издержек
16.55–17.15	Болдырев О.Ю.	Возвращение к классическому «правовому институционализму» Дж. Коммонса как альтернатива неоинституциональным «экономическому анализу права» и «конституционной экономике»
17.15–17.45	Дискуссия	
17.45–19.00	Презентация книги	«Истоки №9»

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

www.inecon.ru

**Экономическая наука:
забытые и отвергнутые теории**

Сборник материалов
1-й Октябрьской международной научной конференции
по проблемам теоретической экономики
3–5 октября 2019 г.

Научное издание

Дизайн серии – Валериус В.Е., Ахмеджанова В.А.

Редактор – Ерзкян М.Д.

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 24.09.2019 г.

Заказ № 28. Тираж 300 экз. Объем 14,7 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭРАН

ISBN 978-5-9940-0652-8

9 785994 006528